

Вэй У Вэй

открытая тайна

Не2
СЕРИЯ НЕДВОЙСТВЕННОСТИ
www.ne-2.ru

WEI WU WEI

Open Secret

SENTIENT PUBLICATIONS, LLC
2004

Вэй У Вэй

Открытая тайна

Перевод Натальи Гориной

ГАНГА
Москва 2012

ББК 87.7
В 97

By arrangement with Sentient Publications, LLC, Boulder, CO USA

Редактор: *Константин Кравчук*
Редактор китайских имен и терминов:
Вероника Виногродская

Вэй У Вэй

В 97 Открытая тайна / Вэй У Вэй; пер. с англ. Н. Гориной — М.: Ганга, 2012. — 256 с.

ISBN 978-5-98882-168-7

Вэй У Вэй — псевдоним человека, написавшего в период с 1958 по 1974 гг. серию бесценных книг, разъясняющих все тонкости учений недвойственности — не только адвайты, но и буддизма (чань и дзэн), и даосизма. Глубоко философские и поэтичные, эти книги оставляют неизгладимое впечатление на всех, кто берет их в руки.

Одна из самых полюбившихся книг Вэй У Вэя, «Открытая тайна», раскрывает нам истинную природу «я», а также времени, пространства и самого просветления. Эта работа включает обширный комментарий «Сутры Сердца», рассматриваемой буддистами как квинтэссенция мудрости Будды.

Содержание

Предисловие переводчика

Читать Вэй У Вэя — это и вызов, и бесконечное удовольствие. Его концепции многим кажутся слишком сложными для восприятия, слишком запутанными, но на самом деле они предельно ясны и точны. Вэй У Вэй — гений владения словом, прирожденный лингвист и мастер безупречно точных формулировок. Его способность использовать истинные, а не надуманные значения слов раскрывает невероятную глубину его учения, признанную многими реализованными учителями. Вэй У Вэй — один из величайших учителей недвойственности, чье подлинное видение позволило ему высветить самое сердце адвайты.

Его книги — настоящее сокровище для тех, кто хочет по-настоящему разобраться во всех тонкостях и кажущихся парадоксах этого учения. Его знание даосизма, чань, буддийской традиции, а также квантовой физики и совершенное понимание сути всех традиций недвойственных учений объединяет все эти аспекты в единое неделимое целое.

Его непредвзятый взгляд и отказ ограничивать себя рамками устоявшихся доктрин, повторяя чужие

ошибки, позволил ему дать совершенно нетипичный, но бесконечно глубокий комментарий на «Сутру сердца» и высказывания знаменитых дзэнских наставников.

Невозможно передать всю уникальность и величие этого человека, учителя, мудреца. Его таланты бесконечны, его глубина запредельна, его учение проникает в самое сердце тех, кто готов его услышать. Он восхищает и удивляет, потрясает воображение и смешит, вдохновляет и щедро раздает мудрость. Эта книга — для тех «счастливчиков», кто, подобно Рамешу Балсекару, сумеет оценить и принять в дар этот бесценный бриллиант по имени Вэй У Вэй.

Наталья Горина,
Москва, 2011

Рамеш Балсекар о Вэй У Вэе

Из письма Р. Балсекара к Е. Ф. от 20.01.1989 г.[1], а также из предисловия Р. Балсекара к книге Вэй У Вэя «Fingers Pointing Towards the Moon», написанного им 26.02.2003 г.

Составляя предисловие к своей первой книге «Указатели от Нисаргадатты Махараджа», я включил в него следующий абзац:

> «Переводя беседы Шри Махараджа на английский, я начал замечать в своем переводе отчетливое влияние стиля книг Вэй У Вэя. У меня нет сомнений, что проницательный читатель сразу заметит следы этого влияния. Помимо языка, мне показалось чудесной демонстрацией универсальности самого предмета то, что произведения ученого и практика философии Дао, такого как Вэй У Вэй, находящегося в тысячах миль отсюда (и вряд ли широко известного), находят свое подтверждение в словах реализованного джняни, такого как Шри Нисаргадатта Махарадж, чье образование, по его собственным словам, позволило ему лишь переступить порог безграмотности!»

1 На русском языке опубликовано в книге «Сознание пишет». М.: Ганга, 2007, в переводе Т. Данилевич.

Но вопреки моему мнению, под давлением нескольких благожелателей, этот абзац был опущен: они аргументировали это тем, что я фактически ставил какого-то там неизвестного писателя на один уровень с Махараджем, реализованным джняни.

Возможно, опустить этот абзац было ошибкой — теперь я думаю, что именно так и было — но, тем не менее, это случилось и, очевидно, должно было случиться.

История началась с того, что один друг подарил мне экземпляр книги Вэй У Вэя «Открытая тайна» более чем за десять лет до того, как я начал ходить к Махараджу. Когда я прочел ее в первый раз, я вообще ничего не понял, но мне повезло осознать, что эта книга — настоящее сокровище. И я отложил ее, чтобы ее случайно не выбросили вместе с другими книгами во время очередной уборки. А потом, по какой-то необъяснимой причине, я вспомнил о ней (точнее будет сказать, мысль о ней посетила меня) почти сразу после того, как я начал ходить к Махараджу. Не могу описать вам свои нескончаемые интеллектуальные замешательства, причиной которых стали эти двое — Нисаргадатта Махарадж и Вэй У Вэй! У меня постоянно было такое чувство, что они сговорились, чтобы тайно посмеяться надо мной! Это действительно был «сговор», но, как я осознал позднее, его целью было привести к внезапному пробуждению механизм тела-ума по имени Рамеш.

Когда я начал читать Вэй У Вэя (впоследствии я, должно быть, прочел эту книгу не меньше сотни раз — некоторые фразы, да и целые строки постоянно срывались с моих губ во время перевода бесед Махараджа), я поразился его потрясающему для китайца

владению английским языком. И лишь спустя некоторое время я узнал, что Вэй У Вэй был не китайцем, а богатым ирландским аристократом по имени Терренс Грей, получившим превосходное образование в Оксфорде и прекрасно разбирающимся в винах и скаковых лошадях!

Эту информацию мне сообщила одна дама, которая регулярно приезжала к Махараджу. Потом она выслала мне фотографию Вэй У Вэя, на которой она была запечатлена вместе с ним. Он был огромного роста. Как-то в разговоре с ним она упомянула «Указатели от Нисаргадатты Махараджа», и он выразил желание увидеть книгу. Я выслал экземпляр «Указателей» на его виллу на юге Франции с письмом благодарности за те наставления, которые я почерпнул из его книги. К сожалению, в то время (В. У. В. было уже 90 лет) он слишком ослаб от старости, но его жена зачитывала ему книгу («Указатели») вслух, и в те моменты, когда он хорошо себя чувствовал, он давал понять, что книга ему нравится. Наш общий друг рассказал мне, что он назвал ее «Вэй У Вэй без слез».

Вэй У Вэй умер в 1986 году в возрасте 91 года. Его книги наряду с учением Махараджа оказали мне неоценимую помощь. Однако многим они кажутся слишком сложными для понимания.

Я сделал вывод, что главным его наставником был Рамана Махарши из Тируваннамалая, который был и моим самым первым вдохновителем с тех пор, как мне было двенадцать. Суть учения Вэй У Вэя — отсутствие деятеля. Как говорил Будда: «События случаются, дела делаются, но нет никакого индивидуального делателя».

Интересно, что в индийском писании сказано: «Ты делающий, Ты переживающий, Ты говорящий, Ты слушающий». Очевидно, это означает: ты можешь думать, что ты говоришь, а «другой» слушает, и наоборот. Но истина в том, что это Изначальная Энергия функционирует через два человеческих инструмента тела-ума, через один из которых производит говорение, а через другой — слушание.

Открытая тайна

Одного слова достаточно,
чтобы раскрыть истину.
Шэньхуй

На случай, если это слово притаилось
где-то здесь...

К читателю

Эта книга, по сути, — обсуждение. Если некоторые пассажи покажутся вам наставлениями, пожалуйста, воспринимайте их как места повышенной яркости, вызванной просветом в облаках непонимания, которые все мы стремимся разогнать. Автору этих строк нечему научить кого бы то ни было, его слова — просто вклад в наше общее обсуждение того, что неизбежно должно быть для нас самой важной темой, которая только может обсуждаться живыми существами.

Вэй У Вэй

Предисловие автора

Пока субъект центрирован в феноменальном объекте и думает и говорит оттуда, субъект отождествлен с этим объектом и ограничен им.

Пока это условие сохраняется, отождествленный субъект не может стать свободным, поскольку свобода — это освобождение от такого отождествления.

Покидание феноменального центра составляет единственную «практику», и это покидание является не актом, намеренно совершаемым отождествленным субъектом, а недеянием (у-вэй), оставляющим ноуменальный центр распоряжаться феноменальной активностью без фиктивного вмешательства воображаемого «я».

Ты все еще думаешь, смотришь, живешь из воображаемого феноменального центра? Пока ты продолжаешь это делать, ты никогда не узнаешь вкус свободы.

Может ли какое-то утверждение быть более классическим?
Может ли какое-то утверждение быть более очевидным?
Может ли какое-то утверждение быть более жизненным?

Однако — на Востоке и на Западе — многие ли ему следуют?
Так
Может ли какое-то утверждение быть более необходимым?

Замечание:

У Вэй просто подразумевает отсутствие намеренного вмешательства. Кого я имею в виду, когда говорю «ты»? Я имею в виду «я». Я — всегда я, кто бы это ни произносил, человек или обезьяна, ноуменально или феноменально, отождествленно или свободно — и такой сущности нет.

P. S. Если тебе понятно написанное выше, нет необходимости читать эту книгу дальше.

Часть первая

Незаметно приходит Великое Пробуждение, и мы обнаруживаем, что эта жизнь — на самом деле великий сон...

И тогда мы оказываемся в стирающем все Единстве. Там совершенная приспособляемость ко всему, что может произойти, — и так мы завершаем отпущенное нам время.

Чжуан-цзы, гл. II

1. Время и пространство

Мы часто не понимаем природу и преувеличиваем важность «времени» и «пространства».

Нет таких «вещей» (они не существуют сами по себе): они обладают кажущимся существованием, то есть они «функционируют» только как механизм, позволяющий событиям, растянутым пространственно и последовательно, быть познаваемыми. Они сопровождают события и делают их развитие осуществимым. Сами по себе они не имеют никакого существования. Это видимости, и их кажущееся существование происходит из событий, которые они сопровождают и делают воспринимаемыми. Они гипотетичны, как «эфир», условны, как алгебра, — психические умозаключения, помогающие познавать вселенную, которую мы объективируем, и они не предшествуют и не сохраняются отдельно от сопровождаемых ими событий, а используются в функции каждого такого события, когда оно происходит.

Там, где нет событий, нет и необходимости во «времени» или «пространстве» — и в их отсутствие

мы более не ограниченны, поскольку нет того, кто считает себя ограниченным.

Время — всего лишь умозаключение, придуманное в попытке объяснить рост, развитие, протяженность и изменение, которые составляют дополнительную ось измерения за пределом известных нам трех, под прямыми углами к объему. «Прошлое», «настоящее» и «будущее» — умозаключения, извлеченные из этой временной интерпретации следующего измерения, в котором возникает иллюзия протяженности. И, следовательно, все формы временности концептуальны и воображаемы.

Таким образом, прорицание, или предвидение, — это восприятие с дополнительной оси измерения, за пределом времени, под четвертым прямым углом, откуда, как в случае с каждым главным измерением, второстепенные воспринимаются как целое, и «причины» и «следствия» так же очевидны в том, что мы называем будущим, как и в том, что мы называем прошлым.

Событие происходит только в уме воспринимающего — одного или нескольких, в зависимости от обстоятельств — и никакое событие не может быть ничем иным, кроме как памятью, когда мы знаем его. События — лишь психические переживания. События, или память о событиях, — это объективизации в сознании.

2. Псевдопроблема «страдания»

Кто может страдать?

Только объект может страдать.

Я не объект (никакой объект не может быть я),

нет ни я-объекта, ни я-субъекта, потому что они оба были бы объектами.

Следовательно, я не могу страдать.

Но кажется, что страдание есть, как и его противоположность, — как удовольствие, так и боль. Это видимости, но они переживаются. Кем или чем они переживаются?

Они, очевидно, переживаются посредством отождествления того, что есть я, с тем, что не есть я, или, если хотите, тем, что не есть мы, иллюзорно отождествленным с тем, что мы есть.

То, что мы есть, не знает боли и удовольствия. То, что мы есть как таковое, вообще ничего не знает, поскольку нет никакой объективной сущности, чтобы испытывать переживание.

Какими бы интенсивными ни казались ощущения, в сне проявленного они — следствия причин во временной последовательности, и вне временной последовательности, в которой они развиваются, они не являются ни причиной, ни следствием.

Нет никого, кто мог бы страдать. Нам кажется, что мы страдаем, из-за нашего иллюзорного отождествления с феноменальным объектом.

Давайте, по крайней мере, поймем это.

То, что мы есть, неуязвимо и не может быть несвободно.

3. Гипотеза воли

I

Кажется, механизм жизни основан на представлении, что действия разумных существ — результат

приложения воли со стороны каждого такого феноменального объекта.

Очевидно, однако, что они скорее реагируют, чем действуют, и что их жизнь обусловлена инстинктами, привычками, модой и пропагандой. Их образ жизни в первую очередь — набор рефлексов, оставляющий ограниченные возможности для намеренного и обдуманного, то есть целенаправленного действия, которое при поверхностном рассмотрении может показаться результатом волеизъявления, или, что называется, волевого действия.

Тем не менее «воля» — лишь умозаключение, поскольку как бы мы ни искали, мы не сможем найти прилагающую ее сущность. Все, что мы сможем найти, — это импульс, который будет казаться выражением концепции «я». И было бы несправедливо заключить, что такой импульс способен повлиять на неумолимую цепь причинности или, другими словами, на процесс проявления, производящий видимые события, если только он сам не является элементом одного или другого.

II Волеизъявление

Получается, что волеизъявление — это иллюзорное предположение, простая демонстрация со стороны наполненной энергией я-концепции, выражающаяся в неудаче или осуществлении и, таким образом, являющаяся источником и объяснением концепции кармы. Живые существа, таким образом, «проживаются», как часто указывается философами и отмечается метафизиками, и психосоматический феномен неизменно подвержен причинности. Вот по-

чему чувствующие существа как таковые, как вновь и вновь повторяется в «Алмазной сутре», приписываемой самому Будде, *не* являются сущностями. И по той же причине, поскольку как феномены они не существуют, ноуменально — хотя они не могут быть сущностями или вообще чем-либо объективным — тем не менее, они есть ноумен.

А ноумен, будучи по определению абсолютно лишенным и следа объективности, не существует, не может быть, в каком бы то ни было смысле — поскольку все формы бытия непременно должны быть объективными. Здесь язык нас подводит, его надо оставить позади, как плот, переправивший нас через реку. Все, что мы можем сказать, — это: «То, или все, чем являются чувствующие существа, само не существует».

Если это непонятно, оно покажется неудовлетворительным, но будучи понято, оно приносит свет и откровение, и причина очевидна: понимание «само» есть ноумен, которым мы являемся.

Но здесь требуется вечное напоминание: феномены, каковыми, согласно самому термину[2], мы *видимся*, — это не что иное, как ноумен, а ноумен — то есть все, чем мы являемся, — хотя сам по себе и не существует, *есть* как феномены (как видимость).

«Волеизъявление», таким образом, хотя его и нет — феноменально это лишь видимость — *есть* ноуменально и может рассматриваться как объективизация ноуменальности. В этом контексте мы знаем его как *буддхи*, или *праджню*, интуитивное внутреннее видение и, когда мы знаем его, оно яв-

2 Феномен (греч.) — наблюдаемое явление; буквально то, что видится, видимость, кажимость. — *Прим. перев.*

ляется нами самими, всем, что мы есть, которое — в этом знании — мы познаем, поскольку то, что мы есть, и *есть* познание этого.

На самом деле это очень просто, пока не пытаешься облечь это в слова.

III Определение воли

Пожалуй, проблему воли проще понять, если задать вопрос: кто прилагает волю и кто ощущает ее результаты?

Феноменально есть видимая причина, которую можно назвать эго-волей, и психический результат, который может быть удовлетворением или разочарованием.

Результат обусловленной «воли» — это следствие причин, для которых воля — опосредованная причина-следствие, и видимый психосоматический аппарат испытывает этот результат.

И в отношении такой «воли», которая есть не-воля, *у вэй*, или *бодхи*, окончательным результатом будет интеграция.

Чтобы могла быть воля и ее результат, должна быть какая-то сущность, ее прилагающая и испытывающая этот результат. Если обнаружится, что такой сущности нет, тогда и воля не сможет существовать, кроме как в виде концепции.

Ноуменально воли нет, потому что нет я. Феноменально только спонтанность ненамеренна.

Но поняв, что воли нет, можно найти способ стать открытыми, причем именно эта «воля», которая есть не-воля, может освободить нас, кажущихся объектов, от ограниченности, вызванной отождествлени-

ем с объективизацией, которой мы никогда не были, не являемся и никогда не станем.

IV Наблюдения

Жить без волеизъявления — это противоречие в терминах (если только не поменять «жить» на «проживаться»).

Не реагировать на события в результате понимания этого — значит жить без волеизъявления (или «проживаться»).

Интеллектуальное понимание — это обусловленная причина. Интуитивное понимание может быть необусловленной причиной.

Ибо причина и следствие разделены во Времени, но Безвременно они одно.

4. Говоря проще

I

Только объект может страдать, но феноменально субъект и объект, будучи одним целым, вращаются подобно монете, так что интервалы между *pile et face* (орлом и решкой) невоспринимаемы. Поэтому боль или удовольствие кажутся непрерывными.

Ноуменально, напротив, нет никакого объекта, чтобы испытывать боль или удовольствие. Ноумен неуязвим, по-другому и быть не может. Ноумен — это непроявленный аспект того, чем мы, чувствующие существа, являемся, а феномен — наше проявление.

Поэтому в проявленном состоянии мы должны испытывать боль и удовольствие, а в непроявленном не можем переживать ни то ни другое. Оба аспекта

постоянны и одновременны, один подчинен времени (которое сопровождает все проявление, делая развитие событий воспринимаемым), другое — безвременно.

Ноумен — безвременное, беспространственное, невоспринимаемое бытие — это то, что мы есть, а феноменальность — временная, конечная, воспринимаемая чувствами — то, чем мы кажемся как отдельные объекты. Феномены, будучи подчиненными времени, — непостоянные, иллюзорные фикции сознания, но они есть не что иное, как ноумен в проявлении, в контексте сна (одном из нескольких контекстов сна — психических состояний, вызванных сном, наркотиками, удушьем и т. д.). А ноумен — это ничто, ничто на уровне фактов, восприятия, сознания (а значит, объективно), то есть не вещь, кроме как в проявленном феноменальном виде.

Таков смысл «загадочных» противоречий, излагаемых мудрецами: «форма есть пустота, пустота есть форма», «сансара есть нирвана, нирвана есть сансара», «феномены и ноумены есть одно» и т. д.

Вот почему Хуанбо мог сказать (*«Ваньлинские записки»)*:

> «Люди пренебрегают реальностью „иллюзорного“ мира». (стр. 106)

> «Ни в коем случае не разделяй Абсолют и чувственный мир». (стр. 130)

> «Чем бы ни было Сознание, тем же является и феноменальность — они оба одинаково реальны и равнозначны в Дхарме-Природе. Тот,

кто постигает эту истину интуитивным прозрением, становится Буддой и достигает Дхармы». (стр. 111)

«Вся видимая вселенная ЕСТЬ Будда». (стр. 107)

Но, цитируя Хуйнэна, он также может сказать, и часто в том же контексте:

«Никогда не было ни единой вещи,
Так на чем может скапливаться пыль?»

«Полное понимание этого должно прийти прежде, чем они смогут вступить в Дао». (стр. 111)

«И в заключение, помните, что от первого до последнего ничто, даже крошечное зернышко чего-либо воспринимаемого (постижимого, достижимого, осязаемого), никогда не существовало и не будет существовать». (стр. 127)

И последнее:

«Видя одну вещь, видишь ВСЕ». (То есть все восприятие есть сознание Будды, сама жизнь-сновидение есть сознание Будды.) (стр. 108)

«Крепко держись одного принципа, все остальные ничем не отличаются».

Так каков этот принцип?

«Еще раз: ВСЕ феномены в основе своей лишены

существования, хотя нельзя сказать, что они не существуют. ...Более того, Сознание — это не Сознание. ...Форма на самом деле тоже не форма. Так что, если я сейчас скажу, что нет ни феноменов, ни Изначального Сознания, ты начнешь осознавать интуитивную Дхарму, безмолвно передаваемую Сознанию Сознанием. Поскольку феномены и не-феномены — одно, нет ни феноменов, ни не-феноменов, и единственно возможная передача — Сознанию Сознанием». (стр. 106)

«Более того, рассматривая таким образом тотальность феноменальности, ты рассматриваешь тотальность Сознания. Все эти феномены по сути своей пусты, но Сознание, которому они тождественны, не простое ничто». (стр. 108)

Эта глава 37 из «Ваньлинских записок» — по-видимому, самое понятное и ценное изложение абсолютной истины. В ней он утверждает, как приводится выше, что, видя одну вещь — видишь ВСЕ. Что это за вещь, и видим ли мы ее? Несомненно, она заключается в том, что феномен и ноумен — одно. Проводя различие между Видимостью и ее источником, которые оба существуют только концептуально, мы не должны забывать эту «одну вещь» — что они одно.

Однако если мы видим эту одну вещь как «одно» — значит, мы не видим ее, значит, она ускользнула от нас. Это не «одна вещь», потому что вещь — это объект. На самом деле мы никогда не сможем «увидеть» ее, поскольку здесь видение — это не-видение,

в котором нет «видящего» и никакая «вещь» не видится как таковая.

Неужели мы еще не поняли этого? Разве мы не можем постичь это интуитивно? Глаз не может увидеть сам себя. Искомое и есть ищущий, видимое и есть видящий, который не является объектом. «„Одно“ — это концепция, и потому объективно, а „это“ лишено и малейшего следа объективности». *(Хуанбо, стр. 35)*

Мы не можем увидеть (найти, ухватить, достичь, потрогать) это, потому что «мы» никакие не объекты, и «это» не объект, и чем бы «мы» ни были ноуменально, тем же ноуменально является и «это». Итак, мы одно, но в ноумене нет объекта под названием «одно», поскольку, как было сказано выше, не существует такой вещи (объекта), как ноумен.

Это не-видение, не-видя которым видишь ВСЕ; один принцип, которому тождественны все остальные; одна проблема, решив которую решаешь все остальные разом; центр центров, из которого воспринимается все.

Замечание английского редактора: Все приведенные выше цитаты Хуанбо были взяты из книги «The Zen Teaching of Huang Po: On the Transmission of Mind» Джона Блофильда. (GrovePress, NewYork. 1-я публикация 1958 г.)

II

Но феноменальные объекты, или проявленный ноумен, хотя и не отличны от ноумена и могут знать это, даже осознавать это через свой феноменальный психический механизм под названием «интеллект», не могут «проживать» это в своем индивидуальном пространственно-временном концептуальном

существовании, подчиненном временному и иллюзорному процессу причинности. Это все, чем они являются, и им, следовательно, нечего достигать, постигать или иметь. Но чтобы «прожить» это в каком бы то ни было смысле помимо объективного понимания того, чем оно является, и, соответственно, чем являются они сами, они должны расфеноменизировать себя, разобъективировать себя, разотождествить свою субъективность с ее спроецированной феноменальной личностью, подчиненной концепции «я».

Эта настройка получила много имен, но, тем не менее, не является событием или переживанием — поскольку нет никакого объекта, с которым это могло бы произойти, только видимость. Это *метанодзис*[3], посредством которого выясняется, что эта вымышленная привязка, или отождествление, не существует и никогда не существовала — поскольку это фикция. Это перенос субъективности с кажущегося объекта на абсолютный субъект, которому она и принадлежит по праву, с феномена на ноумен, с иллюзорного края на иллюзорный центр (поскольку у бесконечности не может быть центра), с предполагаемого индивида на универсальный Абсолют.

Это пробуждение от феноменального сновидения «жизни», заключенной в рамки чувственного восприятия и предполагаемого «волеизъявления», — в безличную беспредельность ноуменальности, в которой любая возможная проблема феноменальной «жизни» исчезает, не оставляя и следа.

3 Противоположность интеллектуальному знанию. Метаноэзис (греч. от «мета», иной, и «ноэзис», рациональное мышление) можно определить как обретение истинного знания трансцендентным, нерациональным образом. — *Прим. перев.*

5. Рассматривая геометрически

Из каждого следующего измерения все предыдущие могут восприниматься как целое. Например, кубическое пространство, или объем, содержит в себе длину и ширину (т. е. плоскую поверхность) и высоту. Разве из этого не следует, что мы можем видеть объем только со следующей, четвертой, оси измерения, и, соответственно, чтобы воспринять ее, нам надо наблюдать с пятой?

Итак, мы наблюдаем феноменальную вселенную, которая предстает перед нами в трех измерениях — длине, ширине и высоте, — с четвертого измерения, которое может быть тем, что мы называем длительностью, но чью геометрическую характеристику мы можем воспринимать, только если разовьем способность наблюдать с дальнейшего измерения, находящегося под прямым углом к тем, с которыми мы уже знакомы.

Феноменальное видение, таким образом, обычно заключено в трех измерениях, наблюдаемых с четвертого. Это восприятие видимости как объема. Вероятно, однако, что некоторые живые существа видят только в двух измерениях — длине и ширине, или плоскостях, горизонтальных или вертикальных — и что третье, объем, — это предположение, которое они не осознают, хотя и смотрят именно из него.

Если приравнять феноменальность к трехмерному восприятию, не можем ли мы тогда допустить, что основная характеристика ноуменальности — восприятие с дальнейшего измерения? Если бы это было так, тогда — говоря языком геометрии — то,

что мы называем «Пробуждением», есть пробуждение к следующему полю зрения, то, что мы называем «Освобождением», есть свобода от ограничений кубического зрения, в которое мы заключены, и «Просветление» есть внезапная яркость дальнейшей «вселенной», включающей три предыдущих измерения, в ограничивающей тьме которых мы двигались на ощупь. Это три термина, описывающие перенос субъекта в центр, из которого он может воспринимать объекты в дальнейшей, более широкой и совершенной перспективе.

Если это так, тогда те, кто «пробужден», то есть воспринимают следующее измерение — то, из которого мы обычно наблюдаем и которое, следовательно, наше, — сами воспринимают из еще более дальнего измерения, пятого. Если бы в таком случае существовала какая-то сущность, воспринимающая «пробужденного», она воспринимала бы пятое измерение из центра шестого.

Здесь могут вмешаться метафизики, указывая на иллюзорную тщетность чисто теоретической концепции бесконечной регрессии. Не может существовать никакой сущности, есть только восприятие в каком-то виде, и весь процесс — просто феноменальная интерпретация ноуменальности. Это, таким образом, находится в рамках иллюзорной науки феноменальности и может помочь нам понять только *видимый* механизм, посредством которого феноменальный объект может познать ноуменальность.

Мы знаем — со слов учителей, если не обладаем собственным опытом, — что «Пробуждение» сопровождается скорым, если не одновременным, устра-

нением всех феноменальных «проблем». Это подобно выбиванию дна у бочонка, так что все запутанное, «нечистое» содержимое нашего феноменального сознания (феноменальный аспект, или отражение, Сознания) исчезает. Вместо того чтобы решать проблемы по одной, подобно отсеканию голов гидры, которые вырастают снова, здесь все проблемы исчезают сразу и навсегда (как результат), будто гидру пронзили в самое сердце.

Но разве это не точная копия того, что мы пытались определить геометрически? Мы предположили, что перенос центра предполагаемой сущности (псевдоцентра) к дальнейшему, более глубокому центру откроет следующее измерение, из которого все предыдущие измерения будут восприниматься в более широкой перспективе. Предположив, что это и есть конечная перспектива, или даже если и нет, если этих перспектив бесконечное множество, разве это не точное описание механизма того, что означает термин «Пробуждение»?

6. «Меня нет, но вселенная есть я»
(Ши Тоу, 700–790 до н.э.)

Логический анализ интуитивного знания

Объекты познаются только как результат реакции органов чувств чувствующих существ на разнообразие раздражителей.

Кажется, что эти раздражители исходят из источников, внешних по отношению к реагирующему механизму, но этому нет другого подтверждения, кроме свидетельства самого реагирующего механизма.

Объекты, таким образом, — просто догадка, поскольку они лишены какого-либо доказуемого существования отдельно от познающего их субъекта.

Поскольку сам субъект непознаваем с помощью органов чувств как объект, он тоже лишь догадка.

Раз действительное существование как объекта, так и субъекта не может быть доказано, значит, существование — не более чем концептуальное допущение, которое с метафизической точки зрения недопустимо.

Таким образом, нет обоснованного подтверждения существования мира, внешнего по отношению к сознанию воспринимающих существ, чей внешний мир тогда — не что иное, как познающие его, то есть сами воспринимающие существа.

Но не может быть и обоснованного подтверждения существования самих воспринимающих существ — ни как объектов, ни как субъектов, — которые в таком случае являются лишь концептуальным допущением сознания, в котором они сознаются.

Отсюда следует, что «сознание» также может быть лишь концептуальным допущением без подтвержденного существования.

Что тогда может обозначать это допущение сознания? На этот вопрос можно ответить только в метафизических терминах, согласно которым сознание можно рассматривать как проявленный аспект непроявленного. Это, видимо, последнее из возможных приближение к выражению концепции того, что по определению непостижимо.

Почему это так? Это должно быть так, потому что источником концептуальности не может быть концептуальность, а только не-концептуальное,

поскольку то, что постигает объективно, должно обязательно исходить из объективно несуществующего, проявленное — из непроявленного, так как концептуальность не может постичь или объективировать саму себя — как глаз не может увидеть себя как объект.

Следовательно, сознание можно описать как чистую не-концептуальность, «чистую» — потому что она не замутнена ни концептуальным, ни неконцептуальным, что подразумевает полное отсутствие как утверждающей, так и отрицающей концептуальности.

Не будучи объектом, даже концептуально, никакое «это» не может существовать. Нет никакой «вещи», чтобы иметь название, а там, где нет объекта, невозможен никакой субъект, из чего неминуемо следует полное отсутствие бытия.

Все, что мы можем сделать в отношении того, что мы есть, которое для нас должно быть объективировано как «это», чтобы мы имели возможность говорить о нем, — рассматривать «это» как ноумен феноменов. Но поскольку ни то ни другое не существует объективно, с феноменальной точки зрения это можно понять как абсолютное отсутствие, из которого возникает все присутствие.

Но сознание, или «Ум», не «проецирует» феноменальную вселенную: «оно» ЕСТЬ феноменальная вселенная, проявленная как его объективное «я».

Метафизика, полагаясь на интуицию или прямое восприятие, больше ничего не добавляет и указывает на то, что никакое слово, будь то Абсолют, Логос, Бог или Дао, не может быть ничем, кроме концепции, которая как таковая не имеет никакой фактической достоверности.

То-Что-Есть не может быть ни субъектом, ни объектом, не может быть названо или помыслено и его реализация есть окончательное пробуждение. На него можно только указать, как в процитированной выше фразе:

Меня нет, но видимая вселенная есть я.

7. Унесенные умом

Прошлое ушло. Но Настоящее становится Прошлым, прежде чем мы можем познать его, то есть прежде чем завершается сложный феноменальный процесс чувственного восприятия, передачи и концептуализации. Значит, Настоящее тоже ушло.

А Будущее? Мы не можем познать его, пока оно не станет Прошлым, поскольку познать его в Настоящем невозможно. Как оно вообще может существовать — ведь мы не можем познать Прошлое (которое ушло)? Конечно же, не можем — мы не можем познать ни Будущее, ни Настоящее, ни Прошлое.

Как тогда они существуют — если они вообще существуют? И если какое-то из них существует, то какое? Или они все существуют как единство, нерастянутое в пространстве-времени, — некоем пространстве-времени, которое гипотетически обретает видимое существование одновременно с ними, чтобы сделать их познаваемыми?

Очевидно, что ни одно из них не существует как вещь в себе, как независимые объективные события, как феномены, отделенные от познающего их.

Будущее — Настоящее — Прошлое — три иллюзорных аспекта одного субъективного феномена, известного как «познание».

8. Пост ума

Феноменальная жизнь видимой вселенной — не что иное, как объективизация: все, что мы считаем «жизнью», — просто процесс объективизации.

Жизнь для обычного человека — непрерывный процесс объективизации. С утра до ночи и с ночи до утра он не перестает объективировать, прерываясь лишь на время сна без сновидений. Это и есть проявление — это и ничто иное, поскольку, когда объективизация прекращается, объективная вселенная исчезает — как в глубоком сне.

Но когда чаньские монахи «сидят», они стремятся опустошить ум, практиковать пост ума, поскольку пока ум «постится», нет концептуализации. Тогда не возникает ни одна концепция, даже я-концепция, а в отсутствие я-концепции ум «чист» (свободен от объектов). Тогда и только тогда он является самим собой, тем, что он есть, и таким, какой он есть. Когда это становится постоянным, объективно оно называется просветлением, когда временно — может называться *самадхи*.

В состоянии поста ум «пуст», только когда в нем полностью отсутствуют объекты. Сам он не отсутствует, а полностью присутствует — тогда и только тогда. При этом «объективизация» не заменяется «субъективизацией» — отсутствует и то и другое, и процесс субъект-объект (при котором субъект, объективирующий себя как объект, таким образом становится объектом, объект которого есть не что иное, как субъект), то есть «вращение» ума, прекращается. Ум перестает «делать», вместо этого он просто «есть».

В отсутствие объективизации видимой вселенной *нет*, но мы *есть*, потому что то, что мы есть, — это то, чем является видимая вселенная, а то, чем является видимая вселенная, — это то, что мы есть, двойственное в присутствии, недвойственное в отсутствии, разделенное лишь в проявленном.

9. Разве не все мы?..

I

Ты не замечал? Сколько людей, пишущих о буддизме, даже о чистом чань (дзэн), выражают свои мысли так, что чувствующее существо видится как инструмент, то есть нечто, имеющее объективное существование? Разве не так же происходит, даже когда сам предмет нашего обсуждения — несуществование «я»? Многие ли из нас *не* делают так? Спрошу даже, сколько есть текстов, составленных не по этому принципу?

И, тем не менее, многие знают, что это не так, что так быть не может. Конечно, мы читали «Алмазную сутру», возможно даже не раз, в которой, как считается, сам Будда повторял вновь и вновь в различных контекстах, что не существует никакого «я», отдельного «индивидуума», «существа» или «жизни». Если мы сами не увидели этого, то разве не логично предположить, что мы доверимся Будде и применим его слова на практике?

Увы, нет. Это слишком трудно — обусловленность слишком сильна. Однако без понимания, без этого *основного* понимания, этого *sine qua non*[4], на что мы можем надеяться? Как бы ни было широко наше по-

4 Непременное условие (лат.). — *Прим. перев.*

нимание в других областях, без *этого* понимания мы даже не вступили на путь — путь без пути, ведущий никого из не-оттуда в не-здесь. У нас нет феноменальных учителей, нет гуру — наши учителя, наши гуру неотделимы от нашей внутренней природы. Как грустно и насмешливо они улыбаются, когда мы заглядываем внутрь!

II. Кто это сделал?

«Что ты сказал?» «Кто они?» «Кто все это пишет?» Ну а кто все это читает? Кто там есть, чтобы делать что-то или казаться, будто делает что-то? Ну, ну, что за вопрос! Вот уж действительно, кто?! Никто, разумеется, кто там может быть? Это же очевидно, аксиоматично, элементарно! С самого начала не было ни единого «кого-то». Перефразируя Хуйнэна: «кто», абсолютно отсутствуя ноуменально, вездесущ феноменально.

Кто задает вопрос «Кто?».

Ищущий, который есть искомое, искомое, которое есть ищущий.

Он сделал это!

10. Абсолютное отсутствие нас

Несмотря на видимость обратного, ничто, отличное от концептуального, не совершается чувствующим существом, поскольку чувствующее существо объективно есть лишь фантом, иллюзорная фигура. И ничто не совершается через психосоматический механизм как таковой, кроме производства иллюзорных образов и интерпретаций, так как их существование

тоже кажущееся, воображаемое, или иллюзорное. Все феноменальное существование гипотетично. Все качества чувствующего существа — форма, восприятие, сознание, воля, знание (*скандхи*, или скопления) — это выдумки ума, который «сам по себе», то есть как таковой, также лишь гипотетичен.

Каждое действие, каждое его движение, в протяженности и продолжительности воображаемое таким образом, чтобы его можно было воспринимать органами чувств (то есть в рамках пространства и времени), сновидится, или воображается сновидящим, лишенным качества себя, объективного бытия, — другими словами, гипотетическим умом.

Этот гипотетический ум есть Воспринимающее, Различающее Разделение ума в его субъективном аспекте, понимаемом феноменально, и Воспринимаемое, Различаемое Разделение в его объективном аспекте. Но воспринимаемое и есть воспринимающий, различаемое есть различающий, субъективный и объективный аспекты только кажутся двумя в проявленном. Мы есть первое: мы кажемся последним, но в непроявленном они не два.

Все сознаваемое — часть фантазии жизни, то, как мы представляем себя, — неотъемлемая часть этой гипотетической вселенной. Чувствующие существа полностью находятся в ней и никоим образом и ни в какой степени не отделены от нее, как они сами часто полагают, когда представляют себя инструментами, через которые формируется объективная вселенная, поскольку она формируется не через них, а вместе с ними — как одним из ее проявлений.

Это легче понять на примере сна, который мы рассматриваем из состояния бодрствования, в то

время как в сновидении-жизни мы по-прежнему спим. То есть «мы» — персонажи сна, феноменальные объекты сновидящего субъекта в сновидении жизни.

Наши снящиеся «я», кажущиеся независимыми, как в жизни, с позиции пробуждения видятся марионетками, начисто лишенными возможности собственного проявления воли. И само сновидение никак не зависит от них, они лишь элементы внутри него. Они, думающие, что живут и действуют независимо, — все снятся, они приводятся в действие так же полно и абсолютно, как марионетки приводятся в действие кукловодом. Такова наша кажущаяся жизнь, на этой кажущейся земле, в этой кажущейся вселенной.

Все, что видится во сне, — продукт сновидящего ума, субъектно-объектного процесса, называемого «причинностью», внутри сознания, в котором он возникает. Он неотделим от сознания, он — само сознание, и больше нет ничего, что ЕСТЬ. Но «сознание» по сути — всего лишь концепция: это не вещь, не объект, и потому не имеет субъекта. На него можно только указать как на Непроявленное, и даже такое указание будет лишь проявлением непроявленного.

Но эти элементы сновидения, обоих сновидений, не есть ничто в смысле полного отсутствия. С позиции «ноуменальности» они — нечто. Они — то же, что и тот, кому они снятся, что и То-Что-Сновидит их. Все в сновидении есть его сновидящий, а это, как мы видели, — субъективный аспект сознания, поскольку объект и *есть* субъект — субъект, наполняющий его, живущий в нем. Таким образом, это «нечто»,

которым они являются, есть «все»: объективное, феноменальное все, которое субъективно, ноуменально, есть «ничто», но которое как «ничто» остается всем. Полное феноменальное отсутствие, которое есть полное ноуменальное присутствие. Все есть ничто, ничто есть все, поскольку ни то ни другое не существует и не не-существует, и только *есть-ность* есть, не являясь ни бытием, ни не-бытием.

Про воспринимающие существа можно сказать только, что они ЕСТЬ лишь *как субъективный аспект сознания* (не как объективный аспект), они сновидят вселенную, объективируя ее.

11. Отголоски – 1

Идея об отдельном индивиде, эго, самости или «я»-концепции — это объект. Я становлюсь объектом — неминуемо — всякий раз, когда думаю о себе. И всякий раз, когда я действую «от себя», — действует объект.

Иногда, однако, я действую прямо — но тогда действует не «я».

«Я» никогда ничего не сознаю. «Сознание» как таковое — вот все, чем я являюсь.

Позитивное выражение

Ноумен — суть феноменальности, бытием которого она является, где бытие Ноумена — это бытие Бытия как такового, то есть отсутствия Не-бытия.

Пустота — суть Формы,
Форма — проявление Пустоты.

Снова

Нет сознающего отдельно от сознаваемой «вещи», нет «вещи», сознаваемой отдельно от сознающего ее. Но «сознающий» — лишь акт сознавания, а сознаваемая «вещь» — другая сторона той же монеты.

Следовательно, «сознающий» и «сознаваемое» не отличаются друг от друга, они «не два» — они могут быть только «функцией сознавания», функциональным аспектом чистой потенциальности, которая сама по себе не существует феноменально, или объективно, отдельно от своего проявления как сознающего-и-сознаваемого.

Наблюдающий не может наблюдать наблюдающего.

Вопрошающий есть Ответ.

«Если ты полагаешь, что что-то НЕ является Праджней, позволь услышать, что это» — *Хуйхай, стр. 118.*

Так зачем называть это «Мудростью»[5]?

Определение «ноуменальной жизни»

Находиться в не-объектных отношениях со всеми вещами — значит жить ноуменально.

Жить без проявления воли — значит находиться в не-объектных отношениях со всеми вещами.

---

5 Праджня (санскр.) — высшая мудрость духовного понимания. — *Прим. перев.*

Прекращение объективизации, или чистая мысль, предшествующая «имени и форме» (интерпретации), — это жизнь без проявления воли.

Это *нянь* в *у-нянь*, *синь* в *у-синь*, *вэй* в *у-вэй*, «движимый лишь Волей Бога» (*Чжуан-цзы*).

У тебя нет объективного существования
(как «тебя»),
Как нет и субъективного существования
(как «тебя»),
Потому что «существование как субъекта»
сделает субъект объектом — которым он
быть не может.
Ты существуешь лишь как само
существование.

Харакири

Если привязанность должна быть отброшена, то само отбрасывание также должно быть отброшено.

Но поскольку отбрасывание — это волевой акт, он должен отбросить сам себя.

Можем ли мы отбросить то, чем никогда не обладали?

Что может «делать» или «иметь» хоть что-нибудь?

Давайте начнем с нахождения этого «мы».

Внутреннее видение

Все есть то, что мы есть: каждый объект является своим субъектом, и то, что мы *есть*, — «наш» субъект.

Ноуменальное видение — это просветленное видение, феноменальное видение — непросветленное видение: это единственная разница между ними.

Почему так? Потому что ноуменальное видение видит феномены ноуменально, и тогда феномен так же ноуменален, как и сам Ноумен.

Будучи отождествленным с не-бытием, ты можешь быть лишь зеркалом. «Надо отождествиться с небытием и отражать целое, так как истина однозначна и окончательна», — *Се Линъюнь* (385–433).

12. Космический континуум

У круга только один центр. Но космический круг, будучи бесконечным, имеет бесконечное множество центров, причем каждый из них — центр целого, которое вследствие своей бесконечности не является ни кругом, ни не-кругом, так что его центр также не является ни центром, ни не-центром.

Таким образом, центр, будучи вездесущим, сам является кругом, и понятие индивидуальных центров внутри бесконечного круга — тщетная и ненужная концепция.

Метафизически такова диаграмма космоса и простая иллюстрация позиции феноменальных существ в пятимерной феноменальной вселенной, в которой они не являются ни чем-то, ни ничем, ни центрами, ни не-центрами — поскольку они и центр, и целое.

13. Прошлое, настоящее и будущее

Прошлое — это мнемонический отпечаток события, наделенного длительностью — психическим механизмом, благодаря которому происходящее можно воспринимать и сознавать как последовательное событие. Не существует такого «бытия» или «вещи в себе», как «прошлое», которое только предполагает «событие», растянутое в воображении в последующее «событие» и так далее до бесконечности.

«Прошлое», таким образом, — лишь метод указания на замещенные элементы в последовательности протяженностей в гипотетическом «времени». «Прошлое» не имеет никакого независимого существования, как и чисто теоретическое «настоящее», лишенное на самом деле какой-либо длительности, и «будущее», представляющее собой домыслы о возможном продолжении событий в той же гипотетической последовательности.

Последовательное развитие любого сюжета сновидения — это аспект механизма его представления, в соответствии с которым он концептуально разрабатывается.

Придание действительности таким выдумкам, какими бы остроумными они ни были, необоснованно.

«Жизнь», таким образом, как последовательность событий, воображается, а не «проживается», как и любое сновидение, а «время» если и является вообще чем-либо, то уж точно полным вздором!

Примечание: «Причинность», зависящая от «времени» (длительности, продолжительности), — лишь лабораторный инструмент, и сама по себе, как «вещь», абсолютно иллюзорна.

14. Кто может стать просветленным?

Нет никого, кто мог бы пробудиться! Чувствующие существа вообще не существуют как таковые, как указывал Будда в «Алмазной сутре», — так как они могут пробудиться? И что может пробудиться? Они концепции, мыслеформы, объекты — а объекты не могут ни заснуть, ни пробудиться! Какая чушь вся эта доктрина! Это все голословное утверждение, поскольку феноменально они видимости, а ноуменально они не спят.

Субъективный элемент ума уже пробужден, и всегда был пробужден, не затрагиваемый какой-либо концепцией времени. Но сновидящий, в расщепленном сознании, очевидно, отождествляется с собственным видимым во сне объектом. Так что отождествленный личный сновидящий всегда должен пробуждаться: именно он всегда пробуждается, а не видимые во сне объекты. Для объектов сна не может быть никакого пробуждения в любом виде или степени сновидения.

Спящий, пробудись!

Жизнь — тот же сон. «Сновидящий» отождествляется со своим объектом и громко храпит. «Он» и его объекты спят и видят сон, в котором каждое действие этих объектов формируется сновидящим. Объекты сна «существуют» только в степени такого формирования сновидящим. Но они лишь снятся, лишь формируются, поэтому полностью разделяют «существование» формирующего сновидящего.

В действительности, однако, снящаяся видимость есть не что иное, как источник, который спит.

Но пробудиться может только формирующий источник: объекты как таковые никогда не засыпали и пробудиться не могут, их вообще никогда не было, потому что они не имеют собственной природы. И формирующий ум обоих сновидений не имеет своей природы, поскольку ум, целостный или расщепленный, не является сущностью.

Замечание: Объекты лишь воображаются во всех видах сна. Это веревки, кажущиеся змеями, по старой аналогии, когда даже веревки не существовали не-феноменально. Это все, чем мы являемся как объекты.

15. Татхата

«Субъективность», не имея никакого объективного существования, не может умереть — поскольку нет вещи, которая могла бы подвергнуться исчезновению, — как не может и родиться — поскольку нет вещи, способной обрести существование. Следовательно, «она» должна быть вечна (безвременна, за пределом концепции «времени»).

Только объекты могут рождаться и умирать, только объекты могут восприниматься, только об объектах можно думать, только объекты можно вообразить, только объекты могут казаться существующими. И «существует» лишь видимость (феноменальность).

На что бы ни указывало слово «субъективность», это не может быть воспринято, не потому что это *что-то* непознаваемое, а потому что «это» по определению вообще не «что-то». И, тем не менее, и неизбежно, «это» должно быть всем, что есть, и всем, что мы есть.

Так что же это? Никакое не «что». Просто чистое феноменальное отсутствие, *отсутствие* которого и есть мы (ТО, что мы есть).

16. Видение

I

Как может существовать «видение»? Конечно же, «видение» ложно, объект не там, он дома, «здесь». Я есть он, он есть я. Как тогда я «вижу» его? Там нет никакого объекта — следовательно, здесь не может быть никакого субъекта.

Это все «видимость». Мой глаз и то, что за ним.

II Еще раз

Вывод прост и очевиден. Нет никого, чтобы «видеть», и «ничего», чтобы быть «увиденным». «Видимое» и есть «видящий», а «видящий» есть «видимое» — таково определение ноумена. То же относится ко всем органам чувств, посредством которых воспринимается феноменальность.

«Ноумен» не более реален, чем «феноменальность», поскольку и то и другое — просто концепция разделенного «ума» — шестого чувства, интерпретатора пяти остальных. И все, чем каждое является, — не «там», не «здесь» и вообще не «где».

Ни имя, ни какое-то описание нельзя дать тому, что осталось, так как это по определению не объект, потому что, как абсолютная субъективность, оно не может увидеть само себя и, таким образом, не является «вещью», отличной от того, что объективировано как всякая «вещь», то есть вся феноменальность.

Таким образом, «это» — окончательное и абсолютное феноменальное отсутствие и отсутствие самой концепции «отсутствия», то есть *абсолютное присутствие.*

Замечание: Феномены — это ноумен, объективирующий себя, или Ноумен есть субъект, объективирующий себя как феномены.

17. Логика вне логики

Пока мы пользуемся концепциями, пока наш ум расщеплен, каждая такая концепция подпадает под правило Двойного Отрицания (*Шэньхуй*, 686–760) или Теорию Двойной Истины (*Цзицзан*, 549–623), то есть ноуменально она не существует и не не существует. Но в тот момент, когда ум обретает целостность, больше не остается вопроса двойственных противоположностей, бесконечной регрессии. Например, «полное феноменальное отсутствие есть полное ноуменальное присутствие» (полное исчезновение бытия есть полное возникновение не-бытия) больше не нуждается в «чем-то» вне двойственных концепций.

Ноуменально такая концепция больше не предполагает, что ни одно из них не является существующим или несуществующим, а утверждает, что оба, таким образом, абсолютно есть. Феномены есть Ноумен, Ноумен есть феномены, бытие становится пустым, пустота обретает бытие — как говорили древние мудрецы — так что двойственное недвойственно, а недвойственное двойственно.

Другими словами, когда это утверждение понято, расщепленный ум перестает объективировать посредством двойственных концепций: процесс объек-

тивизации переступил пределы, функционирование вернулось к источнику, и целостный ум действует напрямую.

Семантически остается пять концепций — «ноуменальное и феноменальное», «присутствие и отсутствие» и «одно». Это так, пока есть сущность, или предполагаемая сущность, объективирующая эти концепции, то есть занятая измышлением объектов. Как таковые они не существуют — «ум, а не флаг и не ветер вызывает видимое движение»[6]. Но никакой сущности нет, предполагаемая сущность исчезла: остается только безличный «ум» — целостный ум, который объективно не существует, источник, которого нет объективно и который, таким образом, не ноуменален и не феноменален, не присутствует и не отсутствует и не «одно» (тоже объектная концепция), и который есть чистая и тотальная необъективность.

С позиции философии на это указывает утверждение, что все, чем мы являемся, — это отсутствие нашего феноменального присутствия, то есть отсутствие я-сущности, бытия, помышляющего наше феноменальное отсутствие.

Замечание: В тот момент, когда существующее понятие любой сущности удаляется, остается лишь целостный ум, — бесконечно объективирующий псевдоцентр автоматически отбрасывается, и можно сказать, что ум воссоединяется со своим источником.

Феномены можно назвать Ноуменом, объективирующим себя, или Ноумен можно рассматривать как Субъект, объективирующий себя как феноменальность, где ни у феноменов, ни у Ноумена нет никакого объективного *существования*.

6 Хуйнэн. — *Прим. англ. редактора.*

18. Человек-в-Луне — в луже?

Какая польза может быть от представления того или иного объекта, или всех объектов, как «пустых», *en détail ou en bloc*[7]? Объекты сами по себе не «такие» и не «другие», не «настоящие» и не «пустые», их нельзя назвать чем-то, кроме как умом, воспринимающим их, и этот «ум», будучи лишь названием, есть само воспринимание.

Объекты не *кун* (пустой) и не *не-кун:* они — свой собственный субъект, свой источник.

Суждения об объектах так же бесполезны, как и любые другие «проблемы», поскольку дело касается только *самого ума*. Все суждения и «проблемы» исчезают, когда расщепленный ум делается целостным. Суждения и «проблемы» подобны отсеканию голов гидры, которые отрастают снова. Давайте обратимся к источнику и победим гидру! Откровение Хуйнэна в споре монахов о том, движется ли флаг или ветер, расставляет все точки над «i».

Объект-субъект (отсутствие обоих как отдельных концепций, прежде чем они разделились) в таком случае недвойствен, то есть субъект становится объектом, а объект — субъектом, или бытие становится «пустым», а «пустота» — бытием, двойственность недвойственна, а недвойственность двойственна. Короче говоря, если вернуть объекты к их источнику, этот источник — ответственная причина их появления, но их появление, тем не менее, неотделимо от источника, так что пытаться воздействовать на объекты как таковые так же абсурдно, как пытаться лечить болезни через их симптомы, воздействовать на пред-

7 Всем скопом или частями (фр.). — *Прим. перев.*

мет через его тень или на сами объекты через их отражения.

Если феноменальные объекты возвращены в целостный ум, а не судятся расщепленным умом, не о чем выносить суждения — поскольку они тоже лишь то, чем является целостный ум.

19. Намеки

Нужна ли цель — раз выбора все равно нет?

Я весь — «видение», когда вижу,
Я весь — «слышание», когда слышу,
Я весь — «чувствование», когда чувствую,
Я весь — «понимание», когда знаю.

Истинное видение есть не-видение —
никто не смотрит.
Истинное слышание есть не-слышание —
никто не слушает.
Истинное действие есть не-деяние —
никто не делает.
Истинное думание есть не-думание —
никто не думает.
Лишь спонтанность ненамеренна —
и нет никакого я.

«Слышание — за пределом мыслей, ума и тела» («Сурангама сутра»). То есть слышимое и есть слышащий.

Тотальность действия есть функция тотальности отсутствия его производящего. Только это можно назвать чистым действием.

Нерожденный и неумирающий

Нет ни рождения, ни смерти, рождение и смерть чисто объективны.

Объективная жизнь феноменальна. То, что мы есть, не феноменально: тень — не то, что ее отбрасывает. Но она не существует сама по себе.

Комедия

Феноменальные объекты, отчаянно охотящиеся за собой как субъектом! Как может объект искать свой субъект? Он и есть субъект, и все, что он делает, делается субъектом, так что получается, что сам субъект отчаянно охотится за самим собой!

Комментарий

«Субъект», который, как они затем обнаруживают, и есть они, не является сущностью, поскольку субъект в принципе не может ей быть.

Еще раз: субъект объекта сам является объектом как «субъект», так же как объект «субъекта» — не что иное, как субъект. То есть они одно и именно таким образом, две стороны одной монеты в отсутствие монеты: они субъект и объект, попеременно и одновременно.

Семантическая игра слов? Возможно, но ничем иным это быть не может, поскольку это может быть

понято, но не может быть выражено как логическое утверждение. Если слова «объект» и «субъект» заменить на «феномены» и «ноумен», это могло бы помочь, но это ничего не изменит. Все феномены — не что иное, как ноумен, а ноумен как нечто не существует: ноумен является «ноуменом» только как феномены. Когда о них думаешь, они кажутся двумя различными вещами, но это даже не двойственные концепции: как таковые они оба феноменальны. Они — одно целое — и это не что-то.

Это понимание, по-видимому, — основное понимание, и его нельзя выразить с помощью силлогизма.

Даже лучшее из написанного напоминает бесцельную пальбу по луне.

20. Механизм видимого

(Если представить...)

Видимая вселенная возникает не через чувствующие существа и не независимо от них. Видимый аспект чувствующих существ возникает вместе с вселенной, и параллельно вселенная становится видимой.

Их чувственное восприятие ответственно за их интерпретацию этого возникновения, или проявления, где чувственное восприятие — *воспринимающий* аспект «ума», а их видимость — *воспринимаемый* аспект, и это верно для всех феноменов.

Видимое различие между тем, что известно как живые и неживые объекты, объективно, то есть как объективный феномен, не существует, но субъективно

не-видимая способность чувствовать, ощущать ответственна за восприятие, хотя как таковая она не является причиной возникновения, или проявления (которое причинно).

Можно сказать, что чувствующие существа как феномены возникают, проявляются «напрямую», как любые феномены, но что видимая вселенная, *как ее ощущают чувствующие существа,* — непрямое возникновение, или проявление, через их чувственное восприятие. Это чувственное восприятие выражается посредством познавательных способностей (известных как *скандха*), концептуальных по природе, но *само по себе* оно есть прямое проявление целостного ума.

Станет ли понятнее, если сказать, что чувственное восприятие — это тот аспект возникновения, или проявления, посредством которого феномены осознаются как таковые, хотя сам по себе он не имеет отношения к их возникновению? Чувственное восприятие может рассматриваться как выражение динамического аспекта проявления (а видимость — статический аспект), посредством которого познавательные способности интерпретируют это проявление, но не являются его причиной.

Описанный здесь механизм чисто концептуален: следовательно, это не описание чего-то фактически существующего, а схема, освещающая положение и функцию видимых чувствующих существ в феноменальной вселенной, в которой они объективно целостны, но в восприятии, концептуализации и интерпретации которой они составляют функциональный элемент.

Метафизически ничто из этого нельзя назвать существующим, поскольку механизм причинности полностью феноменален.

Метафизически есть только видимое проявление непроявленности, о которой нельзя узнать ничего, поскольку у нее нет никаких объективных качеств и сами чувствующие существа — не что иное, как то, что «она» ЕСТЬ.

21. В память Хуйнэна

Возвращение ответственности

Обычно ответственность смещается к объекту! Но у объектов ее нет совсем: вся ответственность лежит на субъекте.

Переведи ее домой! Держи ее дома!
Где колышется флаг, и *что* заставляет его колыхаться?
Где звенит колокольчик, и *что* заставляет его звенеть?
Где жмет ботинок, и *что* заставляет его жать?
Где аромат розы, и *что* заставляет ее пахнуть так сладко?
Где вкус вина, и *что* придает ему этот вкус?
Где знание об этих явлениях, и *что* заставляет их быть узнанными?
Верни ответственность туда, где ей место. Помести ее обратно в источник (который она никогда и не покидала).
Верни каждую вещь к ее источнику, где ей место и откуда она никогда не уходила!
Такова практика не-практики.

22. К черту все это!

Ради всего святого, давайте оставим всю эту чушь объективирования! Слишком уж долго она продолжается! Мы тратим наши видимые жизни на объективирование с утра до вечера и с вечера до утра — кроме периодов глубокого сна, когда мы ненадолго становимся адекватными.

Возьмите эту абсурдную идею о том, что луна — в небе! Что такое «луна», что такое «небо» и где они, чтобы быть «внутри» или «снаружи» друг друга? Вы когда-нибудь слышали такую чушь?

Мы отлично знаем, вы, читатели, отлично знаете, откуда берется так называемая «луна» и где она находится на самом деле, вместе с так называемым «небом»! Они там же, где и все другие феноменальные объекты, которые мы объективируем днями и ночами, сновидя «во сне» или сновидя «наяву», — единороги и розы, букашки и бодхисаттвы, одуванчики и драконы.

Вас еще не тошнит от них всех? Нет? Замечательно, тогда восхищайтесь ими, делайте с ними, что хотите, но ради Бога, не думайте, что они «существуют» в каком-то виде здесь или «где-то там», «там наверху», «там внизу» или «где-то» еще!

Вы отлично знаете, где они «существуют», как они «существуют» и что их единственное «существование» — дома, где они и должны быть, то есть там, где вы их воспринимаете.

Это живая практика.

23. *Отголоски — II*

Как может тень уничтожить саму себя?

Не существует никаких «вещей» (объектов) отдельно от их сознавания: нет сознавания отдельно от сознаваемой «вещи», *потому что нет сознающего*.

Это чистая правда, и именно поэтому феномены и ноумен — не два, не сансара и нирвана, не объект и субъект, и т. д. и т. п. — отсюда и исходит полное понимание.

То, что я есть, не существует как «вещь», к которой можно было бы стремиться или которую можно было бы искать. Когда поиск прекращается — я присутствую.

«Бытие» — это процесс, поскольку оно связано с длительностью. Каждое чувствующее существо, будучи не чем иным, как самим умом, может найти сам ум (его ум, ее или наш), просто перестав искать, потому что акт поиска — это именно то, что, принимая внешнюю форму, отдаляется от того, чем является.

Свободное — не объект,
Ограниченное — не то, что ты есть,
Необусловленное — пусто,
Обусловленное — не ты.

Любое видимое продвижение, в котором участвует твое «ты», — просто движение по кругу.

Почему? А разве ты не пустой звук?

В отношении любого прямого опыта восприятия, каким бы ярким он ни был, следует помнить, что большинству читателей его изложение покажется непонятным, меньшинству — загадкой и лишь единицам — бледным отражением сияния, блеснувшего в них самих.

Ибо природа такого изложения — быть непроницаемым для дедукции объективирующего ума.

Учитывая все эти вещи,
Ограниченность — лишь концепция «я»,
А свобода — освобождение от идеи свободы.
Разве есть тот, кто связан, и тот, кто должен освободиться?
Так что?

«Я», которое осознается, — это объект.

Чем бы ты ни был, ты «проживаешься». Ты не путешествуешь, как полагаешь: тебя «путешествуют».

Помни: ты в поезде. Довольно самому тащить свой багаж! Он все равно будет доставлен.

«Чистая мысль» — это видение вещей такими, какими они являются — без суждений (размышлений) — просто «видение, видение, видение», как говорил Руми. Прежде всего, без *умозаключений*.

Все сказано и сделано

Все есть я, но я — не что-то.

Все феномены — субъективные проявления (объективизация субъективности). Объективно я есть тотальность феноменального проявления. Субъективно я есть все, чем являются все феномены.

И в этом нет ничего личного, нигде и ни на какой стадии. Концепция личности не нужна, от нее как раз *все проблемы*.

Часть вторая

Что тебе делать?

Упакуй свой багаж,
Отправляйся на станцию без него,
Сядь на поезд,
Но оставь себя позади.

Именно так: единственная практика —
и лишь однажды.

24. Логика не-логики

Значение «ноумена»

Феноменальное концептуально: это видимость, или форма. Ее взаимозависимая противоположность — не-феноменальность — тоже концептуальна: это невидимость, или бесформенность.

Источник феноменальности и не-феноменальности («мира форм и бесформенного мира», как их называли наставники) — ноумен.

«Ноумен», таким образом, является не взаимозависимой противоположностью «феноменальности», а источником «феноменов и не-феноменов». Все это чисто концептуально.

Феномены одновременно положительны и отрицательны, это одновременно видимость и невидимость, форма и не-форма, присутствие и отсутствие формы или видимости, поскольку каждый зависит от другого и не обладает гипотетическим существованием отдельно от гипотетического существования другого.

«Ноумен» — это символ, указывающий на двойное феноменальное отсутствие — отсутствие обеих противоположностей или, как иногда говорят,

отсутствие отрицательной противоположности (двойное отсутствие), которое также есть отсутствие отсутствия положительной.

Даже как таковой, говоря языком философии, «ноумен» все равно представляется двойственным — то есть объективной концепцией, требующей какого-то «познающего» и «чего-то познанного». Но здесь нет *ничего познаваемого* — и именно потому, что «он» (ноумен) также является познающим, и вообще всеми гипотетическими познающими, которые когда-либо были или могли бы быть.

Как таковой «он» ненаходим и непознаваем, просто потому что «он» не может быть объектом чего-либо, кроме «себя самого», и «он» не может познать «себя» как объект. Так что этот символ — просто феноменальная уловка, которая служит указателем на некую «вещь», которая не является таковой. Называть «это» «Таковостью», или «Дао», или как-то еще — одинаково бесполезно логически, поскольку «это» есть предполагаемый элемент познавания, предполагаемо познанное и видимый акт познания.

25. Жизнь без слез

Не может быть такой вещи, как «ненамеренная жизнь». Если использовать глагол (жить ненамеренно) — это уже противоречие в терминах, поскольку действие ненамеренной жизни подразумевает намеренное действие — намерение не-намерения. Подобно другим отрицаниям, оно есть форма собственного утверждения, как его утверждение — форма себя самого.

Но не действие, а факт указывает на нечто, что феноменально может быть, поскольку может подразумевать «проживаться» в значении «ненамеренно», так как в процессе *проживаемости* нет места для волеизъявления.

Однако раз есть все основания считать, что мы на самом деле проживаемся, полностью и абсолютно, подобно всем персонажам сновидения любого рода, не может существовать никакого волеизъявления в последовательном развитии наших жизней.

«Волеизъявление», таким образом, не является действенным элементом феноменальной жизни, а только представляется таковым. Это фактически выражение «я»-концепции, видимость функционирования «эго», и как таковое может рассматриваться как чистое шутовство, психическая активность, создающая ложное впечатление вмешательства в цепь причин и следствий и таким образом вызывающая реакции, обозначаемые как удовлетворение или разочарование в зависимости от того, соответствовала ли попытка вмешательства тому, что должно было произойти, или противоречила этому.

Таким образом, намеренное сдерживание волеизъявления никоим образом не влияет на последовательное развитие наших жизней и не оказывает никакого воздействия на события, так что попытка упразднить «эгоистическое» волеизъявление может только усилить его с его же помощью. Например, когда нам говорят «отпустите все», это означает отказ от намеренных действий, так как все, что нам требуется «отпустить», есть мнимый результат мнимого волеизъявления. И «совершить» это можно лишь намеренным действием, то есть с помощью мнимого

«эго», или независимого «я», из чего следует, что это не более чем шутовство, клоунада.

Если же это может быть совершено, это должно быть результатом, следствием причины, и эта причина может существовать только в цепи причинности, которая никоим образом не может быть затронута актом воли со стороны предполагаемого «эго», или «я»-концепции. Такая причина может возникнуть лишь как следствие предыдущих причин, каковые в рассматриваемом случае могут оказаться только результатом понимания, полное раскрытие которого может быть описано метафорически как «наша» единственная свобода. (Она, конечно же, не «наша», и феномены не могут иметь «свободу», которая в любом случае — лишь концепция, приложимая к ним концептуально, но, возможно, лежащая в основе феноменов «ноуменальность» проявляется напрямую, и понимание может возникнуть, или «появиться».)

Таким образом, на ненамеренную жизнь, «отпускание» всего через отказ от волеизъявления, или «позволение себе проживаться», может повлиять только недеяние (*у-вэй*), то есть это может случиться как результат понимания, достигнутого отождествлением с ноуменальностью, или *праджней*, другими словами, как *следствие внутреннего видения*.

Здесь нет никакого мнимого волеизъявления, и даже если бы оно было, оно никак не могло бы способствовать этому следствию, разве что в том смысле, что его отсутствие или латентность, невозникновение эго-активности, оставляет ум открытым для прямого, или интуитивного, постижения, представленного красочной санскритской концепцией, называемой «праджня».

Сама интуиция непосредственна, но результат кажется нам опосредованным, поскольку мы воспринимаем предполагаемое следствие «волеизъявления» как «непосредственное». Это неотъемлемая часть иллюзии отдельной личности и понятия «эго», или «я»-концепции, так же как «волеизъявление» есть его видимое выражение, или действие, тогда как на самом деле ненамеренная жизнь, или проживаемость, — это непосредственная жизнь, спонтанная жизнь, *у-вэй*, и в то же время это жизнь без слез.

26. Почему мы не можем быть

Все существование объективно.

Мы существуем только как объекты друг друга, и как таковые — только в сознающем нас сознании, поскольку наше восприятие друг друга есть действие сознавания в уме и никоим образом не подтверждает эмпирического существования сознаваемого объекта.

Наше объективное существование, таким образом, имеет место только в уме и, следовательно, чисто концептуально.

Что касается субъективного существования — разве это не противоречие в терминах? Оно предполагает объективизацию субъекта, который как субъект-объект представляет гипотетическое «бытие», которым мы себя воображаем. Субъективно не может быть никаких «нас».

Так, ясно демонстрируется наше тотальное «несуществование», кроме как в виде концепций в сознании.

27. Трансцендентность и имманентность

Я сновижу себя во сне, в котором появляюсь, но *как таковой, я не объективное (снящееся) явление*, то есть не сущность.

Пробуждается не объект, иллюзию несвободы вызывает отождествление сновидящего со своим объектом.

Пробуждение — это исчезновение, растворение, пропадание объекта. Пробуждение — это *конец видимости*, испарение сна, или иллюзии.

Пробуждение — это исчезновение феноменальности (объективного, всей объективности как таковой). Пробуждение — это обнаружение, что кажущееся объективным на самом деле «субъективно», и видимая сущность исчезла вместе со всей видимостью.

28. Цельное видение

Видеть феномены как ноумен — это истинное видение.

Это означает видеть ноуменально, то есть в необъектной связи с «вещами», вместо феноменального видения, находящегося в объектной связи с «вещами».

Видеть феноменально — значит видеть феномены как *наши* объекты.

Видеть ноуменально — значит видеть феномены как самих себя, как все, чем они являются, как их источник и как наш источник. Это означает видеть их не как наши объекты, а как их субъект, не объективно, а субъективно, не как «внешнее», а как «внутреннее». Это воссоединение отделенного с *целым*, которое есть все, что мы собой представляем.

Такое истинное видение, таким образом, является не-видением (одной вещи другой вещью), а в абсолютном смысле это и не видение, и не не-видение, поскольку нет ни объекта, чтобы его видеть или не видеть, ни субъекта — за неимением объекта.

Это слияние заново, воссоединение, переотождествление разъединенного, восстановление целостности расщепленного ума, возвращение к единости.

Замечание: Истинное видение можно обозначить термином «апперцепция», который иногда здесь используется.

29. Слухи — 1

В обоих видах сна

Мы все участники вечеринки: вечеринка продолжается, даже если мы засыпаем, но наш сон — тоже часть вечеринки.

Ты помнишь?
Когда ты смотришь на отражение луны в пруду, ты и есть луна, смотрящая на себя.

Ты просто умозаключение. Только *объекты* познаваемы.
Так что они — это все, что ты можешь узнать о себе.
Поэтому видимая вселенная — это все, что ты есть как «ты».

Нам нужно перестать смотреть на объекты как на события, отдельные от нас самих, и познать их в их источнике — то есть в нашем воспринимании их.

«Ты» — это «другой», нет никакого другого, который не был бы тобой.

Пока мы не поймем,
Что мы не умозрительный феномен,
Которым себя считаем,
Мы не сможем познать беспредельность —
Наше ноуменальное не-бытие.

Намерение может превратить тебя в святого,
Но также помешать тебе стать мудрецом?
Это лишь видимость: нет сущности, чтобы стать тем или другим.

Любые практики — обучение искусству убивать драконов.

«Ты похож на человека, едущего верхом на привязанной лошади». — *Чжуан-цзы, глава XIII.*

Все мы так тратим наше время — «едем верхом
на привязанной лошади».
Эту лошадь невозможно освободить,
Но каждый из нас может остановиться.

Как может это или что-либо быть иллюзией? Что такое «это» или «что-либо»? Нет никакого «этого» или «чего-либо», чтобы быть иллюзорным! А раз ничто не может быть иллюзорным, не существует и никакой иллюзии.

И также нет чего-либо, чтобы быть *чем-либо*, и даже не быть — быть или не быть.

Это истинное видение.

Неправильно говорить: «Не медитируй!» Надо говорить: «Не называй это „медитацией“, если это не она, а если она — не делай это!»

Не мое дело — принимать твою концепцию, которую ты называешь «медитацией»: это твоя забота — давать тому, что ты делаешь, имя, которое указывает на то, что оно собой представляет, а не на то, чем оно не является! Только тогда будет возможным обсуждать это.

Слова *до́лжно* использовать в том значении, которое согласуется с их этимологией, или, по *крайней* мере, в значении, принятом в словаре.

Пока не узнаешь ненависть, не сможешь любить.
И наоборот.

30. «Живые, живые, о!»[8]

Несомненно, сейчас растет тенденция преувеличивать важность самого факта жизни — нашего видимого существования как индивидуальных феноменов. Фразы «у нас только одна жизнь» и «мы должны ценить ее» звучат почти как поговорки и понятны всем.

Откуда бы это ни пошло, это звучит как полный абсурд и совершенно дезорганизует. Во-первых, есть ли какое-то доказательство, не говоря уже о правдоподобии, что это факт? Разве не более вероятно, что у «нас» их, наоборот, слишком много? Несомненно, так считает восточное большинство человеческой расы.

И даже если бы это было очевидно не так, что такое «проживание жизни», подчиненной концептуальному «времени», и кто или что ее «живет»? Понятие «священности жизни» — *конечно же*, лишь человеческой! — неравномерно распределено по поверхности Земли.

Вздор и наваждение! Давайте выясним, что мы такое на самом деле, — и тогда окажется, что важность и видимая продолжительность этого феноменального восприятия на самом деле значат очень мало!

8 «Alive, Alive-O» — припев народной ирландской песни, неофициального гимна Дублина. — *Прим. перев.*

«Долгая жизнь, полная радости!» Конечно, почему бы нет? Но не все ли равно? Разве мы беспокоимся о долголетии, скажем, рыбы?

Замечание: «Жизнь» — лишь проявление, выраженное в пространственно-временном контексте, совершенно умозрительное. На самом деле нет никакой «вещи», которая могла бы начаться и закончиться, быть «рожденной» или «умереть», а наше восприятие — это психический феномен.

31. Говорят, это просто

Это звучит странно — и случается так редко! — но термин «феномены» означает именно то, что в нем заложено этимологически[9]. Каждая вещь, любое вообразимое нечто, воспринимаемое нашими органами чувств и сознаваемое нашим умом (интерпретирующим воспринимаемое органами чувств), — это буквально «явление», то есть видимость в сознании, интерпретируемая как событие, растянутое в пространстве и длительности и объективированное в мире, внешнем по отношению к тому, что его воспринимает. И в то же время то, что его воспринимает, предполагает, что оно — субъект восприятия и, как таковой, — сущность, отдельная от воспринимающего.

Пока эти взаимные допущения сохраняются, связанное с ними предположение о «связанности» и болезненные ощущения, сопровождающие это предположение, неизбежно останутся нетронутыми.

9 См. стр. 27. — *Прим. перев.*

Поэтому избавление от этой предполагаемой «связанности» может быть достигнуто только через понимание ложности этих допущений, ответственных за иллюзорную связанность, поскольку и «допущения», и «связанность» — лишь видимости, то есть чисто феноменальны.

> «Явление» — это в точности то, что означает это слово, то есть нечто, что «является, кажется», а не «что-то, что есть».

Если понять это — и насколько это должно быть очевидным, если сами термины говорят именно это! — психологические элементы чисто психологической связанности отпадают, и остается только вызванная этой «связанностью» психологическая обусловленность, а она, как и любая обусловленность, исчезнет в результате процесса раз-обусловливания, состоящего в утверждении концепции «видимости» (феноменальности) вместо концепции «реальности».

Исчезновение того, что воспринимается как «реальное» и «отдельное», как события, растянутые в пространстве и времени, неизбежно влечет исчезновение предполагаемой воспринимающей сущности, и оба они затем видятся как феномены, или видимости, в сознании.

Когда эта настройка происходит, субъект и объект больше не существуют как таковые, и не остается никакой сущности, которую можно было бы представить «несвободной». Это значит — конец связанности.

И правда, как же это просто!

Замечание: «Тогда кто я?» Если бы кто-то мог сказать это тебе, то сказанное неизбежно оказалось бы бессмыслицей, поскольку являлось бы просто еще одним объектом, таким же феноменальным, как и все остальные. Однажды ты спонтанно узнаешь, кто ты: наставники имеют в виду именно это, когда часто повторяют: «Ты узнаешь о себе, теплая вода или холодная», — или ты просто будешь этим знанием.

32. Исчезновение субъекта

Причина, почему неведение и знание — одно и то же, в том, что все объекты — это объективизации. Просветление и неведение тоже одинаковы, потому что оба — объективные концепции.

Тот, кто потерял свое объективное «я», лишился и своего субъективного «я», и нашел свою необъективность, которая есть отсутствие как субъекта, так и объекта.

Объекты не «пусты» и не «не пусты», не потому что они не являются тем или этим, а потому что сами по себе они вообще не какая бы то ни было «вещь», *но только собственный источник.*

Таким образом, причина для понимания пустоты объектов — это устранение их субъекта, невозможное до тех пор, пока объекты воспринимаются как реальные, и поскольку одно неотделимо от другого, у них нет независимого существования. Так что феноменально они являются одной концепцией, имеющей двойной аспект, а ее источник — ноумен.

Поскольку субъект не может быть устранен напрямую посредством себя самого, осознание его объектов как видимостей приводит лишь к не-видимости

его самого как предполагаемого объекта, функционирующего как их субъект.

33. Давайте это обсудим!

Качество «пустоты» или «не-пустоты» объекта не оказывает непосредственного воздействия на эффективность процедуры, подразумеваемой использованием этих терминов, поскольку они указывают лишь на *несуществование* объекта *как такового*: объект не может быть ни «пустым», ни «не-пустым», ни каким бы то ни было еще, потому что там вообще нет ничего, чтобы быть чем-то или иметь какие-то качества. Утверждать, что объект пуст, — значит подменять доказательство спорными допущениями, поскольку в этом случае есть объект, который может обладать или не обладать этим качеством.

Такое понимание — шаг к дальнейшему пониманию, что видимый объект находится в своем источнике, а не в его проявленной видимости.

Индийская аналогия с глиной и глиняным кувшином, созданным гончаром, как и китайская аналогия с золотом и золотым изображением льва, отлитым золотых дел мастером, также несовершенны и даже ошибочны, потому что в них тоже содержится старая тщетная попытка представить в объективных образах и концепциях ЭТО, чья полная характеристика — это не-характеристика, чье единственное бытие — не-бытие, чье исключительное объективное существование лежит в абсолютном отсутствии как объективности, так и не-объективности.

Единственная цель этого утверждения, как и всех аналогий, — отбросить ум назад, прочь от объекти-

вирования, и вернуть его к его истинному центру, а именно к абсолютной не-объективности, из которой возникает вся объективность.

Параллельно это описание концепции объекта как вещи-в-себе, или как объективной реальности, психологически служит той же цели: если объект устраняется как таковой, субъект этого объекта — непосредственный субъект, раскрывающий его концептуальность, — также автоматически исчезает. Это неизбежно, потому что феноменальный субъект и феноменальный объект неразделимы, это два аспекта единого функционирования, неспособные существовать отдельно ни в какой момент и ни при каких обстоятельствах.

Так что когда это понимание прилагается ко всем объектам и вообще ко всем феноменам, субъект всегда исчезает, и именно исчезновение субъективной иллюзии, а не ее объективной копии, имеет решающее значение. Субъективная иллюзия, основанная на отдельной индивидуальности, эго, или воле, действующая посредством предполагаемого волеизъявления, не может быть устранена *напрямую*, поскольку это бы означало «посредством себя самой». Такой путь отрицания — единственно возможное средство уничтожения псевдосубъекта псевдообъектов, то есть единственный фактор, препятствующий нашему знанию того, что мы есть, и, таким образом, мешающий нам «быть» этим (хотя мы есть это) и мешающий нам «проживать» это в нашем феноменальном проявлении.

Есть все основания предполагать и считать, что когда это понимание становится спонтанным (то есть когда мы можем напрямую, бессознательно

и совершенно ненамеренно воспринимать таким образом — то есть прямым восприятием, предшествующим имени-форме, предваряющим временную интерпретацию через процесс объективирования «вращающегося» субъекта-объекта), мы освобождаемся от нашей видимой ограниченности, потому как это просто видимость. Это спонтанное прямое восприятие — именно то, что наставники имели в виду, когда говорили об Одной Истинной Мысли, Мысли Абсолюта, или, словами великого Шэньхуя (668–760), последователя Хуйнэна: «Безмолвное отождествление с небытием — это то же, что описывается как внезапное просветление». И также то, что описывается как «когда единая мысль соответствует [истине], у тебя мгновенно проявляется мудрость Будды». («Мудрость» здесь, как и везде, т. е. *праджня*, означает «субъективность», или необъективное понимание, как говорил Ханьшань). Это «единая мысль», о которой идет речь, и в этом причина, почему устранение объективной реальности объектов считается главным методом понимания.

Замечание: Про просветление настоятеля Мина, вызванное шестым патриархом Хуйнэном, Фэн Юлань сказал: «Сила вопроса патриарха уничтожила и субъект, и объект. Когда человек как субъект и его объект устраняется, тогда он становится одним с „небытием", и это описывается как безмолвное отождествление с небытием. Под этим понимается, что человек не только знает, что небытие есть, но он фактически отождествлен с небытием». (The Spirit of Chinese Philosophy («Дух китайской философии»), перевод на англ. E. R. Hughes, Kegan Paul, 1947, стр. 166. Также History of Chinese Philosophy («История китайской философии»), перевод на англ. Derk Bodde, Princeton University Press, 1952, том II, стр. 397.)

34. Необъектные отношения

Портрет себя

Необъектные отношения с собой означают не думать о себе как об объекте — любом объекте, физическом или ментальном.

Знать, что у себя самого нет абсолютно никаких объективных качеств, вообще ничего объективного, что отсутствуют малейшие следы объективности, — значит, конечно же, знать, *что* есть ты. А это, в метафизических терминах, — просто само отсутствие, само отсутствие *отсутствия*, абсолютное отсутствие какой бы то ни было объективной черты, природы, или качества, то есть отсутствие самой идеи отсутствия как присутствия воспринимаемого и сознаваемого.

Портрет тебя

Необъектные отношения с другими, со всеми феноменами — воспринимающими или невоспринимающими, — означают перестать рассматривать их как свои объекты.

Мы знаем, что *как объекты* они могут быть только видимостями в сознании — то есть они лишены собственной природы или качеств (как феномены). Это понимание представляет собой лишь устранение непонимания — того, что технически называют «неведением».

Мы знаем также, что наши объективные (видимые) «я» равным образом лишены природы и качеств, так что и предполагаемый субъект, и его предполагаемый объект сразу воспринимаются как видимости.

Тогда мы осознаем, что то, чем мы все являемся, на самом деле ничем не отличается, и это есть «единость».

В этом нет никакой «любви», поскольку любовь — это выражение отделенности, и эта незрелая форма возбудимости, называемая «эмоциями», замещается чистой аффективностью, тем, что, возможно, называют *каруной* и что ближе всего определяется словом «радость». Тогда мы не «любим» других: мы «есть» другие и наши феноменальные отношения с «ними» становятся простыми, прямыми и спонтанными.

Это открытость, природа которой — радость.

35. «Где же, где?..»

I

Почему то-что-я-есть не внутри и не снаружи? Потому что я пытаюсь смотреть из «моей» собственной головы[10].

Это повсеместная нескончаемая ошибка.

«Моя» собственная голова не тот центр, из которого можно определить что-либо, кроме феноменального расстояния, и центр того-что-я-есть не там.

А где? Он вообще не где-то «там»: он в каждом «здесь», а каждое «здесь» находится в каждом «там».

«Моя» феноменальная голова не находится вне того-что-я-есть, потому что у того-что-я-есть нет никакого «вне», не находится она и внутри, так как у того-что-я-есть нет никакого «внутри».

10 См. эксперименты Дугласа Хардинга, опрокидывающие привычные представления, в книгах: «Жизнь без головы», «Маленькая книга жизни и смерти», «Быть и не быть: вот в чем ответ» (издательство «Ганга»). — *Прим. ред.*

Феноменально центр того-что-я-есть находится в каждом «где», а ноуменально — «нигде», потому что «где» и «нигде» абсолютно тождественны.

Когда я воспринимаю непосредственно, «моя» голова — лишь тщательная концептуальная интерпретация со стороны разделенного ума, объективирующего как субъект-объект, и затем эта концепция возвращается к своему источнику и берет «мою голову» с собой.

Когда, до концептуальной интерпретации, я воспринимаю непосредственно, умозрительный субъект этого умозрительного объекта также должен отсутствовать.

А если нет объективной «головы», не остается и никакого «меня», чтобы не иметь этот устраненный объект.

В этот момент я есть — но нет никакого момента и никакого «где», чтобы этот момент мог там не возникнуть, и никакого «я», чтобы быть.

Замечание: Эти несколько строк уводят дальше, чем их простое выражение — мысль Раманы Махарши из его последней поэмы. Я не знаю, это ли он хотел нам передать?

II

Достаточно ли просто спросить «Кто?». Или надо еще спросить «Где?» и «Когда?».

Нам кажется, что с устранением «Кто?» останется плотная объективная вселенная, завершенная во всех отношениях, кроме видимого провала наших драгоценных «я».

Но на самом деле все совсем не так! Желательно понять, что жизненное пространство каждого

драгоценного «я» разделяет судьбу его субъекта, какова бы она ни была, поскольку все, что ощущается и познается органами чувств с его объективным возникновением, феноменально неотделимо от этого. Также длительность, выдуманная, чтобы все элементы или события могли развиваться в восприятии, больше не будет иметь видимого существования в отсутствие таких элементов или событий и средства их выражения.

Отсюда следует, что пока есть объективный «Кто?», будет и объективное «Где?», и также объективное «Когда?», но в отсутствие одного из них остальные также будут отсутствовать.

Но поскольку феноменальный «Кто?», как и феноменальная вселенная, не исчезает как видимость вследствие постижения, что все феномены — лишь видимости, отождествление с объектом разрушается, и последующее освобождение — это освобождение не только от «Кто?», но также от «Где?» и от «Когда?». Предполагаемый феноменальный «субъект» перестает верить в невозможное и узнает наконец, чем он всегда был и чем всегда была феноменальная вселенная, не знающая ни «Кто?», ни «Где?», ни «Когда?».

Но спектакль продолжается, как и феноменальный «субъект», каким бы пробужденным он ни был. Для него «Кто?» «Где?» и «Когда?» — ничего не значащие термины, хотя он продолжает использовать их, как это делают другие, — «другие», настолько же бессмысленные в их собственном понимании «смысла», как и то, Кем они могут «быть», Где они могут «быть», или Когда они могут «быть». И его единственная мотивация — стремление привести их к тому же пониманию нереальности того, что они принимают

за реальное, и реальности того, что они считают выдумкой.

36. *Quod erat demonstrandum*[11*]

Никто не верит, что он не существует,
Никто никогда не верил и никогда не поверит,
что он не существует.
Почему так?
Потому что нет никакой сущности, чтобы
верить, что она не существует[12].
Именно это имеется в виду, когда говорят,
что она не существует и не не существует[13].
Тогда что же она такое?
Она есть отсутствие того, что не есть она,
То есть всего, чем она может себя помыслить.

37. Я–Я: Эта вселенная, которая есть мы

Когда субъект смотрит, субъект видит объект.
Когда субъект видится смотрящим на объект,
Субъект становится объектом и перестает быть
субъектом.
Когда субъект смотрит на самого себя, он
уже ничего не видит, поскольку видеть
нечего, так как субъект, не будучи объектом
как субъект, не может быть видим.

---

11 Что и требовалось доказать (лат.). — *Прим. перев.*

12 Если бы была какая-то сущность, верящая, что она не существует, это бы означало, что она существует. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

13 Есть решение непрерывности между тем, что она есть, и концепцией «существования/несуществования»: как между самой луной и концепцией ее отражения в пруду.

Это «зеркало пустоты» — отсутствие чего-либо видимого, чего-либо, что может быть увидено, то есть субъекта.
Но это не «зеркало», и не «пустота», и не что бы то ни было еще.
Это даже не «это».
Это трансцендентность субъекта и объекта — то есть чистая есть-ность.
Это то, что есть — полное отсутствие, которое есть присутствие всего, что кажется существующим.
Может, и можно сказать это лучше, но добавить больше нечего.

Замечание: «Я-Я» — термин, используемый Шри Раманой Махарши для обозначения абсолютного Я.

«Зеркало пустоты» — сияющее зеркало, отражающее феноменальную вселенную, проявляющее все и не удерживающее ничего.

38. Пока...

Пока мы верим, что то-что-мы-есть объективно,
Пока мы думаем, что в нас может быть что-то объективное,
Пока мы не признаем смехотворность идеи, что в том, что мы есть, может быть хоть что-то объективное,
Пока мы говорим слово «я», считая, что я может быть какой-то сущностью,
Пока это не неуязвимое-Я, не неприкасаемое-Я, не неназываемое-Я, не немыслимое-Я, то есть не непосредственное действование,

Мы ограниченны.
Потому что ограниченность — это просто
отождествление с феноменальным объектом,
и потому что отождествление и есть та
самая идея, что то-что-мы-есть — объект,
психический или соматический.
Избавленные от этой обусловленной
идеи нашего личного объективного
существования,
Мы — СВОБОДНЫ.

Замечание: Недостаточно думать о том-что-не-есть-мы — необходимо не думать о том-что-не-есть-мы. Нужно, чтобы то, чем мы вообще можем быть, действовало непосредственно. Прямое действие, как и прямое восприятие, предшествует разграничивающему мышлению и не подвержено «волеизъявлению».

39. Практика? Чего, кем?

«Озарение» — это чистая субъективность, феноменально субъективное состояние: как может проявление видимости влиять на свой источник?

Феномены не могут воздействовать на ноумен, поскольку само воздействие феноменально. Тень не может воздействовать на то, что ее отбрасывает, поскольку видимость не может влиять на свой источник.

Все видимое действие и, таким образом, вся практика неизбежно проистекает из ноумена. Так кто тогда практикует?

Только ноумен «практикует», а феномены «практикуются». Для чего?

Но практикующий и практикуемое — одно, объективно разделенные как то, чем они не являются, как видимости, но ноуменально единые как то, что они есть.

Практикующего нет, и практиковать нечего.

40. Кстати, о Боге...

I

Что такое Бог?

Что за вопрос! Как такой объект вообще может быть?

Вера в Бога повсеместна.

Разумеется. Но Бог не может быть объектом.

Тогда чем?

Бог — это Субъект, Абсолютный субъект всех объектов.

Включая нас самих?

Субъект субъекта — это объект, которым мы считаем себя.

Значит, как субъекты мы — объекты?

Концептуально — да. «Мы» действуем как субъекты, а думаем о себе неизменно как об объектах, вертимся, как монета — то «орел», то «решка» — но во всем, что мы есть или могли бы быть субъективно, мы — то, чем является Божественная природа.

И что же это?

Просто отсутствие того, чем мы себя считаем, или присутствие того, что мы *есть*.

А это...?

Наше полное объективное отсутствие, то есть субъективное присутствие Бога.

Замечание: Это не предполагает исчезновения объективной феноменальности как таковой, это означает лишь исчезновение отождествления с объективным феноменом, который считается тем, что мы есть. Но мы не то: мы это, а это — не «что-то», поэтому мы вообще не «что».

II

Ты говоришь, что Бог не объект! Почему?

Как объект, Бог — один из сотни объективных богов. Разве не так?

Это неочевидно. Ведь все другие — идолы.

Если Бог концептуализирован, Он — просто бог. Любая концепция Бога — это идол. Любая молитва или подношение объекту, материальное или концептуальное, — это молитва или подношение идолу.

Это оскорбительно, это святотатство!

Оскорбление и святотатство находятся в уме, в котором и возникают эти понятия. Я просто обращаю ваше внимание на очевидное.

Разве не бывает намеренного святотатства?

Невозможно оскорбить объект, идола. Можно только зародить понятие оскорбления в умах поклоняющихся этому объекту, идолу.

Хотя Бог как таковой изображается редко, члены некоторых христианских церквей понимают, что образ божества или святого, хотя и является объектом молитв и подношений, для них не идол. Это только символ. Что смешного?

Шекспир говорил, что роза будет пахнуть розой, как ее ни назови. Нас сейчас волнует не искренность веры, какой бы невинной она ни была, а метафизическое постижение.

Тогда что такое святотатство?

Каждое и всякое действие, совершенное не в присутствии Бога. Это подразумевается в Евангелиях и утверждается в «Бхагавад-гите».

Присутствие Бога означает для меня присутствие объекта, идола!

Увы, я боялся, что так может быть! Под присутствием Бога подразумевается отсутствие присутствия «я» — или просто неотъемлемая божественная природа.

41. Слухи — II

Практика медитации изображается тремя известными обезьянами, закрывающими глаза, уши и рот, чтобы избежать феноменального мира.

Практика не-медитации — перестать быть видящим, слышащим или говорящим, в то время как глаза, уши и рот выполняют свою функцию в повседневной жизни.

Ты

Если время — четвертое измерение пространства, временная проекция Субъекта выливается в логически выведенную *сущность* как *объект*.

Чтобы ответить на любой вопрос о том, что ты такое, ум должен разделиться на субъект и объект, но тогда ответ уже не будет истинным или полным.

Когда озарение испаряется в словах,
Только резонанс остается.

Может показаться, что учителя критиковали реальность объектов, но на самом деле они указывали на видение объектов.

То же относилось к объективным образам (объектам в уме): отрицая их, они хотели вызвать вспышку понимания их концептуальной природы и осознание источника всей концептуализации.

Ноуменально нет никакой сущности, чтобы
быть ограниченной,
Феноменально нет никакой сущности, чтобы
быть свободной.

В *чань* нет ничего теоретического: это непосредственное, а не опосредованное понимание.

Я есть то, что Бог есть.
Эта кажущаяся загадка так непонятна только
потому, что истина ищется объектом.

Унижения нет, есть только степени гордости.

У меня нет никаких умственных процессов, годных для использования, и никакого Пути, чтобы следовать.

Хуйхай

Не применять видимую функцию воли есть Дао.

Практика

Многие буддисты пытаются пробудить снящиеся персонажи вместо самого сновидящего. Когда сновидящий пробуждается, снящиеся персонажи исчезают, поскольку их проявление оканчивается. Поэтому нет никаких «других», лишь персонажи сна.

Должен пробудиться сновидящий каждого сна, видящий сон отождествления, чьи персонажи сновидения исчезают. Это отождествленный сновидящий, а не безличный сновидящий всего мироздания.

Просветленное состояние — это состояние небытия и неотождествленности.

Отождествленный человек принимает участие, неотождествленный — наблюдает, не вмешиваясь.

Часть третья

Сутра Сердца

Суть Сутры Сердца —
Не природа объектов,
А видение их,
То есть то, что они есть.

42. О «Сутре Сердца»[14]

Раздел I

Считается, что *Хридая*, обычно называемая «Сутрой Сердца», — суть доктрины Праджняпарамиты. Ее важность осознается настолько хорошо, что ее ежедневно перечитывают в монастырях — практика, не всегда приводящая к пониманию.

Данное изложение основано на трех основных источниках — санскритском, китайском и тибетском, но это не прямой перевод. Изложение некоторых технических терминов дано в Замечаниях, но значение слов в целом определялось санскритом или китайским. Оно не претендует на что-либо кроме возможного прояснения ключевого смысла сутры, значение которого затуманено объективной и, таким образом, непригодной терминологией.

Само название сомнительно и должно быть пересмотрено. На Востоке сердце рассматривалось как средоточие того, что мы считаем умом, а для нас сердце — символ средоточия чувств. Поэтому перевод слова «*хридая*» или «*синь*» как сердца вводит

14 Санскр. «Праджняпарамита хридая сутра», кит. «Баньжоболомидо синь цзин». — *Прим. перев.*

в заблуждение. Это уже всем понятно, так что современные переводчики в основном переводят эти слова как «ум». Но переводчики неохотно отходят от академических традиций, даже если осознают их несоответствие. Возможно, иногда они пренебрегают своим долгом передавать истину — насколько это возможно — в угоду своей репутации ученых?

С названием дела обстоят несколько иначе, потому что слово «сердце» для нас также символ жизненного центра, а термину «праджняпарамита» дан перевод «совершенство мудрости», так что вся фраза «сердце совершенства мудрости» составляет очень привлекательное название, от которого не так-то просто отказаться.

Я уже высказал свое мнение о слове «сердце» *(хридая, синь),* а теперь сделаю пару замечаний о «праджняпарамите». Разговорное и общелитературное значение слова «праджня» во всех формах и сочетаниях связано со знанием и пониманием и может переводиться как «мудрость», а «парамита» означает «пересекать» и иногда «окончательное достижение» или «совершенство». Поэтому, как и следовало ожидать, перевод «совершенство мудрости» безупречен с академической точки зрения. Но в буддизме эти слова использовались в чисто символическом смысле, зависящем от контекста, эпохи и даже конкретного места, и этот смысл — который можно было бы назвать жаргоном — редко, если вообще когда-либо, совпадал с разговорным и общелитературным значением[15].

15 Один китайский ученый недавно сказал мне: «Буддизм в Китае — другой язык». У буддизма свой язык, использование традиционных терминов при переводе не может передать мысль оригинала.

Китайцы поступили совершенно правильно, оставив эти слова в оригинале, преобразовав их фонетически в *баньжо* и *боломи*, а мы такие педанты, что пытаемся переводить их, не имея подходящего слова, передающего их значение. *Парамиту* еще можно переводить, так как она несет значение «трансцендентный», приемлемое в большинстве контекстов, но «мудрость», будучи слишком общим словом, даже не намекает на техническое значение *праджни*.

Во-первых, *праджня*, как функциональный аспект *дхьяны*, не может быть такой абстрактной, пассивной или объективной «вещью», как «мудрость». Ее можно обозначить как активный принцип, функционирование *дхьяны*, где *дхьяна* — статический аспект *праджни*. Отсюда, кстати, можно заметить, что *дхьяна*, в техническом смысле, не имеет никакого отношения к «медитации», разве что в этимологическом значении этого слова, — она может означать что угодно, но не это.

Во-вторых, нам ясно говорят, что означает *праджня*, хотя это не требуется тем, кто понял писания и учение наставников династии Тан. Ханьшань, просветленный мудрец, в комментарии к «Алмазной сутре» сообщает, что под «праджней» Будда подразумевал «субъективность». Это не означает, что всякий раз, когда в тексте встречается слово «праджня», оно может переводиться как «субъективность», это просто значит, что как бы ни использовался этот термин, у него всегда будет субъективный подтекст. Другими словами, он никогда, если использовать его правильно, не будет указывать на что-либо объективное или поддающееся объективизации, физически или концептуально. Как уже говорилось,

у этого термина множество различных оттенков смыслов, совокупность которых не может передать ни одно слово в английском или французском языке, а из-за объективной природы языка его иногда можно обнаружить в двойственном контексте с целью указать на функцию ума или явно объективное качество. Наставники редко были настроены филологически — их скорее интересовало перенаправление умов их монахов в сторону, отличную от их, а также нашей обусловленности. И иногда они указывали в сторону некоторого понимания, будто бы утверждая противоположное.

Я не знаю степень аутентичности доступных санскритских текстов, которых, как говорят, существует около двадцати. У тибетского текста есть значительные отличия, но не в сути. Используемый китайский текст — это перевод знаменитого монаха Сюаньцзана (596–664). Оригинал был привезен им из Индии с множеством других сутр, хотя считается, что он был знаком с этой сутрой до поездки, поскольку использовал ее в пути. Я не знаю, сколько ошибок внесли переписчики. В ней есть места, отличающиеся от всех остальных версий. Было пять китайских переводов, третий выполнен Кумарадживой[16], пятый — Сюаньцзаном.

Хридая может также рассматриваться скорее не как краткое изложение объемной «Праджняпарамита-сутры», а как оригинальный живой ответ на все писания, все доктрины, методы, практики, догмы — фактически на все экклезиастицизмы ре-

16 Кумарадживa (344–413) — буддийский монах, один из крупнейших переводчиков буддийской литературы на китайский язык. — *Прим. перев.*

лигиозного буддизма. В нескольких дюжинах слов, в рамках традиционного изложения, все основные буддийские учения отвергаются без долгих рассуждений, не иконоборчески, а насколько возможно мягко, простым перечислением субъективных элементов индивидуальной личности, затем их объектов и в конце самих «святых доктрин», и указанием для тех, кто способен увидеть, на то, что все, абсолютно все — просто видимость (чисто феноменально) и не может никоим образом существовать само по себе. Ответ предельно очевиден, такова «истина чань» (как и любой другой доктрины или недоктрины, стремящейся ее прояснить).

Возможно, кто-то почувствовал, что люди, способные постичь Великую Колесницу, впустую тратили свои жизни, вдаваясь в тонкости логики и философии, усердно отрывая листики артишока, отрубая отрастающие вновь головы гидры, вместо того чтобы прямо направиться в сердце (*хридая*) вопроса, и составил эту восхитительную короткую «сутру», раскрывающую *хридаю*.

Лейтмотив всего текста — отвлечь от бесконечного объективирования, от обусловленной концептуализации и особенно от иллюзорного волеизъявления, из-за которого они воображают, что живут и действуют. А отвлекаясь от того, чем они не являются, они могут неожиданно осознать безграничность того, что они есть.

Раздел 2

Но тем, у кого нет учителей, а имеются только книги, послание сутры редко открывается, будучи выра-

женным так, как есть, намеренно или ненамеренно, в объективной терминологии, отвлекающей ум от сияющего из ее Сердца послания.

Чтобы понять его, нам требуется учитывать, что от начала и до конца это — описание способа видения бодхисаттвы и что разговор о сутре — это пример бодхисаттвического видения. Авалокитешвара, говоривший по приказанию Будды, раскрывает для нас восприятие бодхисаттвы. Он не сообщает нам, как обычно предполагается, каковы функции скандх или воспринимаемого с их помощью (как считается) феноменального мира. Он не говорит нам также и о пустоте объектов как таковых. Он говорит нам, что они такое — раскрывая и в то же время показывая своим примером, что хорошо известное тотальное отсутствие бытия или собственной природы всего объективного — это просто отсутствие с точки зрения объективности и что такое объективное отсутствие само является умом бодхисаттвы и тем, что он есть. Таким образом, каждая строчка выражает не объективную концепцию, а воспринимание или сознавание — все, чем когда-либо была, есть и будет какая бы то ни было *вещь*. Это чистое праджня-видение, непосредственное, выходящее за пределы концептуализации — функциональный аспект того, что называется Дхьяной.

Это наиболее явно демонстрируется в китайском тексте, где Авалокитешвара говорит: «Шарипутра, пустота [объективного бытия] всех вещей никогда не создавалась и никогда не будет разрушена, в ней нет ни частей, ни целого, она не совершенна и не несовершенна». Это «Пустота Праджни», сама *Праджня*, и это ключ ко всей сутре. Это беглое, но точное

описание чистого необъективного видения, трансцендентной субъективности совершенного *бодхисаттвы*. Если считать *шуньяту* чистой «пустотой», технически названной «Пустотой Уничтожения», а не отсутствием объективного существования, являющего собой ум бодхисаттвы, то биение сердца «Сутры Сердца» никогда не будет услышано.

Замечание: Термины, используемые в китайском буддизме, иногда сильно отличаются по смыслу от их индийского оригинала. Буддизм распространялся в Китае в основном посредством технических терминов и концепций даосизма, что, учитывая совершенно разный философский подход Индии и Китая, привело к значительным различиям в интерпретации. Поэтому относительно корректный перевод сутры с санскрита может оказаться неточным или даже неправильным переводом той же сутры, как ее понимают и используют в Китае. Вот примеры терминов, к которым это относится: самадхи, саньмэй, возможно, праджня, дхьяна и несколько других, и еще пример более распространенной концепции, выраженной словом «шуньята» и его китайским эквивалентом *кун,* который в китайской махаяне имеет еще позитивный аспект *у-нянь*.

Фактически, даже если мы достаточно хорошо знаем индийский буддизм махаяны, нас интересует также его развитие в Китае как чань, в Японии как дзэн, и все другие школы, составляющие Великую Колесницу, потому что в Китае это живая традиция, которую можно изучать. В частности, Великую Колесницу следует рассматривать как, по сути, китайское творение, со всем уважением к вдохновившему ее индийскому оригиналу, — она настолько впитала китайскую философию и метафизику, что нельзя надеяться понять и интерпретировать ее на основе одного лишь перевода с санскрита.

1. Передача сутры божественного внутренне видящего Ума, трансцендентного знанию

Так я слышал:

Победитель иллюзии[17] находился на Горе Коршуна в окружении великого собрания монахов и бодхисаттв. Пробудившись из состояния самадхи, в которое он был погружен, и поприветствовав благородного бодхисаттву Авалокитешвару, он задал ему такой вопрос: «Каково должно быть понимание сына или дочери из благородной семьи[18] в результате *праджняпарамиты*?»[19]

Авалокитешвара ответил: Понимание бодхисаттвы таково:

Праджня-видение бодхисаттвы

Пять скандх[20] будут [сознаваться как] небытие.
Проявление будет [сознаваться как]
небытие, а небытие будет сознаваться
как Проявленное.
Проявление будет сознаваться как неотделимое
от небытия, а небытие — как неотделимое
от Проявленного[21].
Воспринимание будет сознаваться как небытие,
а небытие будет сознаваться как Восприятие.

17 Одно из имен Будды.
18 В значении «представителя культурных слоев», здесь имеется в виду бодхисаттва.
19 Внутреннее видение, трансцендентное феноменальному знанию, или более литературно, «субъективность этого берега».
20 В буддизме — пять совокупностей, или «групп привязанности», составляющих личность. — *Прим. перев.*
21 Одно понимание не может существовать без другого.

Воспринимание будет сознаваться
как неотделимое от небытия, а небытие
как неотделимое от Восприятия.
Также мышление, воля и сознание будут
сознаваться так, что каждое будет
пониматься как небытие, а небытие —
как каждое.

Чтобы оценить приведенный выше отрывок, необходимо понять, что видение *бодхисаттвы* — это субъективное внутреннее видение, то есть *праджня*, или динамический аспект *дхьяны*, и что речь идет не о пустоте и даже не об отсутствии *скандх* как объективных способностей, а о субъективности видения *бодхисаттвы*, в котором эти концептуальные объекты не существуют как таковые, но субъективно тождественны тому, что называется «пустотой *праджни*», которую можно определить как небытие, рассматривающее само себя. Вкратце, *скандхи* не имеют никакого объективного бытия, они — субъективное функционирование *праджни*, проиллюстрированное в данном здесь учении.

Фактически «пустота» не находится ни в каком объекте, а только, и всецело, в сознавании его. Объектов никогда не было, чтобы они могли быть «опустошены», и никто не может опустошить (или наполнить) или как-то еще изменить то, что не имеет настоящего существования. С другой стороны, чем бы объекты ни считались, это лежит в их источнике — то есть в ноуменальном *праджническом* уме, без чьего динамического действия их феноменальная видимость не могла бы возникнуть.

Шарипутра[22], видение небытия (пустоты всей объективности), не сотворено и неуничтожимо, не смешано и не чисто, не ограниченно и не безгранично.

Поэтому, Шарипутра, в видении *бодхисаттвы* не может быть [такой вещи, как] Проявленное или Восприятие, Концепция, Воля или Сознание[23].

Не может быть [такой вещи, как] глаз или ухо, нос или язык, тело или ум[24].

Не может быть такой вещи, как форма или звук, запах или вкус, прикосновение или концепция[25].

Не может быть такой вещи, как *объект* видения, слышания, обоняния, вкуса, осязания или думания[26].

В видении *бодхисаттвы* не может быть такой вещи, как неведение или отсутствие неведения; угасание и смерть или отсутствие угасания и смерти; страдание, начало или конец страдания; «Путь»; знание, достижение или не-достижение объекта[27].

Этот раздел не утверждает, что эти объекты, материальные или концептуальные, не кажутся существующими феноменально, ни даже что они существуют лишь как видимость, а только что никакие события, феномены, объективные «вещи» не присутствуют *как таковые* в субъективном видении *бодхисаттвы*. Говоря коротко, любая вообразимая вещь может ка-

22 Один из главных учеников Будды.

23 Пять скандх, обычно рассматриваемые как объективные способности, но здесь имеются в виду сами по себе (овеществленные). Буквально а) форма, б) восприятие (формы), в) концептуализация (формы), г) действие (прилагаемое к форме), д) познание (концепции формы).

24 Шестого органа чувств.

25 Их функций.

26 Их феноменальные объекты.

27 Главные буддийские доктрины из «Четырех Благородных Истин».

заться существующей феноменально, но ноуменально, в том, что в философии можно описать как чистый субъективный ум, который метафизически можно обозначить лишь отрицанием как необъективность, нет, не было и не будет никакой вещи, и это и есть *праджня-видение бодхисаттвы*. В последнем разделе это указывается прямо.

> *Поэтому, Шарипутра, благодаря отсутствию Волеизъявления и наполненности* праджняпарамитой *(субъективным внутренним видением),* бодхисаттвы *не связаны толковательным мыслительным процессом, поэтому не испытывают страха, свободны от иллюзий и пребывают в нирване.*

Если первый раздел опровергает воспринимание «существования» феноменального субъекта, отрицая «существование» каждой из его способностей, второй раздел опровергает воспринимание «существования» всех феноменальных объектов этого субъекта, как психических, так и соматических, включая концепции *дхату* (восемнадцати чувств), *нидана* (связи в цепи воплощений), «Четыре Благородные Истины» и т. д., раскрывая их необъектное происхождение и источник во всей его предполагаемой ноуменальной величественности.

В третьем разделе Авалокитешвара указывает, в очень экономных выражениях, что это за видение и откуда оно берется. В индийских писаниях подобная немногословность встречается так редко, что можно упустить полный смысл каждой фразы. При детальном рассмотрении становится ясно,

что слово «волеизъявление» покрывает всю эгоцентричную активность, отсутствие которой вызывается *праджняпарамитой*, подразумевающей особенно здесь выход за пределы концептуального мышления посредством прямого восприятия, предшествующего концептуализации, в отсутствие которой ноуменальная жизнь бодхисаттвы в совершенной свободе, как описано, — неизбежное следствие.

Так, посредством «*Праджняпарамиты*» (так называемой *мантры*) все Будды, прошлые, настоящие и будущие, полностью пробуждены к *ануттара-самьяк-самбодхи* (полному и совершенному просветлению).

Поэтому мы знаем, что «*Праджняпарамита*» — великая духовная формула, несравненная *мантра*, неизбежно кладущая конец всему страданию.

Затем он произнес истинную формулу (активизацию) — *праджняпарамиту*:

«Гате, Гате Парагате, Парасамгате,
Бодхи Сваха!»

Замечание: В отношении этой мантры название «Праджняпарамита», вероятно, подразумевает просто «формулу субъективной трансцендентности». Оно привносит необъективное видение, которое есть Праджня, посредством которого ставший бодхисаттвой живет неопосредованно, без вмешательства волеизъявления.

Комментарий на эту знаменитую мантру

Очень немногие, если таковые есть вообще, по-настоящему понимают действие и потенциал индий-

ских мантр[28]. Я добавил эти строки на случай, если они принесут какую-то пользу.

Мантра не предназначена для того, чтобы стать предметом концептуальной интерпретации, поэтому ей не требуется дословный перевод. Это не доступное изложение сути учения, а скрытое — и главным образом относящееся к слуху — средство для апперцепции того, чем мы являемся с позиции универсума. Указующий смысл этих слов можно было бы передать примерно так «О *Бодхи*! (тотальное субъективное осознание или просветление) Добро пожаловать, добро пожаловать, воистину жалует добро — абсолютная „Единственность"!»

Смысл, обычно приписываемый этим шести словам, — о «*Бодхи*», уходящем все дальше и дальше, в конце концов оказывающемся за пределами запредельного и затем «восславляемого», — не несет в себе ничего значимого. Альтернативная интерпретация об эго-я, говорящего, куда-то уходящего и восхваляющего «*Бодхи*», кажется не менее бессмысленной. «*Гате*» — как «приходить» или «уходить» — вызывает сомнения в любом контексте, потому как к «кому» или к «чему» можно было бы «прийти» в этой квинтэссенции чистой доктрины не-доктрины и «куда» или за пределы «чего» — «уйти»?

В буквальном переводе вместо «перемещения и прибытия» санскритские слова могут нести смысл «осуществления», например: «Завершено, завершено,

28 Прекрасное объяснение дал Шри Рамана Махарши, сказав: «Если во время повторения мантры внимание направлено на источник, из которого возникает мантра-звук, ум поглощается им». «Поглощенность» разделенного ума оставляет его целостность нетронутой. Все органы чувств могут выполнять эту функцию, но особенно «слышание» и «видение».

полностью завершено, неразделимо объединено! *Бодхи*, Сваха!» Перевести последнее восклицание совершенно невозможно.

II. В технических терминах — I

Позвольте мне разобрать элементы сутры в технических терминах: это может прояснить и подтвердить предложенный выше вариант перевода.

«Сутра Сердца» содержит следующие утверждения во всех переводах:

1. Пять *скандх* есть пустота[29].
2. Каждая из них есть пустота, и пустота есть каждая из них.
3. Ни одна неотделима от пустоты, и пустота неотделима ни от одной из них.
4. Чем бы они ни были, пустота есть это, чем бы ни была пустота, они есть это.
5. Пустота всех вещей несотворена и неразрушима.
6. В пустоте ни одна из пяти *скандх* не существует.
7. В пустоте не существует ничто (косвенно *созданное* ими).
8. Таково видение (или понимание) *бодхисаттвы*, это также то, что сотворило всех Будд, это есть *праджняпарамита*.

Замечание: В некоторых переводах пункт 5 звучит так: все есть пустота, ни одна вещь не имеет характеристик (атрибутов). Приведенный выше китайский перевод подтвержден Комментарием просветленного наставника Ханьшаня.

29 *Скандхи* также являются функциональным аспектом чистого *праджнического* необъектного ума.

Технически это означает:

1. Пять функциональных феноменов (проявлений) есть ноумен (их источник).
2. Каждое функциональное проявление является собственным источником; источник есть каждое функциональное проявление[30].
3. Каждое функциональное проявление неотделимо от своего источника; источник неотделим от каждого функционального проявления.
4. Чем бы ни было каждое функциональное проявление, его источник есть это; чем бы ни был источник, каждое функциональное проявление есть это.
5. Ноумен (источник) не затронут творением и разрушением.
6. В своем источнике ни одно функциональное проявление не существует как проявление.
7. В источнике проявления не существует никаких проявлений (косвенно созданных пятью функциональными проявлениями).
8. Таково видение (или понимание) бодхисаттвы, это также то, что сотворило всех Будд, это есть *праджняпарамита*.

В такой передаче разве оно не становится очевидным?

30 Привычный термин «проявление» был употреблен для обозначения феномена, а «источник» — для ноумена.

ФЕНОМЕНЫ
ЕСТЬ
НЕ ЧТО ИНОЕ
КАК НОУМЕН
А НОУМЕН
ЕСТЬ
ОТСУТСТВИЕ
НЕ-ФЕНОМЕНАЛЬНОСТИ

III. Суть Сутры Сердца — I

Один китайский наставник сказал мне: «Все сутры направлены на то, чтобы научить людей „опустошиться“... Вы не сможете понять, как „опустошиться“, если вы не поняли „Сутру Сердца“».

«Опустошиться» — это китайский способ сказать: «Видеть необъективно, что все вещи, — как объекты, так и субъект, — не имеют абсолютно никакой собственной природы», или «Избавить «видение» от субъекта и объектов, чтобы ум оставался в своей непреходящей чистоте».

Позвольте сформулировать это иначе:

Вопрос не в том, чем *вещи* являются или не являются, как обычно понимается суть этой сутры, а в том, как *вещи* воспринимаются бодхисаттвой (который видит так, как и должен видеть).

Цель этой сутры, как становится очевидно из анализа, побудить людей *видеть* правильно, а не спорить о видимых объектах.

Видение и только видение имеет значение: пустота или не-пустота самих объектов второстепенна,

поскольку она в любом случае зависит исключительно от видения их.

До сих пор интерпретации «Сутры Сердца» были озабочены почти исключительно тем, чем объекты являются или не являются, но очевидно, что цель сутры не в этом и что такой подход только затуманивает ее истинный смысл. Причина такого непонимания лежит в имеющихся версиях текста, выраженных в терминах объективности, где используются существительные вместо глагольных частей речи — то ли намеренно, то ли по недосмотру переводчиков[31].

Вкратце: основная мысль «Сутры Сердца» — не природа объектов как таковых, а видение их — то есть то, чем они являются, и единственная природа, которой они обладают.

IV. Суть «Сутры Сердца» — II

По-видимому, мало кто осознает, что кажущееся намеренным противоречие между первым и вторым абзацами «Сутры Сердца» на самом деле никакое не противоречие. Объективные противоречия невозможно разрешить в объективности, поскольку никакие две концепции не могут быть одновременными, раз они растянуты во времени. Они не объединятся и за миллион *кальп*, и никакие психические или духовные гимнастики, интуитивные прозрения или что бы то ни было еще не смогут примирить их в виде феноменов. Интуитивное прозрение может лишь раскрыть очевидное — что в не-объективности нет никаких противоречий.

31 Например, «восприятие» вместо «воспринимание».

Форма и пустота (формы) никогда не смогут быть одним как объекты, но воспринимание формы и пустоты действительно может быть тем же самым, поскольку это само воспринимание, а не то, что кажется воспринятым, которое есть то же самое, и это воспринимание подлинно, в то время как воспринятое — лишь видимость, одно — ноумен, другое — феномены.

Все объекты есть их воспринимание, а их воспринимание — это то, что они есть.

Отсюда следует, что воспринимание объектов не отделено от них, и сами объекты не отделены от воспринимания их.

Потому никакие объекты не существуют как объекты, будь то как феномены или в ноумене.

«Сутра Сердца» преподносит это как видение бодхисаттвы, и такова суть учения сутры.

Все ли нам понятно? Называемое «пустотой» — не объект, а функционирование. Оно пусто, поскольку видение не может увидеть видение.

Проявление (форма) — не объект, *а функционирование*. Оно проявляется как объективирование.

Таким образом, «опустошить» — значит воспринимать необъективно, это пустотное видение: ничто, видимое как таковое не-видящим как таковым.

Учения — это также пути видения, а не видимых вещей, это не описания абсолютных истин, поскольку таковые вообще не могут существовать.

Все есть просто видение: нет *чего-то* видимого.
И нет иного видящего, кроме видения видимого.

V. Суть «Сутры Сердца» — III

Пустотность Себя и Другого

«Сутра Сердца» — это одновременно и описание и демонстрация видения бодхисаттвы Бодхисаттвой Авалокитешварой, данное им по просьбе Будды.

Если бы видение бодхисаттвы воспринимало объект как таковой (как существующий объективно), у этого объекта был бы субъект, то есть тогда у видения бодхисаттвы был бы и объект, и субъект, и бодхисаттва с таким видением уже не был бы «бодхисаттвой».

Поэтому в видении бодхисаттвы не может быть ни субъекта, ни объекта, ни видящего, ни видимого, а лишь само видение, просто видение, которое есть не-видение — поскольку бодхисаттва не отделен от того, что он видит.

Отсюда следует, что видение формы, которая есть объект, есть видение пустоты, поскольку проявленное есть пустота, а пустотность здесь всегда подразумевает пустотность всего объективного, и именно этим и является бодхисаттва. Отсюда также следует, что видение пустотности — это видение формы или проявления, поскольку пустотность, которая есть отсутствие чего-либо видимого, когда смотрение смотрит на смотрение, не существует как таковое, а лишь как видимость (феноменальность), когда объективируется как форма или проявление. Видение формы неотделимо от видения пустоты, и наоборот; чем бы ни было видение формы, то же есть видение пустоты, и наоборот.

Теперь становится очевидным, что чувственное восприятие, функциональные совокупности (*сканд-*

хи) и догмы (элементы доктрин) не могут иметь объективного существования в пустотности. Они также не являются ни субъектами, ни объектами, ни функцией, ни результатом этой функции, но лишь самим функционированием.

И, наконец, само «функционирование» есть пустота, и *пустотность есть «функционирование»*. Таково видение бодхисаттвы, которое есть суть «Сутры Сердца».

Это также можно выразить более техническим языком, говоря, что объекты являются собственным субъектом, а субъект как таковой есть каждый из его объектов — поскольку ни один из них не может по отдельности быть тем, что они есть совместно, и учитывая, что в субъекте ни один объект не может существовать как таковой, и ни объект, ни субъект не могут существовать объективно.

Такое бодхисаттвическое видение одинаково для всех чувствующих существ: мы должны сознавать именно таким образом, что есть сознавание как таковое в *тотальном отсутствии объективного сознающего и любого сознаваемого объекта*. Действуя так, мы не существуем, и это то, что мы есть.

Пустотность себя и другого — это ли то, чем является ум? Увы, нет: пустотность себя, другого, а также ума — таков ответ.

Замечание:

Отсутствие объекта влечет за собой отсутствие его субъекта, но «пустота» объекта оставляет субъект этого объекта незатронутым. Следовательно, «опустошение» объекта бесполезно, поскольку необходимо именно отсутствие субъекта. Именно *сам ум* должен быть «опустошен» как от объекта, так и от субъекта. Тогда не останется и «ума».

VI. Суть «Сутры Сердца» — IV

Воспринимание — I

Восприятие Бодхисаттвы прямо и непосредственно, то есть предшествует вмешательству интерпретации со стороны того, что известно как шестое и седьмое сознания: шестое «чувство» (*мано-виджняна*), которое координирует остальные пять, и интеллектуальное сознание (*манас*). Поскольку эти «сознания» — классификаторы, лабораторный аппарат, изобретенный в Древней Индии для аналитических целей, нам требуется ссылаться на них и использовать их именно в таком ключе, а не как нечто объективно существующее.

Восприятие бодхисаттвы предшествует интерпретации со стороны вообще каких-либо способностей, поэтому, будучи воспринятыми, объекты еще не являются объектами: будучи истолкованными как это или то, они все еще пусты (лишены черты объективности). Говоря кратко, они не отделены от пустоты, не превращены концептуализацией в «другие» как внешние феномены. Даже если нормальный процесс объективизации должен быть завершен, чтобы бодхисаттва сознавал объект в его совокупности логических умозаключений, он также воспринимает его как то, чем он был, есть и будет всегда, что, будучи безвременным и непротяженным в пространстве, зовется «пустотой». Это функционирование называется «праджня» и указывает на нашу необъективную «природу».

Замечание: Это разделение «ума» на воспринимающего и воспринимаемое вызывает к видимому существованию объекты и их субъект в созданных представлениями

пространстве и длительности. Неразделенный «ум» называется (объективно) «пустотой», а его разделенное и облеченное во внешнюю форму состояние сродни природе фантазии, лишенной каких-либо качеств, не относящихся к царству мысли. Он обоснован только в воссоединении двойственности, то есть видимые объекты есть их собственный субъект, а субъект есть его видимые объекты, где видимое существование последних обусловлено расщеплением на «воспринимаемое» и «воспринимающего». Бодхисаттва имеет отношение лишь к чистому переживанию, поскольку он представляет «ум» до его разделения и облечения во внешнюю форму.

Воспринимание — II

Воспринимаемые объекты — это облечение во внешнюю форму воспринимающего субъекта, где субъект сам объективирован, причем объективный аспект субъекта в качестве субъекта есть субъективный аспект объекта.

Они никоим образом не отличаются друг от друга — чем является один, тем и второй, они не «одно», создающее множественность, и не множественность, возникающая из «одного».

Субъект — не «что-то» как субъект, иначе субъект был бы объектом. Не будучи «чем-то», субъект не может иметь никаких свойств: субъект может иметь форму, цвет, очертания, размер или пространственные характеристики только *как объект*, и только как субъект может объект знать отсутствие подобных свойств.

Составить концепцию из субъекта и объекта как двух частей целого — значит придумать два объекта! Все, отличное от того, что ты есть (и что я есть), — неизбежно объект. Поэтому субъектом всегда должно

быть Я, и Я должно быть всем, что для меня является объектом, так чтобы каждый из моих объектов был тем, что Я есть.

Что это за «то-что-Я-есть»? Это великая и обманчивая тайна, которую нам так трудно постичь именно потому, что мы автоматически отождествляем субъект с объектом, который другие называют «нашим» личным именем. Если бы мы могли по-настоящему осознать, что субъект также и всегда является объектом, а объект также и всегда — субъектом, мы бы смогли глубоко понять, что ни тот ни другой не могут существовать независимо друг от друга. Это снова представляет собой видение бодхисаттвы, в котором нет ни видящего, ни чего-либо видимого, а лишь функционирование, производящее различные эффекты в том, что мы знаем как сознание. И это, несомненно, свобода, поскольку любая связанность — это ограничение, являющееся следствием отождествления с мнимым объектом, который не может существовать как таковой. Нет никакой иной свободы. Это освобождение от всего, что не есть радость.

Все, что мы есть, — это то *целое*, которое проявляется через «функционирование». Это функционирование расщепляет воспринимание на мнимого воспринимающего и мнимое воспринимаемое — два разделения, растянутые во времени, воспринимающую и воспринимаемую части в сознании, в котором все феноменальное проявление имеет место, пока эти две части удерживаются будто бы порознь действующей концепцией времени.

Видение бодхисаттвы — это чистое «Я-смотрение», но оно — Целое и не имеет никаких объективных качеств или аспектов.

VII. Суть «Сутры Сердца» — V

Абсурдность ничтойности

Чжу Даоцянь (называемый Фашэнем, 286–374), один из группы монахов, изучавших и проповедовавших «Изначальное Небытие», говорил: «Что есть небытие? Пустота без формы, из которой, однако, порождаются мириады вещей. Хотя существующее плодовито, сила порождать все вещи — у несуществующего».

При ближайшем рассмотрении обнаружится, что «несуществующее», «пустота», «небытие» и т. д., о которых столько писалось и втолковывалось до и после Фашэня, фактически представляет собой не что иное, как философскую попытку объективировать субъективность.

Пока это не будет понятно, останется соблазн пытаться помыслить их объективно либо как «немыслимое» аннулирование и ничто, либо как равно «немыслимый» мистический источник и ключ всех вещей — альтернатива, которая кажется противоречащей, но на самом деле таковой не является.

Однако пытаться помыслить их как объекты — значит просто смотреть в неверном направлении, так как пока привычный механизм попыток объективировать каждое восприятие, превращать все воспринимаемое в объективную концепцию, не отброшен или не отложен в том смысле, который имеется в виду здесь, сущностное понимание не сможет развиться.

Мы можем непосредственно видеть, что эти такие привычные «пустоты», описываемые как «несуществование, вакуум, небытие и т. п.», — вовсе не объекты и не могут быть чем-то как объекты, поскольку они есть то, что есть их воспринимающий, и нельзя

увидеть, что они существуют, есть, не существуют, или не есть, поскольку их вообще невозможно увидеть.

На самом деле тут воспринимающий подошел к той точке в своем исследовании, когда он смотрит на то, что есть он сам. Он зашел в тупик в своем анализе и оказался лицом к лицу со своей собственной природой. Но вместо того чтобы признать ее как таковую и осознать, что его пустота — это то, что видит глаз, когда смотрит сам на себя, он продолжает пытаться объективировать то, что не видит и никогда не сможет увидеть, превращая это в объективную концепцию, подобно благовоспитанному и хорошо обученному философу, каковым он обычно и является.

Кажется вероятным, что некоторым это хорошо известно, но, если и так, они по-прежнему упорствуют в убеждении, что нет никакой альтернативы процессу объективизации, которым они и их читатели были обусловлены с младенчества.

Но есть, и всегда была, альтернатива, когда достигнут тупик, *Абсолютный Предел* концептуализации: просто обернуться назад и пробудиться к истине. Добравшись до врат, они пытаются взломать их, не осознавая, что они уже находятся с правильной стороны.

Как концепции, эти понятия «небытия», «пустоты», «несуществования» и т. д. тщетны, бесполезны и воистину «пусты»: они лишь указывают на то, что конец пути достигнут и что путешественнику остается лишь обернуться назад, чтобы обнаружить, что он уже прибыл в место назначения — домой.

Тогда видно, что искомое есть искатель.

VIII. Видение бодхисаттвы

Тревожащее различие между Ничтойностью и Абсолютом, между «пустотой аннулирования» и «Пустотой Праджни» имеет силу лишь в концептуальной (двойственной) мысли субъект-объект. Они — пара противоположностей, взаимозависимых взаимодополняющих частей, подобно любой такой паре, как, например, вакуум и наполненность, пустота и полнота, небытие и бытие, непроявленное и проявленное. Игра такими понятиями на *сансарном* уровне разделенного ума создает прискорбную путаницу, затуманивающую осмысление видения бодхисаттвы, то есть истинное видение.

Они представляют собой извилистую тропу устранения объектов одного за другим, чтобы удалить субъект каждого из них, вместо прямого пути Высшей Колесницы (*шрестха-яна*), Колесницы Единого (*эка-яна*), Колесницы Будды (*будда-яна*), которая произрастает из самого источника и уничтожает объекты через неопосредованное уничтожение их субъекта.

Рассматриваемые феноменально, эти противоположности всегда должны быть отдельными и растянутыми во времени, поскольку никакие две концепции не могут быть помыслены одновременно, и психологические попытки достичь этого мистического единения — всего лишь бред воображения.

Но в прямом видении бодхисаттвы, доступном каждому чувствующему существу, между ними не может быть различия. Несуществование объектов, объективная ничтойность, абсолютное отсутствие формы, какой бы то ни было «вещи», воспринима-

емой чувственно или интеллектуально, тотальная пустотность и объектное аннулирование — тождественны Абсолюту, Ноумену, источнику и началу всего проявления, поскольку в чистом Воспринимании не может быть никакой видимой «вещи», раз нет и никакой «вещи» (объекта), которая видит.

Видение, будучи абсолютной таковостью, этостью, есть-ностью, здесь-ностью, теперь-ностью, нерастянутое в пространстве и длительности, не может знать разницу между двумя концепциями разделенного ума, различающего два противоречащих друг другу умозаключения, таких как проявленное и его источник (называемый непроявленным), бытие и небытие, форма и бесформенность, полнота и пустота.

Такие концепции — просто игра словами, вербальные фокусы, терминологические мистификации, и в действительности, как вы можете наблюдать, в большинстве примеров любой из этих терминов можно употребить в любой из этих концепций, согласно любому понятию, к которому вам захочется приложить концепции «реального» и «нереального». Например, «бытие» феноменально, а «небытие» ноуменально, или наоборот? Что вы называете «пустотой», а что «полнотой»? Объекты «пустотны» или «пустотность» — это субъект? Или каждый является обоими?

Нет никакой разницы, потому что каждый может быть обоими, можно видеть каждый из них и одним и другим, и оба они — концепции, и ни того ни другого нет в видении бодхисаттвы, поскольку разница между ними — это лишь концептуальное заключение разделенного ума, функционирующего как субъект и объект.

Пустота, подразумевающая ничтойность, и пустота, подразумевающая источник всех феноменов, не различны, потому что каждая суть видение тотального концептуального отсутствия, которое есть единственное присутствие.

IX. Вездесущность

Все, чем мы являемся ноуменально, есть божественный ноумен.

Все, чем мы можем быть феноменально, также есть божественный ноумен.

Чем бы ни был божественный ноумен (или ноуменальная божественность), ноуменально мы есть это.

Чем бы ни был божественный ноумен (или ноуменальная божественность), феноменально мы есть это.

Это так, потому что не существует никакой «вещи», отличной от объективного феномена, который всегда есть просто видимость, или проявление, ноуменальной божественности.

Ноуменальная божественность — это всякая объективная видимость, и все, что не является объективной видимостью, есть не что иное, как ноуменальная божественность.

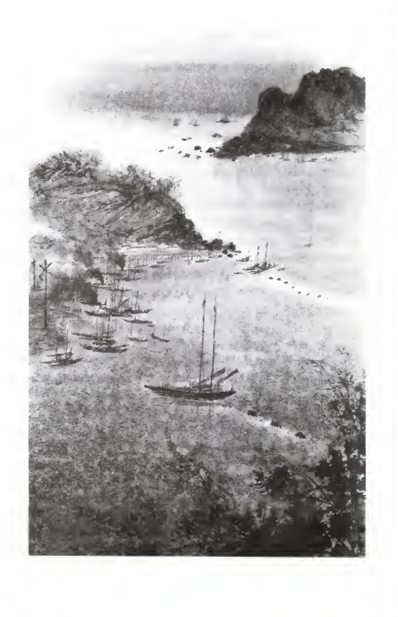
Не существует отдельных частей ноуменальной божественности, поскольку ноуменальная божественность — это необъективность, которая, будучи субъективным источником концептуализации, не может быть ее объектом.

Поэтому ноуменальная божественность не ограничена концептуальными рамками, такими как пространство-время.

Без пространства и времени не может быть ни одного (целого), ни частей.

Может быть лишь *вездесущность*.

Замечание: Разве это не объясняет «Сутру Сердца», поведанную бодхисаттвой и рассказывающую о видении бодхисаттвы? И разве «Сутра Сердца» не содержит в себе объяснение всего, что должно быть понято?

Часть четвертая

Нет ни творения, ни разрушения,
Ни судьбы, ни свободы воли,
Ни пути, ни достижения.
Это окончательная истина.

Шри Рамана Махарши

Так было до того, как он это сказал, так есть сейчас, и так будет всегда, потому что времени нет.

43. Разоблачение двойственности

Концепция противоположностей — следствие концепции времени: это результат феноменального расширения событий в контексте длительности, как, например, до и после, быстро и медленно, рано и поздно.

Это также следствие концепции пространства: результат феноменального расширения в нем, как, например, лево и право, верх и низ, длинное и короткое.

Из концепции пространства-времени возникают взаимозависимые противоположности, такие как субъект и объект, утверждение и отрицание, инь и ян, меняющиеся во времени и разделенные в пространстве.

Ни один из элементов любой пары противоположностей или дополнений не имеет какого бы то ни было существования, кроме концептуального, и их анализ возвращает их к источнику.

При наложении элементы каждой пары концепций устраняют друг друга, и результат феноменально пуст, а ноуменально — это небытие, или непроявленность, то есть тотальное отсутствие феномена и тотальное присутствие ноумена.

Таково разоблачение двойственности.

Замечание: Важно помнить, что иногда отрицание — например, небытие — используется не как противоположность утверждения, а чтобы указать на равнодействующую взаимного отрицания обоих — ни одно, ни другое, — также называемое двойным отрицанием. В этом случае оно означает ноуменальность.

Это и есть глубинный смысл «Алмазной сутры» и «Сутры Сердца», «Познания ума» Падмасамбхавы, ядро доктрины Хуйнэна и Шэньхуя, а также краткая суть самой Великой Колесницы. Нам требуется «понимание», не только чтобы вплести его в имеющуюся объективную структуру, но чтобы стать им субъективно. Это субъективное присвоение включает смещение центра, немедленным результатом которого становится видение бодхисаттвы, или праджнявидение, чьей основной характеристикой является прекращение автоматической толковательной объективизации и замещение ее прямой ненамеренной апперцепцией.

44. Тени

То, что называется «отождествлением», есть результат обусловленности, когда тень принимается за то, что ее отбрасывает, за источник тени, то есть за все, чем они оба являются — вместе или в видимой разделенности в пространственном измерении.

Наверное, можно даже сказать, что не только тень принимается за то, что ее отбрасывает, но и что отбрасывающее ее — если вообще осознается — принимается за тень.

Но тень не наделена собственной жизнью, у нее нет своей природы, характера, отличительной черты. Все, что она собой представляет, лежит в ее источнике, чьим феноменальным отражением она и является, — искаженным, неполным, ограниченным двумя измерениями, безостановочно меняющимся и совершенно лишенным сущности, — абстракция, «видимость», иллюзорно отделенная от своего источника.

Однако все действия тени, любое ее воспринимаемое проявление не совершается источником, а есть объективированное отображение некоего движения этого источника.

Подобным же образом чувствующие феномены лишены сущностного измерения их источника, это лишь видимости, иллюзорно отделенные от своей основы — то есть ноумена, которым они и являются.

45. Видение, видение, видение...

— Зачем смотреть наружу? Там можно увидеть лишь объекты! Обернись и посмотри внутрь.
— Тогда я увижу субъекта?
— В этом случае ты смотрел бы на объект. Объект таков, в каком направлении на него ни смотри.
— Я не увижу себя?
— Нельзя увидеть то, чего нет!
— Тогда что я увижу?
— Возможно, ты увидишь отсутствие себя, которое и есть то, что смотрит. Оно было названо «пустотой».

Бумеранг

Каждый раз, видя объект, ты созерцаешь
субъект этого объекта в его объективном
проявлении.
Каждый объект — зеркало, отражающее
смотрящего.

46. Иллюзия просветления

Если у тебя есть базовое понимание, что первичная природа Будды — это природа всех чувствующих существ, тогда ты поймешь, что всякий, кто полагает, что некое действие может привести к «просветлению», поворачивается к истине спиной: он думает, что есть «он», который может «просветлеть», в то время как «просветление» — это название состояния, в котором вообще нет обособленного индивида и которое присуще вообще всем чувствующим существам, это название того, чем они являются, но что недоступно пониманию тех, кто считает себя обособленными индивидами.

Вот почему только действие не-деяния, практика не-практики, немотивированное ненамеренное функционирование может привести к этому пониманию или пробуждению, и почему любое деяние, практика или намеренная стратегия — непреодолимый барьер к такому пробуждению.

Ошибка зависит от глубоко укоренившейся ложной веры в само существование индивидуального существа.

Это становится более очевидным, если сказать, что ни один *феномен* не может стать просветленным, поскольку просветление нефеноменально: это ноумен.

Нефеноменальное в чувствующем существе, описанное выше как «первичная природа Будды», не нуждается ни в каком «просветлении», поскольку это оно и есть.

Замечание: «Действие», требующее «усилия», подразумевает «намерение», которое есть волеизъявление — то есть функциональный аспект «я»-концепции. Нетрудно осознать, что такое «действие» не может привести к пробуждению от отождествления с «я»-концепцией!

«Пробуждение» — это пробуждение к неизменному просветленному состоянию.

«Немотивированное ненамеренное функционирование», упомянутое во втором абзаце, как постоянный способ «проживаемости», есть скорее результат пробуждения, а не ведущий к нему «метод» или «практика». Это также сам Путь, способ жизни в контексте Дао.

47. Говоря грамматически

С практической точки зрения одна из главных помех к пониманию послания наставников лежит просто в частях речи, используемых для передачи их учения. Говоря кратко, существительные используются там, где значение можно передать только глаголами.

Нельзя во всем винить современных переводчиков, хотя по большому счету ошибки возникают из-за недостатка понимания всех промежуточных звеньев. Будда говорил на магхади, а его учение было записано много лет спустя на пали и санскрите. Очень немногие из наших авторитетов оставили письменные источники, и то, что после них осталось, прошло через множество рук, прежде чем попало к нам. Индийская махаяна вышла из Индии много веков назад, но до нас дошла после развития

и практики в Китае, а в китайском письме части речи практически отсутствуют. И вдобавок современные языки, особенно французский с его картезианской традицией, глубоко укоренены в объективных формах, поэтому бывает трудно, а иногда невозможно, выразить мысль кроме как в чисто объективной манере. Но суть послания наставников заключается именно в том, что объективируемое не является истиной как таковое, и то, что мы есть, можно понять, только перестав «осознавать» таким образом.

Пока существительные используются для выражения какого-то учения, это учение будет иметь дело с объектами как таковыми, физическими или ментальными, но суть учения может быть передана только посредством глагольных форм и глаголов, поскольку учение имеет дело с функционированием, а не с чем-либо номинальным, которое функционирует или приводит к функционированию, что является чистым умозаключением. Это относится к каждому аспекту учения. Например, Время и Пространство — это не «вещи»: в образе существительных мы воспринимаем их совершенно неправильно, поскольку они могут быть максимум прилагательными — в зависимости от функционирования, использующего их как концепции. А «скандхи», или чувства, различные концептуализированные виды или степени сознания, являются функционированием и могут быть выражены только глаголами, или, в подчиненном положении, наречиями. Согласно учению, как объекты они не существуют.

И даже в этом случае выражение будет неточным, поскольку очевидно, что любая истина, включая саму истину, не может быть выражена, на нее мож-

но только намекнуть или указать, потому что концептуально никакой истины не существует. Важный факт заключается в том, что использование существительных указывает в прямо противоположном направлении от того, что может стать указателем, и, тем самым, сводит на нет представление учения, делая из него бессмыслицу, а использование глаголов и отглагольных частей речи допускает предположение и указание настолько прямое, насколько это вообще возможно. При использовании существительных непонимание неизбежно, и в лучшем случае читатели убедят себя, что уловили технически невозможное слияние противоречий в терминах, а при использовании глаголов необъектное постижение немедленно становится возможным.

48. Чей ум?

В следующий раз, когда кто-то будет говорить о «его» или «вашем» уме, давайте спросим, кто в принципе может обладать таким предметом! Хуанбо в девятом веке в Китае и Шри Рамана Махарши одиннадцатью столетиями спустя оба ответили одними и тем же словами, каждый на своем языке, посетителю, пользующемуся такими понятиями, — их слова, ироничные и полные юмора, были следующими: «А сколько у тебя умов?»

В пещере Дуньхуан был найден манускрипт некоторых высказываний Бодхидхармы, записанных его учениками. Одно из них звучит так: «Что такое ум Будды?», и ответ Бодхидхармы: «Это твой единственный ум. Когда ты постигаешь его субъективно, он может быть назван Таковостью. Когда ты постигаешь

его неизменность, он может быть назван Дхармакайей. Это не вещь, поэтому он может быть назван Освобождением. Его действие неощутимо, не затронуто объектами, поэтому он может быть назван чистым Дао. Не будучи рожденным, он никогда не умрет, поэтому его можно назвать Нирваной». Это не «твой» ум, конечно же: «ты» — все, чем ты можешь быть, — являешься им.

Кем бы ни был Бодхидхарма — простым монахом шри-ланкийской школы или кем-то еще, где бы он ни жил, если жил вообще, разве приписываемые ему слова не раскрывают саму суть?

Замечание: Мы все непрерывно сталкиваемся с его объективированным отражением в феноменальной жизни, но его необъективная природа — это у-нянь, которая не может быть объективирована как сознание.

49. В технических терминах — II

Кажущаяся загадка

Феномены как феномены не могут быть источником феноменов, и, тем не менее, поскольку они не могут быть чем-либо кроме как собственным ноуменом, в абсолютном смысле они неотделимы от своего источника.

Поэтому как объекты мы можем быть лишь видимостью, но как объекты мы не являемся субъектом нашей видимости. Тем не менее, поскольку как объекты мы не можем быть чем-либо кроме как собственным субъектом, в абсолютном смысле мы неотделимы от своего субъекта.

Этот субъективный ноумен, однако, всегда трансцендентен, лишен объективного существования и потому не может рассматриваться даже как «одно».

Вот почему феноменально, как говорится, «нас нет» — то есть мы лишь видимость, а ноуменально «нас нет» как объектов, поскольку ноуменально мы — субъект и, как таковой, не существуем как объекты.

Поэтому говорят, что мы «ни есть, ни нет», потому что никогда не могло быть никаких «нас», кроме как объективных видимостей, и *то, что мы есть,* — это отсутствие обеих концепций.

Как это становится просто и очевидно, когда выражается в терминах, к которым мы привыкли!

Я есть — но нет никакого «я»

Пока мы верим, что мы — объект, идея «я» всегда будет присутствовать.

Но когда мы осознаем, что то, что мы есть, не может быть объектом, идея «я» неизбежно исчезает.

Потому что идея «я» сама является концептуальным объектом, а ничто объектное не может быть тем, что мы есть.

Определение необъектных отношений

Нет ни объектного себя, ни объектного другого, есть лишь это взаимное отсутствие, которым мы ноуменально являемся.

Там, где нет концепции разделения, не может быть никакой эмоциональности. Нет и отношений, только целостность. И «целостность» сходна с «исцелением»

и «непорочностью»[32], и в ней есть чистая радость неэмоциональности.

50. Говоря еще проще

Всякая воспринимаемая «вещь» — продукт ума.
Как «вещи» мы являемся этим,
И как нечто отличное от «вещей» мы также
являемся этим.
Каждое проявление, таким образом, — продукт
ума.
Чем бы мы ни были в проявленном — это
продукт ума.
Чем бы мы ни были в том, что отлично
от проявленного, — это сам ум.
Поскольку ум проявляется лишь в проявленном,
Сам он — непроявленное.
Это то, что мы есть, когда отличны
от проявленного.
Таким образом, мы, чувствующие существа,
есть сам ум проявляющийся,
И, объективно, ум, проявляющийся как «вещи».
Ноумен, как определяет термин, есть ум.
Феномен, как определяет термин, есть
видимость.
В непроявленном мы ноумен,
В проявленном мы видимость (феномен).
Они не отделены, не более отделены,
чем вещество и его форма.

---

32 В английском — wholeness (целостность), healing (исцеление) и holiness (непорочность, святость). — *Прим. перев.*

Их различие в видимости, которая есть у одного
и отсутствует у другого.
Почему так?
Потому что в проявлении ум разделяется
на наблюдателя и наблюдаемое.
Наблюдаемое — видимость,
Его наблюдатель — противоположность
видимости,
Двойственные аспекты проявляющегося ума.
Знание того, что наблюдаемое не существует
Отдельно от наблюдателя,
Знание того, что наблюдатель не существует
Отдельно от наблюдаемого,
Восстанавливает единство разделенного ума.
Тогда нет другого и, следовательно, не может
быть себя.
Тогда нет себя и, следовательно, не может быть
другого.
Без протяженности в пространстве,
без длительности во времени,
В целостном уме,
Нет существ, чтобы страдать, испытывать боль
или удовольствие,
Ненавидеть или любить.
Исчез вместе с эго бич волеизъявления,
Ум как концепция отсутствует абсолютно,
Чистая ноуменальность, некому ее осознать,
Ничем не сдерживаемые и сияющие — это все,
что мы есть.

51. Конец иллюзии

Воспринимать моток веревки как змею — это иллюзия;
Перестать воспринимать змею — значит воспринимать моток веревки тем, чем он является.
Воспринимать моток веревки как моток веревки — все еще иллюзия.
Перестать воспринимать моток веревки как моток веревки — значит воспринимать предполагаемый моток веревки, чем бы ни был предполагаемый моток веревки.
Чем бы ни был предполагаемый моток веревки, он свободен [пуст] от концепции мотка веревки,
Потому что пустота — это воспринимание самого воспринимания,
Поскольку воспринимающий восприятия змеи и восприятия веревки должен уйти со своими объектами, оставляя лишь воспринимание — то есть то, что есть, или таковость.

Тождественность

Пустота, которая есть ничто (не форма), которое есть ноумен, который есть субъект, который есть я,
И множественность, которая есть видимость (форма), которая есть феномен, который есть объект, который есть другой,

Неотделимы и являются аспектами друг друга,
взаимозависимыми противоположностями.
Обоюдно противоречивы как концепции
разделенного ума, но в их источнике
в целостном уме, предшествующем
концептуальной двойственности,
в отсутствие объективной интерпретации, —
Их тождественность абсолютна.

Мы должны увидеть и понять, что их объективная интерпретация как противоположностей — иллюзия, а их абсолютная тождественность — конец иллюзии, то есть пробуждение от иллюзии[33].

Когда становится ясно, что объект всегда, неизбежно является своим субъектом, — а чем еще он может быть? — что другой всегда должен быть собой, феномен — ноуменом, видимость — бесформенностью (своим необъектным источником), а множественность — пустотой Абсолюта, эта тождественность концептуальных противоположностей становится очевидной.

Вот почему иллюзия и конец иллюзии (иногда называемые Неведением и Просветлением) — одно и то же, и если воспринимаются именно так, значит, воспринимает «просветленный» ум (целостный ум).

Учитывая вышесказанное, воспринимаемое есть воспринимающий, — и точка.

33 Кто «должен понять»? Наша ноуменальность требует понять, наша феноменальность кажется способной видеть и понимать, но только понимание есть, и мы есть оно.

52. Давайте сделаем это

Без разделения на ноумен и феномен, достигается высшее сознание и создается правильное понимание среди чувствующих существ. Это называется методом опоры на феноменальные вещи для прояснения истины.

Фацзан, 643–712, из «Золотого Льва»

Фацзан был основателем школы *хуаянь*, основанной на «Аватамсака-сутре», с философской точки зрения самой развитой формы буддизма и, возможно, завершающей учение школы *вэйши*, основанной знаменитым монахом Сюаньцзаном (596–664), который совершил путешествие в Индию и с которым они вместе работали какое-то время. Обе школы существуют и по сей день. Школу *хуаянь* иногда называют «Школой цветочной гирлянды» (*аватамсака* — гирлянда), называемой в Японии кэгон. Школа *вэйши* называется «Школой чистого сознания» и, философски, «Школой только сознания».

Совет разумен, и источник его безупречен.

Без ноумена нет феномена, и нет ноумена
без феномена.
Без объекта нет субъекта, и нет объекта
без субъекта.
Вне «многих» нет отдельного «одного», и нет
«многих» вне «одного».
Это аспект того же учения, но воистину он
говорит сам за себя.

Когда мы достигаем просветления, иллюзорное становится реальным, и никакой другой реальности не остается.

Фацзан, «Хуаянь хуань юань гуань»
(«Созерцание возвращения
к истоку цветочной гирлянды»)

До Пробуждения «я-и-другие по-разному ощущаются, бытие-и-небытие по-разному воспринимаются»; после Пробуждения «вещи и я одинаково забываются (исчезают), бытие и небытие видятся одним и тем же образом».

Тождественность бытия и небытия, себя и других, ведет к просветлению.

Се Линъюнь,
также известный как Се Юнцзя,
385–433, «Разговоры об Основах»

Здесь Се Юнцзя приводит и обсуждает слова великого Даошэна (360–434), основателя *чань-цзун* в Китае примерно за три поколения до Бодхидхармы. Даошэн с группой монахов, среди которых наиболее известны Сэнчжао (374–414), чья «Книга Чжао» была переведена Вальтером Либенталем[34] и который, как и Даошэн, был учеником Кумарадживы, и Се Юнцзя (385–433), разработали учение, впоследствии получившее известность как чань (в Японии — дзэн).

34 Walter Liebenthal (1886–1982) — немецкий философ, специалист по китайскому буддизму. — *Прим. перев.*

Они придали ему такое совершенство простоты выражения, что никто из последующих наставников не смог с ними в этом сравняться.

Следует отметить, что учение подчеркивает с самого начала, что весь вопрос в *воспринимании — либо* целостным умом пробужденного, либо посредством разделенного ума отождествленного. Это опять есть Видение Бодхисаттвы, выражаемое в чем-то еще. Вещи, факты, объекты, выраженные как существительные, просто не существуют, все является функционированием, и на истину можно указать (насколько это вообще возможно), лишь используя глагольные формы речи для описания того, что обычно переводится нами как существительные, например бессмысленная «мудрость» и множество других вводящих в заблуждение терминов.

> «Здесь мы находим соединение даосских и буддийских концепций. То, что мы называем «воздаянием», рождается в деятельности ума. Наша цель, таким образом, — реагировать на внешние ситуации *без вмешательства ума*, поскольку это позволяет сохранять физическую активность, однако исключает *ментальную деятельность*. Это путь для преодоления цикла перерождений, поскольку тогда наши действия не влекут никакого воздаяния».

Это *спонтанное реагирование без намеренных действий.*

Выше приведен комментарий Фэн Юланя на «Объяснение воздаяния» Хуйюаня (334–416, основателя «Школы Чистой Земли»), содержащего учение утерянного труда Даошэна по этому вопросу. Под «воздаянием» имелось в виду то же, что сейчас называют «кармой».

Даосские вкрапления в китайский буддизм очень ценны. Насколько мне известно, на Западе никогда не было ни человека Дао, раскрывшего это учение на европейском языке, ни переводчика, обладающего полным пониманием, поэтому о так называемом «даосизме» написано больше бреда, чем о любой другой «религии» на земле.

Однако оно абсолютно в своей величайшей простоте и, на мой взгляд, не уступает в сути ни одному из последующих учений. Даосизм можно назвать религией вне религии и основой того, что может быть названо истиной в любом метафизическом учении. Его сохранность в высших сферах буддизма, от которого он неотделим, — по-прежнему самая доступная форма даосизма и самый важный элемент буддизма.

В приведенной выше цитате можно оспорить слово «цель». Лучше было бы сказать: «Наше понимание, таким образом, должно реагировать на внешние ситуации без вмешательства».

Замечание: В двух вышеприведенных цитатах я оставил сбивающее с толку слово «просветление». Поскольку, однако, это безвременная природа всех воспринимающих существ, его нельзя достичь, нельзя привести к нему или добиться его каким-либо иным способом, но переводчики будут использовать этот термин, несмотря на бесконечные напоминания великих наставников о его истинном значении. Фраза в каждом случае должна быть «достичь,

или привести, к Пробуждению», или «пробуждению к просветлению».

Обобщение Фэн Юланем учения чань заслуживает внимания, поскольку его познания всеобъемлющи, он превосходит всех ныне существующих китайских философов и обладает выдающимся метафизическим видением.

Указав, что существуют различные интерпретации понятия «у», переводимого как «небытие», одно из которых подразумевает отсутствие, а другое — сознание, из которого возникает все, он предполагает, что Сэнчжао принял первое значение, а Даошэн — второе, что впоследствии привело к двум течениям, выраженным как «не ум, не Будда» (или «ни ум, ни Будда») и «быть умом, быть Буддой» (или «и ум, и Будда»). Я, однако, указывал, что оба течения одинаковы, и, надеюсь, достаточно объяснил, почему они должны быть одинаковы в видении бодхисаттвы. (стр. 91)

Затем он заканчивает так: «Все чаньцы, однако, независимо от выбранного течения, выделяют пять главных пунктов[35]:

1. Высшая Истина, или Первый Принцип, невыразима.
2. Духовное развитие нельзя развить.

35 Для иллюстрации каждого из этих пяти пунктов он приводит по короткому разделу цитат и комментариев, которые составляют, возможно, самое глубокое и проницательное описание чань, доступное в настоящее время: History of Chinese Philosophy (История китайской философии), том II, стр. 390–406, Принстон, 1953.

3. В последнем прибежище нечего обретать.
4. В буддийском учении нет ничего особенного.
5. В том, чтобы носить воду и колоть дрова, лежит чудо Дао» (т. е. проживание без волеизъявления).

53. Видя проще

Разумеется, неоспоримо, что феномен (видимость, объект) не может совершать действия сам по себе, как независимая сущность. В Китае это проиллюстрировал Чжуан-цзы в истории о свинье, которая умерла, кормя своим молоком поросят: поросята покинули ее, потому что их матери больше не было. В Европе, даже в те времена, то же понимание выражается словом *animus*[36], которое «анимирует» (оживляет) феноменальный аспект чувствующих существ, и это создает основу большинства религиозных верований. Но если на Западе «анимус» рассматривался как нечто личное для каждого феноменального объекта, как его сущность, то на востоке «анимус» называли «сердцем», «умом» или «сознанием», и в буддизме и веданте его рассматривали как безличное и универсальное, «ум Будды», «праджня», «атман» и т. д.

Когда безличный «ум» проявляется, объективируя себя как субъект и объект, он отождествляется с каждым чувствующим объектом, и так возникает концепция «я» в человеческих существах, а феноменальный мир, каким мы его знаем и в каком живем, кажется «реальным». Это, между прочим, единствен-

36 Дух, душа, жизненное начало (лат.). — *Прим. перев.*

ная «реальность» (вещь-ность), которую мы вообще способны знать, и использовать термин «реальное» (вещь)[37] для того, что таковым не является, для чисто субъективного, — издевательство над языком.

В этом процессе персонализации «ума» и принятия его за «я» мы превращаем его, то есть субъект, в объект, хотя «я» на самом деле никак не может им быть, поскольку в «я» нет ничего объективного, по сути оно — непосредственное выражение субъективности. Такая объективизация чистой субъективности, называние ее «мной» или «умом», и есть то, что представляет собой «несвободу». Именно эта концепция, названная «я»-концепцией, или эго, или личностью, и есть то, что нас связывает, от чего мы все страдаем и от чего ищем «освобождения».

Нам должно быть очевидно, как пытались втолковать нам Будда и сотня других пробужденных мудрецов, что мы есть этот «оживляющий», «анимирующий» ум как таковой, то есть ноумен, а не феноменальный объект, который он наделяет способностью ощущать. Это не означает, однако, что феноменальный объект не существует вообще ни в каком виде, но что его существование лишь *кажется*, что и определяет термин «феномен». Таким образом, это только видимость в сознании, объективизация, лишенная собственной природы, полностью зависящая от объективирующего ее ума, который и есть ее единственная природа, — как в случае с существом из сновидения. Именно это так терпеливо объяснял нам Будда в «Алмазной сутре» и многие другие после него.

37 Происходит от латинского rēs (вещь). — *Прим. перев.*

Этот безличный универсальный ум, или сознание, и есть наша истинная природа. Это все, абсолютно все, что мы есть, и он лишен какого бы то ни было «я».

Это довольно легко понять, и все было бы действительно просто, если бы это и была окончательная истина, но это не так по очевидной причине: объективный «ум» может существовать как вещь-в-себе не более, чем «я» или любой другой объект. То, чем он является, однако, полностью лишено каких бы то ни было объективных качеств, и потому его нельзя представить, осмыслить или соотнести с чем-либо, поскольку любой подобный процесс сделает его объектом субъекта, каковым он по определению быть не может. Не может, поскольку этот «ум» — непроявленный источник проявленного, в процессе которого он разделяется на субъект и объект. И прежде этого разделения не может быть никакого субъекта, воспринимающего объект, и никакого объекта, воспринимаемого субъектом. В самом деле, как учили такие мудрецы, как Падмасамбхава, то, что пытается постичь и назвать этот непроявленный источник проявления, и есть этот «целостный ум», то есть «оживляющее» или «праджническое» функционирование, которое само является поиском, так что искомое и есть искатель.

Понять это глубоко — значит пробудиться к тому, что называется «просветлением».

Это разумное представление, таким образом, как и любая доктрина, — просто лишенная действительности концепция, теоретически воображенная структура, символическая диаграмма, придуманная, чтобы помочь нам понять нечто непосредственное,

что невозможно превратить в знание. Тем не менее это абсолютное «нечто», которое не является «чем-то», и есть то, чем является вселенная и мы сами.

Психологическая «я-концепция» не существует сама по себе, не является «чем-то» и никак не может быть причиной «несвободы». Никакой несвободы вообще не может быть, это только идея, понятие. Нет никакого освобождения, поскольку нет «вещи», от которой надо освобождаться. Если видеть всю концептуальную структуру как есть, она не выдержит и рухнет, и вместе с ней вся эта чушь о несвободе и просветлении. Это называется Пробуждением, пробуждением к естественному состоянию каждого чувствующего существа. Шри Рамана Махарши учил именно этому, когда говорил, что «просветление» — это лишь избавление от концепции, что ты не «просветленный». Махарши практически цитировал мудреца династии Тан Хуйхая, известного как Великая Жемчужина, когда тот утверждал, что Освобождение — это освобождение от концепции «освобождения». Он также практически цитировал Хуанбо, о котором вряд ли вообще когда-либо слышал, когда они использовали одни и те же полные юмора слова, отвечая на вопрос кого-то о «его» уме — оба в ответ спросили: «А сколько у тебя умов?»

Сколько было умов у тех двух молодых людей? Конечно, ни одного. Не только не два, но и не один. И сами они не были «умом», поскольку не может быть такой вещи, как «ум», чтобы они могли ею быть. Ни у «них», ни у «ума» никогда не могло *быть* никакого объективного бытия, поскольку никакого подобного бытия никогда не *было* и никогда не *бу-*

дет. Все это, как и любое «то», о котором когда-либо думали, — «то», которое есть самое чистое объективное местоимение, — это суть гигантской фантасмагории объективности. Мы тратим свои жизни на ее возведение и затем отчаянно ищем в ней какую-то «истину», которой там и в помине не было. Вся эта обширная конструкция — просто фантазия, сон, как говорил нам Будда (или тот, кто писал от его имени) в «Алмазной сутре», и истина, которую сон изображает, или искажает, чьим отражением или отклонением является, — это сновидящий источник того, что есть все. Этот источник не имеет имени, потому что имя определяет феномен, но никакого феноменального сновидящего нет, есть лишь функционирование, называемое снов*и*дением. Шри Бхагаван называл это «Я-Я»: если это надо как-то назвать, никакая другая номинальная форма не может подойти ближе и быть более ясным указателем, чем этот термин.

Вся объективизация концептуальна, вся концептуальность есть умозаключение, и любое умозаключение лишено истины, как вакуум лишен воздуха. Более того, истины нет, никогда не было и никогда не будет; нет ни «таковости», ни «есть-ности», никакого другого отрицания или утверждения. Есть только абсолютное отсутствие познаваемого, которое есть абсолютное присутствие немыслимого и непознаваемого, которое одновременно ни есть, ни нет. Как говорят умозаключения, это — безмерное сияющее великолепие, неограниченное понятиями времени и пространства, и абсолютно запредельное тусклому отраженному восприятию преходящего и конечного воображения.

54. Совершенная тождественность

Без санскритских или китайских технических терминов

I

«Позитивное» не позитивно без «негативного», и «негативное» не негативно без «позитивного». Поэтому они могут быть лишь половинками единого целого, двумя концептуальными аспектами единого целого, которое как целое нельзя осмыслить, потому что именно оно пытается осмыслять.

«Бытие» не может *быть* без «небытия», а «небытие» не может *не быть* без «бытия». Таким образом, они могут быть лишь двумя концептуальными аспектами единого целого, которое как таковое не может быть осмыслено и в котором нет ни бытия, ни небытия как объективного существования.

«Видимость» (форма) не может быть видима без «пустоты» (отсутствия видимости), а «пустота» не может быть отсутствием видимости без «видимости». Поэтому они должны быть двумя концептуальными аспектами объективно непостижимого — в таком случае их тождественность абсолютна в необъективности.

«Субъект» не существует концептуально отдельно от «объекта», как и «объект» без «субъекта». Они также двойные вращающиеся аспекты непостижимого, в котором они неизбежно воссоединяются во взаимном отрицании.

Где нет ни позитивного ни негативного, ни бытия ни небытия, ни видимости ни пустоты, ни субъекта ни объекта, там должна быть тождественность.

Но тождественность не может воспринимать саму себя, а она и есть мы. Вот почему только тот, кто не знает, может говорить, а тот, кто знает, говорить не может, — потому что то-что-он-есть не может быть объектом того-что-он-есть и не может быть воспринято или описано.

Позитивное и негативное, бытие и небытие, видимость и пустота, субъект и объект могут быть осознаны нами, потому что, будучи отождествленным с «нами», ум разделен на «осознающий субъект» и «осознаваемый объект». Но когда ум отождествлен с тем, что они есть, мы являемся их тотальным объективным отсутствием, — а это и считается чистым неразделенным умом.

«Пространство» — статичная трехмерная концепция, активным продолжением которой является «время», чье функционирование составляет дальнейшее направление размерности. Пространство не может осознаваться без времени (длительности), а время без пространства (протяженности). Это два концептуальных аспекта непостижимого единого, получившего название «пространство-время», их тождественность абсолютна в неконцептуальности. Без них феномены не могут иметь видимость, и только с пространством-временем, как их ноуменальным источником, можно утверждать, что феномены существуют.

«Феномены» не могут быть таковыми без «ноумена», как и «ноумен» без «феноменов». Таким образом, концептуально они также два аспекта неконцептуальности. Феномены не являются вещами-в-себе (лишены собственной природы), однако они есть все, а ноумен является источником всего, однако

он не есть что-то. Таким образом, оба есть все, и ни один не является чем-то: вечно разделенные как концепции, они всегда неразделимы неосмысленно, неконцептуально, и эта тождественность есть фундаментальное понимание.

Это и есть то, что представляет собой вселенная, насколько ее природу вообще можно передать словами. Вселенная непознаваема, потому что то, что она есть, — это то, что мы есть, а то, что мы есть, — это то, что есть вселенная, то есть тотальное отсутствие в области познания, которое, не будучи познанным, неизбежно превращается в тотальное присутствие.

> Обсуждая вместе ноумен и феномен, достигаешь высшего сознания и создаешь правильное понимание среди чувствующих существ.
>
> *Фацзан, 642–712,*
> *основатель буддийской школы хуаянь,*
> *следующей «Аватамсака-сутре»*

II

Мы не можем использовать ум, чтобы превзойти ум, поэтому ноумен (то есть абстракция ума) представляет собой предел возможности познания.

«Ноумен» есть тотальная потенциальность. Если он функционирует, в этом функционировании он должен быть субъективным и, в силу этого, неизбежно объективным. То есть субъект объективирует себя и кажется самому себе объектом, проявляясь феноменально «внутри» себя. Он смотрит на себя и воспринимает вселенную, которая в таком случае кажется находящейся вне себя, поскольку

объективизация — это процесс кажущегося выведения вовне.

Таким образом, феноменальная вселенная — объективный аспект ноумена.

Этот процесс определяет видимость пространства и длительности, без которых объекты не могут иметь необходимую протяженность, а без такой протяженности не может возникнуть познание.

Следовательно, феномены — не что-то, спроецированное ноуменом, они есть *видимость ноумена*, или ноумен, который представляется объективным и видимым.

Это функционирование и есть то, что представляют собой чувствующие существа, а *та* протяженность в пространстве-времени — это то, что мы называем проявлением. В *той* видимости, как и у всех феноменов, для которых наша видимость является одним из аспектов, у нас нет собственной природы, но в *этом* функционировании (которое есть наша природа) *ноуменальность и феноменальность — одно.*

Вот почему, будучи проявленными таким образом, *мы не являемся таковыми* (феноменально) и вот почему *мы есть* как феноменальная ноуменальность (или ноуменальная феноменальность). Таким образом, в том, что мы есть, нет двойственности, но только видимое независимое функционирование, которое есть проявление непроявленного.

В том, что мы есть, нет никакой сущности, поскольку «сущность» — феноменальная концепция, а всякий феноменальный объект, материальный или концептуальный, лишен природы (не *есть*). Когда независимое функционирование, то есть все, что мы есть в проявленном, больше не функционирует,

то есть когда оно больше не распространяет себя в видимом пространственно-временном континууме, то-что-мы-есть остается полностью интегрированным в ноуменальности.

Ноуменальность как таковую нельзя определить. Нельзя даже сказать *есть* или *не есть* то, что названо «ноуменальностью». Она непознаваема, потому что полностью лишена качества объективности, как «отражаемость», и потому что это именно то, что мы есть, и абсолютно все, что мы есть, будь то непроявленное или видимое проявление.

Пусть последнее слово останется за Хуанбо: «Нет разницы между чувствующими существами и буддами, или между сансарой и нирваной, или между иллюзией и *бодхи*. Когда все формы отброшены, это и есть Будда».

55. Заметки о причинности

Лишь объективное может быть несвободно

Только объективное может зависеть от закона причинности, может быть следствием причины или может испытывать следствие причин.

Причинно-следственный процесс зависит от времени (длительности) и неизбежно феноменален, таким образом, всякий феномен должен зависеть от временной причинности.

Поскольку то, что зависит от причинности, является результатом различных причин, в этот процесс не может вмешаться никакой элемент волеизъявления, так что не может существовать никакой сущности, способной проявлять «свободу воли».

С другой стороны, необъективность не может зависеть от причинности и, поскольку она не феноменальна, не может быть несвободной или вообще испытывать какие-либо переживания.

Более того, необъективное не может быть сущностью (то есть объективной концепцией), поэтому не может быть и никакого проявления волеизъявления и не может быть никакой «воли» — свободной или несвободной.

Волеизъявление (действия «воли»), таким образом, всегда иллюзорно, оно может быть лишь кажущимся вмешательством в работу причинности, никоим образом ничего не меняющим[38].

Таким образом, «цель» и «намерение» со стороны воображаемой сущности могут привести лишь к чувству удовлетворения или разочарования, если соответствуют или противоречат следствию

38 Идея о том, что проявление волеизъявления со стороны феноменального объекта может ввести новую причину в кажущуюся неизменной цепь причин-следствий и новые причины в случае каждого такого проявления, может подразумевать лишь существование объективной сущности, действующей субъективно со «свободой воли».

Теоретически это так же невозможно, как и противно основному учению Будды, так часто повторяемому в «Алмазной Сутре» и других текстах. Однако это кажется неотъемлемой частью учений более ограниченных и популярных форм буддизма.

Очевидно, однако, что речь идет не о таком немыслимом вмешательстве, которое, как считается, создает карму. То, что ошибочно принимается за такое вмешательство, на самом деле является психическим импульсом, превращенным в концепцию «цели» или «намерения», выраженным как волеизъявление, в соответствии с или в противоположность к любому событию, которое должно случиться или не случиться в результате причины-и-следствия. И этот импульс приводит или к удовлетворению, или к разочарованию, которое и лежит в психологической основе идеи «кармы».

причинности, и такое разочарование или удовлетворение может быть только психологическим феноменом.

Это и есть смысл *ю-вэй* и *у-вэй*. Первое предполагает попытку намеренного действия со стороны псевдосущности, каковым самоотождествленные чувствующие существа считают каждое свое действие, за исключением тех, которым они никак не могут приписать свой контроль, как, например, кровообращение или пищеварение.

Второе, *у-вэй*, предполагает любое действие, которое «ими» предпринимается, как результат предшествующих во «времени» причин, при этом любая попытка намеренного вмешательства в такое действие рассматривается как отсутствие какой бы то ни было попытки вмешательства. *Ю-вэй* по традиции обозначает феноменальное, или «ложное» действие, *у-вэй* — нефеноменальное, или «истинное» действие. Например, чувствующие существа едят, потому что питание необходимо как следствие физиологических причин, или засыпают, потому что сон необходим по схожей причине, независимо от того, *желают* они этого или нет. Это *желание* или намерение — психологический феномен, который не может оказывать никакого воздействия, если только не находится в согласии с предшествующими причинами.

Однако можно подвергнуть сомнению то, что понятие причины предполагает предшествование во времени, поскольку нет никакого адекватного основания предполагать, что причины, хотя и зависят от фактора времени, должны предшествовать следствиям. Значит, можно допустить, что следствия могут предшествовать некоторым своим при-

чинам, которые таким образом будут последствиями во «времени» (в будущем) по отношению к моменту, когда происходят вызванные ими события. Хотя это и возможно, это не повлияет на видимую работу причинности[39].

Освобождение от всего того, что объективно, не оставляет объекта, который освобождается или от которого освобождаются. Не остается вообще никакой «вещи», физической или психической. Потому в том, что называется необъективностью, не может быть никакой сущности, и, следовательно, ни волеизъявления, ни причинности, поскольку не может быть никакой вещи, вызванной причинами, и все эти понятия становятся просто феноменальными концепциями.

Чистое освобождение от объективности — это чистое функционирование *праджни*.

56. К Шиле[40]

I

Когда букашка видит, это я смотрю,
Когда соловей поет, это я пою,
Когда лев рычит, это я рычу.

Но когда я ищу себя, я не вижу ничего —
потому что видеть нечего.

39 Что бы ни происходило, это должно соответствовать тому, что случится позже во временной последовательности (в будущем).

40 Sile (Шиле) — ирландский вариант женского имени Sheila (Шила), происходит от латинского Cecilia (Сесилия), что означает «слепая». — *Прим. перев.*

Шиле тоже не может меня увидеть, потому
что когда она пытается меня увидеть,
это я смотрю, и она ничего не может сделать,
поскольку только я могу что-то делать.
Букашка может сказать то же самое,
и *Шиле* тоже, потому что нас не трое,
не двое и не один.

Я — и море, и звезды, и ветер, и дождь,
Я — все, что имеет форму, поскольку форма —
это мое видение всего.
Я — каждый звук, поскольку звук —
мое слышание всего,
Я — все вкусы, каждый запах, все, к чему можно
прикоснуться,
Поскольку то, что воспринимаемо, есть
мое восприятие этого,
И все ощущения мои.
У них нет другого существования,
как нет и у меня — поскольку я есть то,
что они есть, и они есть то, что я есть.
Я есть то, что есть вселенная, и вселенная есть
то, что я есть.
И нет никакого *другого* и даже никакого
одного вообще.

Гате, гате, парагате,
парасамгате,
Бодхи!
Сваха!

II

Хотя такие проявления, как ураганы и торнадо, наводнения и цунами разрушительны по своей природе, может показаться, что о недружелюбных феноменах забыли упомянуть выше. Феноменально разрушительные аспекты чистого функционирования можно представить следующим образом:

Кошка играет с мышкой и ест ее, лев убивает антилопу и пожирает ее,

Охотник стреляет в фазана и съедает его на обед, каннибал готовит миссионера и пирует,

Солдат сбрасывает атомную бомбу и уничтожает десять тысяч живых существ.

С точки зрения злодеев, происходящее с кошкой, львом, охотником, каннибалом и солдатом оценивается как «добро».

С точки зрения жертв, происходящее с мышкой, антилопой, фазаном, миссионером и бомбардируемыми оценивается как «зло».

Для каждого каждое деяние *кажется* его деянием или его переживанием, но никто не может совершать никаких деяний или испытывать какие-то переживания, поскольку никакой феноменальный объект сам по себе не имеет независимого существования. И судей нет.

Только я есть функционирование, проявляемое таким образом, — и все чувствующие существа с полным правом могут повторить эти семь слов.

Между этими видимыми действиями невозможно разделение, потому что действие должно быть предпринято деятелем, а поскольку ноуменально я не сущность, нет и никакой сущности, которая

могла бы совершать действия. Функциональный аспект ноуменальности, будучи лишенным качеств, не имеет отличительного свойства, которое можно было бы приложить к феноменальному проявлению. И ответственность — это психологическая концепция, основанная на воображаемой независимости волеизъявления.

Радость и печаль, удовольствие и боль — эмоциональные феномены, которые, как кажется, ощущаются объектами во всех стадиях сна, например, в ночных кошмарах или в «сновидении в бодрствовании» обычной жизни, а чистое функционирование ноуменальности лишено различий и неуязвимо.

«Глаз видит, но не смотрит», — как указал Чжуанцзы более двадцати столетий назад. «Ты» видишь, но смотрю Я. Кажется, что чувствующие объекты переживают и действуют, но все это функционирование ноуменально. Нет никакого деятеля, нигде и никогда, как говорил Лотосорожденный (Падмасамбхава), и никакого деяния, поскольку как искомое есть искатель искомого, так и содеянное есть деятель деяния, а такового не существует.

Я есть *искание*, которое есть и искомое, и искатель, и я есть *делание*, которое есть и деятель, и деяние.

57. Золотой ключ

Любой, кто когда-либо ощущал чисто концептуальное существование времени или пространства, держал в своем уме ключ к вратам без ворот, за которыми простирается понимание природы проявленного — то есть вселенной по отношению к чувствующим существам.

Вряд ли можно узнать, сколько из них воспользовались этим золотым ключом, но не был ли открыт более прямой путь к этому пониманию?

Чтобы воспринимать, все проявленное зависит от протяженности того, что требуется воспринять — в видимом пространственном измерении, а также продолжительности такой протяженности в измерении времени. Без этих двух неразделимых посредников, называемых «пространством» и «временем», никакое проявление не может возникнуть в восприятии.

Другими словами, чувственно воспринимаемая вселенная полностью подчиняется концепции пространства-времени, чтобы обрести объективное существование.

Но независимое существование пространства-времени как вещи-в-себе, т. е. как объективной реальности, так же немыслимо метафизически, как неприемлемо в философии или физике.

Если считать пространство-время психическим механизмом, созданным с целью сделать восприятие возможным, оно будет рассматриваться как не более чем умозаключение, лишенное какого бы то ни было существования, кроме концептуального.

Признание чисто концептуального существования пространства-времени автоматически требует признания чисто концептуального существования чувственно воспринимаемой вселенной, которая зависит от пространства-времени, и, как результат такого признания, и пространство-время, и вселенная видятся принадлежащими к пустоте объективности, то есть непроявленности.

58. Это и то

ТО (то есть «объективируемое») не может быть свободным.
Это (то есть необъективируемое) не может быть несвободным.
Если я отождествлен с тем, что объективируемо, такое «я» несвободно.
Если я остаюсь неотождествленным с объективируемым, или если я освобождаюсь от такого кажущегося отождествления, я, хотя и вечно свободный, кажусь вновь обретшим свою кажущуюся потерянной свободу.
Я есть *Это*, лишенное объективности как отождествления.
И я не *То*, что кажется отождествленным с объективированным.
Да, это действительно так просто.

Замечание: Упомянутое отождествление чисто концептуально.

То-что-не-есть-я — *не я*, только пока я воспринимается как сущность, в противном случае то, что можно объективировать и что нельзя (феномены и ноумен), идентичны.

Сказанное здесь может быть повторено тобой, кем бы «ты» ни был, но не о «тебе», не о «нем», не о «ней», не о «них» и уж точно не о «нас» (поскольку все это объекты), потому что только я могу истинно сказать это, и любое чувствующее существо может сказать это как «я».

59. Кто?

Как сущность я непознаваем, ни феноменально, ни ноуменально, то есть не существует никакой личностной сущности как «меня» или как «я».

Если «меня» как сущности нет в области познания, то «я» как сущность тоже не существую, поскольку если объекта нет, нет и субъекта.

Фраза «Я есть, но меня нет» — не более чем указующий палец, поскольку нет ни меня-объекта, ни я-субъекта, потому что если бы был один из них, оба были бы объектами.

Я ни есть, ни не есть — это единственное, что можно сказать обо мне. Или, я есть отсутствие того, что не есть я, как и того, что я есть, небытия я, как и бытия я.

Абсолютное отсутствие какого бы то ни было я — это все, что я есть концептуально. Но поскольку отсутствие и присутствие — взаимозависимые противоположности в разделенном уме, ноуменально все, что я есть, — это отсутствие как присутствия, так и отсутствия, то есть отсутствие моего отсутствия как я.

Это вне концепций, то есть это невозможно никоим образом ни понять разумом, ни выразить.

Но это может быть постигнуто несознавательно, реализовано неконцептуально, не в мыслях, которые есть знание, а в не-мысли, или в абсолютной мысли, которая есть не думание, а прежде-думание, то есть спонтанное осознание, не осознающее осознание.

Замечание 1: Во всех формах адвайты — веданте, чань, дзэн, ваджраяне и т.д., самый главный вопрос, относящийся и к практике (хуа-тоу, коан, садхана и т.д.), и к не-

практике (практике не-практики) таков: «Кто я?», независимо от того, кто из чувствующих существ задает его или как он задается.

Не может быть никакого ответа, кроме повторения слова «Кто?», но он может дать не-ответ, который пробудит понимание, почему не может быть никакого ответа.

Замечание 2: Некто непривычный к метафизическому мышлению может попытаться утверждать, что феноменальное (то есть видимое) «я» познаваемо, но такое предположение слишком поверхностно для детального рассмотрения здесь. Даже психологи выделяют, по крайней мере, две сильно отличающиеся предполагаемые личности в каждом из нас, ясно различимые, если продублировать фотографии каждой половины человеческого лица (сделать целое лицо из каждой половины). Но в них не больше «бытия» (не больше внутренней природы я), чем в разнообразных бесчисленных психических импульсах, выражаемых разными и часто противоречивыми способами гласной «я» в каждый день нашей жизни. Термин «я», которым чувствующие существа определяют свой физический облик, — просто речевая условность, которая не имеет никакого отношения к данному высказыванию.

60. Присутствие и отсутствие

Пока мышление происходит как бы со стороны объективной видимости, есть некое «ты», и «оно» думает, что несвободно.

Как только такой мыслительный процесс прекращается, никакого «тебя» больше нет, чтобы думать, что *оно* несвободно.

Никакого «тебя» нет, когда ум «постится».

В постящемся уме не возникает «я»-концепция. И нет концептуальной сущности, чтобы допустить, что она несвободна.

Нет ничего последовательного или постоянного в понятии я. Оно периодически возобновляется, но сколь бы регулярно ни повторялись возвращения, промежутки между ними также регулярны, и его отсутствия так же неизбежны, как присутствия.

Эти отсутствия безвременны, что феноменально проявляется как форма постоянства, а присутствия исключительно временны.

Присутствие в продолжительности согласуется с безвременным отсутствием, но временное отсутствие, будучи отсутствием присутствия, также есть безвременное отсутствие. Вот почему отсутствие отождествления с «я»-концепцией согласуется с ее безвременным отсутствием, поскольку оно есть отсутствие присутствия во времени, и оно вечно в полном смысле пребывания вне сферы пространственно-временного континуума.

Ноуменально, таким образом, его отсутствие постоянно.

Причина, по которой никто не может поверить, что он не существует — как утверждалось ранее, — в том, что нет никакой сущности, чтобы поверить, что она не существует. Другими словами, если бы существовала сущность, утверждающая, что она не существует, эта сущность самим утверждением, что она не существует, демонстрировала бы свое существование.

Поэтому несуществование, иное чем абстрактная и неприменимая концепция, не может утверждаться никакой сущностью. Феноменально же этого вообще нельзя сказать, поскольку это утверждение противоречит самому себе, так как опровергает само себя.

Не-сущность также не может сказать, что «она» не существует, поскольку «она» не имеет сущности, чтобы существовать. Не-сущность не может иметь сущность, говорящую что-либо. Не-сущность не может даже знать, что «она» не существует.

Только отсутствие как сущности, так и не-сущности, обеих концепций, может или существовать или не существовать без сознания существования, но такое тотальное отсутствие не-сущности как сущности не может ни существовать, ни не существовать.

Но это видимое присутствие предполагаемой сущности может быть таковым только по причине его ноуменального отсутствия. Если бы оно не отсутствовало в непроявленном, оно не могло бы присутствовать в проявленном, то есть в видимом, и значит, если бы оно не отсутствовало ноуменально, оно бы не могло присутствовать феноменально. Отрицать видимость как таковую, называть ее ложной, иллюзорной, не-существующей — значит просто играть словами: это психический феномен, ни больше ни меньше, но как любая другая видимость, она концептуальна, неосязаема, snoподобна, полностью лишена какой бы то ни было собственной природы.

Все, что она есть, — это ее ноуменальное отсутствие, и только в нашем ноуменальном отсутствии то-что-мы-есть — это не сущности и не не-сущности, то есть полное отсутствие «бытия».

Если феноменальный «ты» присутствует, его ноуменальное отсутствие также присутствует, а отсутствие как присутствия, так и отсутствия — это все, чем ты являешься.

Замечание: Феноменальное присутствие есть ноуменальное отсутствие, где присутствие — проявление непроявленного. Отрицательное отсутствие и положительное присутствие неразделимы, то есть отрицательное отсутствие — это ноуменальное присутствие, а положительное присутствие — это ноуменальное отсутствие.

В этом примере, когда «я»-концепция феноменально присутствует (в буддийских терминах «возникает ложный ум»), она также ноуменально отсутствует, то есть ее отсутствие присутствует ноуменально.

Ноуменально она может присутствовать только как [ее] феноменальное отсутствие или отсутствовать как [ее] феноменальное присутствие: феноменально она присутствует как ее ноуменальное отсутствие, и когда она отсутствует феноменально, присутствие ее отсутствия ноуменально.

61. Я и другой

Концепция «я» — это также концепция *другого*.

Они неразделимы, поскольку если есть один, требуется и другой, и другой не может существовать без одного.

Все буддисты теоретически принимают «нереальность» «я»-концепции, но, боюсь, это редко случается на практике или в учении. Мы только что рассмотрели причину могущества этой концепции и, возможно, поняли, почему она не может исчезнуть, пока есть «мы», продолжающие думать с точки зрения феноменального объекта.

Но буддисты в целом, кажется, еще более редко отрицают концепцию *другого*, как на словах, так и на деле. Тем не менее эти две концепции неразделимы, и что верно для одной, верно и для другой.

Если буддизм укоренится на Западе, разве мы не должны подчеркнуть абсурдность концепции

другого, поскольку это, несомненно, прямой способ подчеркнуть абсурдность концепции *я*, ведь оба этих отрицания резко противоречат нашему обусловленному непониманию?

Более того, пока остается понятие *другого*, никто никогда не сможет избавиться от понятия *я*, и пока понятие *я* остается центром, из которого он думает, ни одно чувствующее существо не сможет пробудиться к просветленному состоянию, принадлежащему ему по праву.

Замечание: Вы заметили, насколько может ввести в заблуждение последнее предложение? Может показаться, что оно предполагает некое «я», у которого есть «центр», какое-то «чувствующее существо», которое может «пробудиться», и некое просветленное «состояние», которое может ему принадлежать. Когда ум постится, такие понятия, выраженные будто бы феноменальной сущностью, просто не могут возникнуть. Феноменально они могут послужить своей цели, но ноуменально их вообще нет.

62. «Я»-концепция, аналитически

Гласная «я» прикрепляется к каждому импульсу, возникающему в психической структуре, какими бы противоречивыми ни казались эти импульсы. Из этого процесса возникает идея о множественности личностей.

Эти импульсы эмоциональны, поэтому полученное в результате «я» более эмоционально, чем рационально.

Каково происхождение гласной «я»? Каждый «живой» феномен, каждая чувствующая структура должны иметь центр, назовите его «сердцем», как в Китае

(что логично с точки зрения физиологии), или «головой», как в Европе.

Такой центр сам по себе столь же феноменален, как и явление, «сердцем» или «центром» которого он является, но его необходимая функция — организация феномена, который он контролирует, и забота о нем. Такие эмоции, как страх, жадность, любовь, ненависть, возникают ради феномена, для которого они осуществляют защиту и стимулируют выживание и сохранение в пространственно-временном контексте проявленного. Соответственно, гласная «я», представляя «центр», представляет физическое тело, и это представление ответственно за отождествление, приводящее к несвободе.

Этот «центр», таким образом, является феноменальной основой концепции я, или эго, или личности, которая выведена путем умозаключения и не существует как нечто, способное к независимому действию как вещь-в-себе. Из-за того что я-концепция принимает на себя ответственность за эмоции, имеющие физическое происхождение, вся структура кажется независимой сущностью, каковой не является, поскольку полностью «проживается» или «сновидится» ноуменальностью, которая есть все, что есть.

Именно к этому «центру» и каждому импульсу, возникающему в психике, и прикрепляется гласная «я», и именно этому приписывается ответственность за каждую возникшую в сознании мысль и каждое действие мнимого «индивидуума». Именно это называется термином «эго», чье функционирование известно как «волеизъявление». На самом деле, однако, оно просто функционирует в абсолютном неведении того, что ему приписывается.

Это никогда не было я и никогда не будет я, потому что никакая «вещь», никакой объект сознания не может быть я. Как объяснялось выше, не может быть объективного «я», поскольку в таком случае оно стало бы объектом для себя самого и уже не смогло бы быть я. Вот почему «есть-ность» должна быть отсутствием как объекта, так и субъекта, чье слияние во взаимном отсутствии лишено объективного существования.

Я не может быть ничем, *я не может даже быть «я»*, поскольку всякое бытие обусловлено. Я не может быть *отождествлено* с чем-то объективным, и «какое-то я» — это противоречие в терминах. Я не «что-то», даже не есть-ность.

63. Причинность или неопределенность?

«Неопределенность» выполняет ту же функцию, что и «причинность». Они обе — схематические концептуальные структуры, созданные с целью объяснить механизм, посредством которого вселенная проявляется в сопутствующих рамках пространства-времени.

Статистическая вероятность или неумолимые причины-следствия? Ни то ни другое не имеет фактического существования, кроме как в виде изложения предполагаемого «закона», мнимо управляющего кажущимся (феноменальным) миром, простирающимся в протяженности «пространства» и длительности «времени».

В непроявленном не может быть ни вещи, ни ее видимости, только тотальное отсутствие объективируемого. Никакой вещи вообще не может *быть* нигде,

поскольку никогда не *было* никаких вещей, проявленных или непроявленных. Но в проявленном, которое есть объективизация, «вещи» воспринимаются как объекты и кажутся объектами и, таким образом, составляют феноменальную вселенную.

И проявленное, и непроявленное концептуальны, оба ни существуют, ни не существуют — кроме как отсутствие непроявленного.

Поэтому любая «причина» может быть лишь неотъемлемой частью проявленного, зависящей от пространственного и временного измерения. «Причина» концептуальна, она не может существовать как вещь-в-себе, вещи такого рода вообще не могут быть созданы или представлены как таковые во временном потоке проявленной вселенной.

Из этого следует, что чувствующее существо (феномен) не может производить абсолютно никаких действий в объективной вселенной как результат собственного волеизъявления, поскольку его существование мнимо (феноменально) и нет никакой сущности, чтобы действовать. Феномен должен быть полностью обусловлен *причинностью* или *статистической вероятностью*, и нет никакой сущности, чтобы быть свободной или несвободной.

Понятие сущности, выведенное из субъективного отождествления с феноменальным объектом, может вызвать лишь психические условия, предполагающие ограниченность такой иллюзорной сущности концептуальной причинностью.

Таким образом, только события могут подчиняться воздействию концептуальной причинности, но никак не чувствующее существо как *то, что оно есть*, чья видимость полностью несвободна.

Ноуменальность, формирующая феномен, здесь не учитывается, поскольку в ней нет вещи (объекта), чтобы что-то испытывать или страдать при каких бы то ни было обстоятельствах. Если феномен кажется страдающим, это эмоциональная реакция на отождествление. Такое страдание феноменально, а ноуменальность остается незатронутой и неприкосновенной.

Лишь события, то есть следствия причин, могут становиться причинами, но ни причина, ни следствие не могут затронуть нас или дотянуться до того-что-мы-есть.

Поэтому, как обычно, вопрос исчезает, поскольку предпосылки были ложные.

Мы не можем быть затронуты причинностью, но каждое чувствующее существо может провозгласить: «Причинность — это то, что я есть».

Замечание: Нет никакого иного «мы», помимо речевого соглашения.

64. Ария

Модерато[41]

Есть только я, необусловленный, свободный
от качеств или личности.
Любая мысль обо «мне» — мгновенная
несвобода.
У несвободы нет длительности, кроме
настойчивости концепции «меня»,

41 Умеренно — муз. термин (от итальянского moderato — умеренный, выдержанный). — *Прим. перев.*

то есть ее видимая длительность совпадает
с такой концепцией.
Нет никакого «меня», никогда не было,
никогда не будет и никогда не могло бы быть
такой сущности.
Нет никакого «тебя», никогда не было,
никогда не будет и никогда не могло бы быть
такой сущности.
Нет нужды читать книги, повторять сутры,
заучивать писания, проводить странные
ритуалы, — нет ничего, о чем можно было бы
поспорить, что обсудить или объяснить.
Нечему учить и нечему учиться.
Каждое живое (чувствующее) существо знает
это и может осознать это и «жить» этим.
Все остальное называется «связанностью»,
«несвободой», — и это иллюзорная мысль,
концептуально препятствующая чистому
(недвойственному) видению.

Форте[42]

Любой намеренный акт чтения, напевания,
слушания, обсуждения, возражения,
объяснения и т. д. неизбежно усиливает
мысль, создающую «связанность».
Никакое намеренное действие не может
«освободить» от «связанности», поскольку
нет сущности, чтобы быть свободной
или несвободной.

42 Громко — муз. термин (от итальянского forte — сильный, крепкий). — *Прим. перев.*

Возможно лишь осознание того, что уже
известно, и сознательное проживание того,
что уже проживается.
Все остальное — видимость, то есть
феноменальный сон.

Фортиссимо[43]

К черту, к десяти тысячам чертей все эти
фантазии, основанные на концепциях
«себя» и «других» — себя, судящего других,
ведущего бой с тенью в ложном уме,
«меня» и «тебя».
Только я могу говорить, но я не говорю того,
что говорится мной-как-объектом.
Только я могу смотреть, но я не вижу того,
что видится мной-как-объектом.
Я делаю все, но я не делаю того,
что делается «мной».
Я не сущность, не не-сущность, но отсутствие
не-сущности, источник всего деяния,
но не исполнитель действий. Я источник
всех мыслей, но не мыслитель.
И снова: я есть, нет никакого я, кроме я,
но меня нет совсем, нет тебя, нет его, ее,
этого, нас или их.
И любое живое существо — не существо,
потому что все, чем является существо, есть я.
А я не есть.

43 Очень громко — муз. термин (от итальянского fortissimo — сильнейший). — *Прим. перев.*

Сказанное здесь может сказать любое
чувствующее существо, поскольку любое
чувствующее существо есть я.
И больше сказать нечего, вообще нечего —
и это уже слишком много!

65. Псевдопроблемы

I

Вопрос, является ли «Х» свободным или несвободным — «непросветленным» или «просветленным», и вопрос, является ли «Х» определенным или неопределенным — «предопределенным» или имеющим «свободу воли», — одинаковы.

Фактически это вообще не вопросы. Поскольку их предпосылки ложны, ни один вопрос не может возникнуть.

Нет никакого «Х», никакой сущности, к которой могло бы быть применено какое-либо из условий — ни физически, ни метафизически, ни в повседневной жизни, ни в уме.

Психосоматика не способна практиковать свободу какого-либо сорта. Это видимость, подчиняющаяся либо системе видимой причинности, либо системе проявления, зависящей от статистической вероятности, — это просто два способа описания механизма феноменальности.

Ноуменальный аспект феномена «Х» неотделим от ноуменального аспекта любого другого феномена, поскольку это и есть сама ноуменальность, которая, не имея объективного существования, отличного от ее феноменальных проявлений, не может иметь

никакого «бытия», которое могло бы подчиняться каким бы то ни было концептуальным условиям.

Если использовать это как стандартную точку отсчета для всех предполагаемых «проблем», которым, как кажется, подвержены все предполагаемые сущности, — а это почти все проблемы, — то сразу станет ясно, что «проблемы» как таковые не могут существовать.

II Снова

То, что думает, что оно несвободно, или «обусловлено», — это то, что думает, что оно подчинено причинности или неопределенности — то есть одному из режимов причинности.

Феноменально психосоматика не может быть свободной, поскольку нет «сущности», чтобы обрести свободу, как нет и такой вещи, как феноменальная свобода.

Но то, что думает, что оно несвободно или свободно, предопределено или проявляет свободу воли, — отождествлено в мыслях с феноменальным объектом и *кажется* зависящим от тех условий, к которым привязаны эти мысли.

Следовательно, тот, кто думает, что «он» свободен, (имеет свободу воли или «просветлен»), так же «несвободен», как и тот, кто думает, что «он» несвободен («предопределен» или «непросветлен»).

Предполагаемая «проблема» лежит не в присутствии или отсутствии объективных условий свободы или несвободы, определенности или неопределенности, а в присутствии или отсутствии субъекта этих или любых других условий. И такой субъект

есть концепция я, которая кажется присутствующей, но ноуменально отсутствует. К тому, чем является каждое чувствующее существо, чье единственное познаваемое «бытие» — это все феноменальное проявление, концепции свободы, несвободы и вообще никакие другие просто неприложимы.

66. Поиск

Примерно 99,9% заинтересованных, по-видимому, полагают, что сущность должна убедить себя, что на самом деле она — не-сущность.

Оставшиеся 0,1%, по-видимому, полагают, что не-сущность должна убедить их, что она есть то, чем они являются как сущности.

Но и те и другие автоматически полагают, что *есть* некая не-сущность, которая в то же время является сущностью, которой они себя считают.

Феноменально не-сущность не может существовать без сущности, как и сущность без не-сущности, а ноуменально не может существовать ни одна из них, поскольку обе — просто концептуальные объекты.

Все эти 100%, однако, ищут отсутствия не-сущности (как позитивного, так и негативного аспекта сущности), но пока они ищут, будет оставаться сущность (или не-сущность), которая ищет, и они никогда не найдут *отсутствия* того, что *присутствует*.

Это единственная «проблема», и она — всего лишь видимость. Она — видимость именно потому, что те, которые ищут, остаются отождествленностями, а отождествленности не могут найти собственное отсутствие.

Привязанный к себе феномен не может найти ноумен, которым является, как тень не может найти то, что ее отбрасывает. Вот почему любая практика тщетна и любое проявление воли неизбежно уничтожит собственную цель.

Объекту бесполезно искать собственный субъект, поскольку только субъект может искать, а он не может найти себя через поиск, поскольку искомое должно находиться отдельно от искателя, в другом моменте времени и в другом положении в пространстве.

Мнимый искатель, однако, есть то же, что время и пространство, — интеллектуальные концепции, как и искомое. Поиск и нахождение — также лишь концепции.

В тотальном отсутствии всех подобных концепций искать нечего, находить нечего, и нет сущности, чтобы искать и находить.

В прекращении поиска и всех вопросов вопрошающий исчезает, и там, где нечего находить и некому искать, есть «есть-ность».

Вот почему единственно возможная практика — это полное отсутствие практики и отсутствие непрактики, поскольку в полном отсутствии практики нет практикующего, и отождествленности больше нет.

67. Не-потерянный и не-находимый

Вся видимость (феномены) создается психосоматическим аппаратом и зависит от этого аппарата в видимой протяженности и длительности.

Психосоматический аппарат представляет собой механизм.

Чувствующие существа в видимости являются его продуктом, как и вся видимость, но их восприятие — не видимость и не является продуктом этого механизма.

Мы, как восприятие, феноменально есть то, что производит психосоматический механизм, производящий феномены.

Поэтому то-что-мы-есть создает феноменальную вселенную, включая феноменальный аспект, видимостью которого является каждый из нас.

Но, как Будда и другие так часто повторяли, нет никакой познаваемой сущности нигде во всем этом устройстве.

И, таким образом, …

68. Абсолютный символ

Я не имею объективного существования, кроме того, которое воспринимается с помощью чувств, поскольку такое чувственное восприятие — это все, что может подразумевать термин «объективное существование».

Если бы чувственного восприятия не было, не могло бы быть и объективного существования, и наоборот, если бы не было объективного существования, не могло бы существовать и чувственного восприятия.

Чувственное восприятие, таким образом, раскрывается как субъективный аспект всей физической объективности.

Точно так же не могло бы быть ни какой-либо мысли (т. е. любого образа или концепции в сознании), если бы не было воспринимающей способности,

чтобы ее воспринять, ни воспринимающей способности, если бы не было объективных образов или концепций, чтобы быть воспринятыми.

Способность к апперцепции, таким образом, раскрывается как субъективный аспект всей психической объективности.

Следовательно, видимое объективное существование, как физическое, так и психическое, и воспринимающая способность, как органическая, так и ментальная, — это объективно-субъективные аспекты, неразделимые взаимозависимые противоположности всего видимого.

Поэтому я не имею объективного существования, ни соматического, ни психического, кроме как объект субъективной воспринимающей способности, чье существование взаимозависимо от воспринимаемых объектов.

Однако воспринимающая способность как таковая сама является объективной концепцией в сознании и потому существует только во взаимосвязи с субъектом этой концепции.

Такой субъект-объект и все подчиненные ему субъекты-объекты, различающиеся в сознании как один или другой, вращающиеся как волчки, могут найти выход лишь в отрицании обоих аспектов, где это отрицание не будет ни одним из них.

Такое полное отрицание не может быть наделено каким-то именем, поскольку имя определяет мысль, а мысль — это объект, требующий субъекта.

Но даже отрицание требует отрицающего, длительность и положение, в которых отрицание может происходить, — а это «бытие», пространство и время.

Эти видимые функции могут выполняться только тем, что называется «сознанием», — подразумеваемым фоном или средой для всех психических или физических событий.

Но «сознание» — это технический термин, и как таковое тоже чисто концептуально и объективно, как и любой термин, в то время как здесь требуется то, что предполагает полное отсутствие объективного существования.

Только один термин может удовлетворить такому условию, может нести такой смысл — это местоимение «я» в именительном падеже единственного числа.

Таким образом, я как символ, неопределенное и неопределимое, не имеющее качеств, — это единственное, что остается, но только при условии, что символ ни в коем случае не станет объектом мысли.

Тогда я есть тотальность — все, что есть, и все, чего нет, начиная с того, что представляется как сознание, длительность и протяженность, от которых все события зависят в своем видимом существовании.

Но хотя я есть все и всегда, я одновременно не есть и никогда не был.

Замечание: Вся воспринимающая способность, источник «чувств», в своем субъективном или функциональном аспекте (в противоположность концептуальному аспекту), то есть как функционирование, а не объект, является выражением абсолютной субъективности, без которой даже видимость не может появиться. В этом смысле это праджня, представляющая аспект того, что мы есть.

69. Просветление как исчезновение неведения

Концепция «просветления» по отношению к индивидууму — очевидно, абсолютная чушь, поскольку это слово описывает состояние, с которым несовместима никакая сущность. Никакое «я» не может быть «просветленным».

Как указывалось ранее, мнимая сущность может «пробудиться» к этому состоянию, то есть она пробуждается от сна личной обособленности к нормальному состоянию, отмеченному термином «просветление», или «освобождение» от пут иллюзорного отождествления.

Сам термин, однако, выбран плохо, поскольку предполагает кого-то, кто «просветлен», но поскольку феноменальная жизнь основана на понятии сущности, язык неизбежно несет в себе такую нагрузку.

Идея «просветления» предполагает, что его отсутствие — нормальное состояние, хотя на самом деле нормально противоположное. Такое отсутствие — *временное состояние* феномена именно потому, что такое затмение ноуменальности и есть феноменальность, и исчезновение этого затмения — это в то же время исчезновение феноменальности и раскрытие ноуменальной нормы.

Псевдосущность пробуждается от иллюзии обособленности и обретает состояние универсальности, названное словом «просветление», поскольку мнимая сущность осознала свою универсальность и вернулась к полному сознанию тотальности, которой является.

70. Апперцепция

Тождественность противоположностей

Не существует непроявленного отдельно от проявленного.

Но само проявленное и совокупность всех его чувственно воспринимаемых аспектов есть не что иное, как то, что называется «умом» (если использовать этот термин), потому что проявление само по себе — вообще не вещь. И даже не «ум».

Этим я хочу подчеркнуть, что объекты как таковые не состоят из ткани ума — они ни из чего не состоят, поскольку они вообще ни там, ни где-то еще.

Это просто восприятия, объединенные в воспринимании, где восприятие и воспринимание — предполагаемый «ум», которым они считаются.

Тем не менее нет «какого-то ума» или чего-то, его заменяющего (например, «какого-то сознания»). Его существование (лишь концептуальное) — только в проявлении, то есть в виде феноменальных объектов, физических или психических, которые воспринимаются посредством апперцепции.

Объекты видятся только как «ум», а «ум» видится только как объекты. Это значит, «ум» лишь кажется существующим, чтобы сделать проявление воспринимаемым, сопровождая его, как концепции «времени» и «пространства».

«Ума» нет — этот термин означает саму апперцепцию.

Следовательно, «ум», рассматриваемый объективно, — это все, что кажется существующим, то, чем все кажется, но на самом деле его вообще нет. Не может существовать ничего отдельно от феномена

восприятия (в форме апперцепции), а *оно* полностью лишено качества объективности и не может быть описано никоим образом, поскольку в любой такой попытке апперцепция неизбежно становится описываемым, то есть описывателем, описывающим не имеющее объективных качеств для описания.

Отдельно от проявленного, которое проявлено, не может быть непроявленного. Проявленное — единственное непроявленное. Другого непроявленного нет вообще. Делать из него «источник» проявленного, то есть некую вещь-в-себе, так же неправильно, как делать вещь-в-себе из проявленного.

Нет другого отдельно от себя,
Нет небытия отдельно от бытия,
Нет непроявленного отдельно от проявленного,
Не потому что так концептуально обусловлено,
А потому что их взаимное существование есть
Апперцепция.

Замечание 1: Попытка записать внутреннее видение всех объектов как только ум должна ясно раскрыть тождественность непроявленного и проявленного, как небытия и бытия, других и себя, чье равенство, как говорит нам (см. гл. 52) Се Юнцзя (385–433), ведет к пробуждению. Он комментировал слова Даошэна (360–434) — первого, кто разработал в Китае учение чань.

Замечание 2: Если вы не осознали важность этих невыразительных строк, пожалуйста, послушайте еще раз Хуанбо:

«Люди игнорируют реальность „иллюзорного“ мира». (стр. 106)

«Никогда не проводите различие между Абсолютом и воспринимаемым миром». (стр. 130)

«Чем бы ни был Ум, тем же являются и феномены — и тот и другие одинаково реальны (и, конечно, нереальны) и в равной мере являются природой дхармы. Кто интуитивно постигает эту истину, становится Буддой и достигает дхармы». (раздел III)

Конечно, вы должны осознать это сами. Пока вы этого не сделали, это всего лишь идея, на которую направлено ваше внимание. Возможно, теперь вы поверите, насколько она важна?

Апперцепция — это то, что на санскрите называется словом «*праджня*».

71. In Fine[44]

Вся буддийская и ведическая система (адвайта), как и идея «просветления», опирается на несуществование отождествленности — которое есть воссоединение в универсальности.

Я сомневаюсь, что есть что-то еще, что требуется понять, поскольку любой другой элемент учения основан на этом, значит, такое понимание будет окончательным.

Но сделать это невозможно, поскольку это требует отсутствия того, кто это сделает, или *воздержания от делания*.

Здесь нет ни делания, ни воздержания от делания, а лишь отсутствие воздержания от делания — как говорят учителя, «полное отсутствие *какой-либо отождествленности*, чтобы делать или воздерживаться от делания чего бы то ни было».

Это стрела просветленного лучника, поскольку как бы много стрел он ни выпустил, каждая должна расщепить предыдущую, попав в яблочко, где «яблочко» — сам полет стрелы.

44 В конце (главы, страницы) (лат). — *Прим. перев.*

Замечание: Поскольку отождествленность — концепция некоей вещи, которая не может существовать сама по себе, это отсутствие изначально существует как отсутствие, и поскольку оно существует как отсутствие, этого отсутствия нельзя достичь, поскольку оно тут же начнет присутствовать как отсутствие. Это также причина недостижимости «просветления», указываемая великими учителями. Они учили, что любая попытка «делания» отклоняет предполагаемого «деятеля» от того, что он есть. Причина этого теперь также ясна.

Отождествленность «пуста», а «пустота» предполагает «не-есть-ность». Как и любая концепция, которая когда-либо была или когда-либо будет, она не есть и не не-есть, или она есть тотальное отсутствие «не-есть-ности».

Несуществование или отсутствие — также концепции, и они тоже не есть и не не-есть, и их единственное бытие лежит в полном отсутствии несуществования и не-отсутствия.

Так что единственное бытие отождествленности лежит в отсутствии как отождествленности, так и не-отождествленности, или в полном отсутствии не-отождествленности.

Это вечный и единственный ответ на любой вопрос, касающийся концепций — а что ими не является? — и единственно возможное определение Есть-ности.

Колофон[45]

Все, что есть

То, что я есть, — вечно свободное. В том, что я есть, нет ничего, что может быть несвободным.

Несвобода и вытекающее из нее страдание — то есть все страдание — полностью зависит от идеи объективного я, то есть «какого-то меня». Но такого

45 В старинных книгах — текст на последней странице с данными об авторе и издании, в русских книгах аналог — послесловие. От греческого kolophon, завершение. — *Прим. перев.*

противоречия в терминах никогда не существовало, не существует и никогда не будет существовать.

Более того, никакой объект не может существовать вообще. Так как я могу существовать в виде объекта?

Объект, все, что объективировано, — это видимость. Это и есть то, что представляет собой объект, все, чем объект может быть, и все, что был призван описать этот термин.

Быть объектом — значит просто быть воспринимаемым, то есть являться.

Являться кому? Восприниматься чем?

Только я могу воспринимать. Что еще может воспринимать? Что есть, что *могло бы* воспринимать? И что бы я ни воспринимал, должно быть моим объектом.

Мой объект — это объективизация того, что я есть. Чем еще он *мог бы* быть?

Значит, каждый объект является мной. Не может быть ничего, что не является мной. Я — не что иное, как мои объекты, и мои объекты — не что иное, как я.

В чем польза от писания, говорения, лекций о чем-то столь простом и очевидном?

Больше просто нечего говорить, больше ничто не может быть сказано! Никогда не было и никогда не будет.

Нужно ли добавлять очевидное? Каждое чувствующее существо может сказать это.

Замечание: Даже махая хвостом.

杜甫象

Часть пятая
Диалоги эго и альтерэго

Что такое необъектные отношения?

Где есть другие, есть и я,
Где нет других, не может быть и меня,
Где нет меня, нет и других,
Потому что
В отсутствие себя я есть все остальные.

Это необъектные отношения.

72. Диалоги

I. ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ

Возможно ли избавиться от концепции «других», не избавившись при этом от концепции «я»? Или избавиться от концепции «я», не избавившись при этом от концепции «других»?

Невозможно.

С чего следует начинать?

Ни с чего. Отождествленный субъект не может избавиться ни от одной из этих концепций.

Вот так новости! Это плохо... Я думал, именно это от нас и требуется?

Это все равно что требовать убрать луну, вычерпывая ее отражение из лужи!

Что же тогда делать?

Пока отождествленный субъект не узнает, что

он такое, от него нельзя ожидать, что он осознает, чем не является.

Могу я сказать также, что пока он не узнает, чем не является, он не сможет осознать, что он есть?

Можешь. Должен. Обязан.

Кажется, выхода нет!

Поэтому не все мы Будды. Если бы это казалось возможным, разве не сделали бы мы это давным-давно?

Но должен же быть какой-то выход!

Нет никакого «хода» и ничего «вовне». Все здесь и сейчас.

Тогда что это?

Что это — совершенно очевидно.

Не для меня.

Если не можешь обнаружить это поиском — не ищи, если не можешь обнаружить это размышлениями, не думай! Это там, где нет ни поиска, ни мыслей.

Потому что это нельзя увидеть или помыслить?

Вовсе нет.

Тогда почему?

Не потому что это нельзя увидеть или помыслить, а потому что нет «того», кто смотрит или думает!

Тогда что должен делать «тот»?

«Тот» не делает ничего. «Тот» даже не перестает делать.

И что?

Лучше ты мне скажи. Не является ли твой отождествленный субъект всем, что он может знать?

Разумеется, нет.

Не является ли он всем, что он может не знать?

Что-он-есть вряд ли может быть объектом знания.

Может ли он видеть, знать или обнаружить, что он есть или что не есть он?

Не думаю.

Почему?

Может быть, потому что то, что он ищет, пытается узнать и обнаружить, и есть то, что ищет, пытается и смотрит?

Именно. Это и есть ответ.

Но разве это ответ?

Это единственный ответ. Не находя никакой «вещи», он обнаруживает, что он есть то, что он есть, что также является тем, что не есть он.

Значит, то, что не есть он, — это то, что он есть?

Насколько это вообще можно выразить словами.

Но отвечает ли это на мой вопрос?

Ты спросил меня, как избавиться от взаимозависимых концепций «я» и «других». И они взаимно уничтожились.

И что?..

Ни «других», ни «я».

И то-что-я-есть — это также то-что-не-есть-я, а то-что-не-есть-я — это также то-что-я-есть! Никакого места для «себя», никакого места для «другого»! Разве не таково определение Нирваны, или Чистой Земли?

Это также определение Царствия Небесного.

А нет ли исторического подтверждения такого подхода?

Множество. Например, как в случае с Хуйкэ, когда «его» предполагаемый ум был успокоен Бодхидхармой, когда Хуйкэ не смог его обнаружить, — не потому что ума не было, а потому что не было «того», у кого мог бы быть ум. Не ум потерялся, а его самого нельзя найти.

Ум искал ум и не смог найти себя как объект?

И не-нахождение и стало нахождением!

II. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Меня заботит причинность.

Тебя тоже?

Что вы имеете в виду?

Нагарджуну[46] и его друзей она тоже заботила довольно долгое время, пока не родился Вернер Гейзенберг[47] и не подарил им квантовую теорию Планка[48].

Но буддизм придает огромное значение закону причинности.

46 Нагарджуна (II–III вв. н.э.) — выдающийся индийский мыслитель в буддийской традиции, развивший учение о пустоте и опровергавший закон причинности. — *Прим. перев.*

47 Вернер Карл Гейзенберг (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии, один из создателей квантовой механики. — *Прим. перев.*

48 Макс Планк (1858–1947) — немецкий физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии. Положил начало квантовой теории в 1900 году. — *Прим. перев.*

Да, но сам Будда не одобрял физическое и метафизическое теоретизирование, и великие наставники чань никогда так не делали.

Я понимаю, что новый «закон» неопределенности[49], заменяющий причинность, сейчас широко принимается там, где речь идет о микрокосме. Следует ли тот же «закон» применять к макрокосму?

Я не вижу, почему или как это не может быть сделано. Размер так же относителен, как все остальное.

Тогда получается, что значительный и жизненный элемент буддийского учения оказался за бортом?

Я знаю только, что когда речь идет о Великой Колеснице, не остается никаких жизненных элементов учения — все концептуально за бортом уже тысячу лет.

И вас это не шокирует.

На борту или за бортом — какая разница, объясняется ли феноменальность, то есть процесс проявления, «законом», основанным на причинности, или принципом, основанным на понятии статистической вероятности?

49 Принцип квантовой неопределенности Гейзенберга, утверждающий, что невозможно одновременно определить все характеристики объектов микромира, то есть, например, чем точнее известна скорость частицы, тем менее точно можно определить, где она находится, и наоборот. — *Прим. перев.*

Причина-и-следствие кажутся очень очевидными, любой может наблюдать их в действии, и они считались несомненными в течение столетий.

Неопределенность, или статистическая вероятность, также очевидна, когда вы привыкаете к этой концепции, и даже более соответствует метафизическому пониманию, чем неумолимая причинность, наградившая Нагарджуну и Чандракирти[50] головной болью, когда они обнаружили, что она не выдерживает детального анализа.

Значит, вы принимаете принцип неопределенности?

Кто я, по-твоему, такой, чтобы принимать или отвергать «законы», описанные выдающимися физиками?

И все же такая перемена повлекла бы серьезные последствия и, метафизически, была бы сногсшибательна!

Какая разница, какие «законы» придуманы для объяснения механизма проявления? Все эти «законы» — схематические концептуальные структуры, все они выполняют одну и ту же цель, и ни один из них не существует и не не существует вне феноменальности.

50 Чандракирти (VI в. н.э.) — буддийский монах, мастер полемики, последователь Нагарджуны, логически обосновавший отсутствие причинности. — *Прим. перев.*

Значит, это не имеет значения?

Никакая форма объективизации не имеет собственной природы. Видит ли кто-то волны или частицы, циклоны или яйца всмятку на другом конце микроскопа, все это объекты и, что бы он там ни видел, в абсолютном смысле это есть то, что смотрит. А чем еще это может быть? Я думаю, они достигли этого заключения своим способом, поскольку сейчас они знают, что «наблюдатель» — это «фактор» в любом эксперименте.

С абсолютной точки зрения это, несомненно, так, но, тем не менее, механизм феноменального проявления важен в практическом аспекте метафизики.

Прекрасно. Тогда изучи сферу действия неопределенности — ты придешь к выводу, что он замечательно согласуется с метафизическим пониманием.

О каком аспекте такого понимания вы говорите?

Одного пока вполне достаточно, поскольку предмет необъятен! Если в причинности нет места волеизъявлению, значит, ему нет места и в неопределенности! Это продвинет тебя очень далеко — возможно, даже дальше, чем ты можешь сейчас представить.

Даже если этого уже достаточно, дайте мне что-нибудь для поддержки.

Любой фактор достаточен! Поскольку все они взаимозависимы. Однако причины-и-следствия, ограниченные событиями — поскольку нет сущности, к которой их можно было бы приложить, — кажутся, таким образом, лишенными сущностного элемента, и численное — хотя и не качественное — большинство буддистов поддались соблазну подчинить свои иллюзорные «я» причинности, что превратило слова их Учителя в нонсенс. Неопределенность, с другой стороны, устраняет подобную нестыковку.

Поскольку существование любой сущности вряд ли может подчиняться статистической вероятности!

Именно так: это выбивает почву из-под ног тех, кто склоняется продолжать верить в такие концепции. Когда волеизъявление, которое также предполагает сущность, и причинность, также теряющая смысл без сущности, исчезают, становится не так уж сложно адаптировать мышление к новой концепции. Я полагаю, ты обнаружишь, что она подходит гораздо больше, чем причинность!

Но ведь все учения основаны на причинности? Карма и перерождение, например.

Только догмы основаны на причинности, а догмы были отвергнуты Учителями Великой Колесницы еще до того, как наука заговорила о причинности. Они также были за бортом тысячу лет. Нет нужды вылавливать их сейчас!

Вы безжалостны и бескомпромиссны!

Спроси себя, могли бы Бодхидхарма, Хуйнэн или Шэньхуй быть жалостливыми и склонными к компромиссам? Разве ты до сих пор не смотришь из воображаемого феноменального центра? Истину оттуда не увидеть! Помни: как «Я» ты ноуменален!

III. ЧТО КАСАЕТСЯ МЕНЯ

Как грустно слушать людей, которые говорят о себе, как будто они существуют, хотя должны бы знать, что к чему!

Возможно, ты ошибаешься, презирая их — они могут просто быть честными, отказываясь притворяться!

Но я имею в виду тех людей, которые должны знать, что ничто объективное не может существовать как таковое.

Кроме как феноменально. Я полагаю, что поскольку они ясно осознают, что по-прежнему сильно отождествлены, они не хотят выглядеть лицемерами, притворяясь, что не отождествлены.

Но если они не начнут жить в соответствии со своим пониманием того, чем они не являются, смогут ли они когда-нибудь избавиться от этой фиксации? Разве это не практика не-практики?

Пока это игра в «давайте притворимся», — это практика, а не не-практика, и такая же бесполезная, как и любая другая форма практики.

Я не могу примириться с их отношением, они не оправдывают ожиданий!

А разве ты сейчас делаешь не то же самое?

Возможно, но я не могу поверить, что мы должны это делать.

Давай поймем, что их подход — не просто интеллектуальная честность, он еще и соответствует фактам.

Как это?

А вдруг они «действительно существуют»?..

Ну-ка, ну-ка!

Пока они думают, что существуют, — они существуют: для существования, которое может быть только мнимым, полностью феноменальным, объективным и концептуальным. Такова их концепция.

Вы имеете в виду, что они принимают свою концепцию как реальность?

Никакой другой реальности в космосе нет.

Они принимают себя как существ, которыми они феноменально кажутся другим, хотя прекрасно осознают, что они совсем не такие!

Они такие не только для других, но и для самих себя: если бы это было не так, не было бы и никаких «других».

Значит, мы должны ждать, пока не останется никаких «других», прежде чем утверждать, что нет «я»?

Нет, мы можем утверждать, что нет «я», но предпочтительно только в компании тех, кто уже знает, что так и есть, и только тогда, когда мы одновременно утверждаем, что других тоже нет.

Но тогда не будет «других», которым мы могли бы это сказать!

Именно так.

На самом деле это утверждение излишне, потому что никогда не может быть никого, кому мы могли бы это сказать?

Если нет «я», к которому относится это утверждение, то не может быть и «других», для которых оно говорится, как нет и «я», которое могло бы его сказать.

Получается, утверждение не-я — это нонсенс и противоречие в терминах?

Говорящее я не знает, знающее не-я не говорит!

Потому что нет ни меня, ни не-меня, и сказать нечего?

Не может быть «какого-то меня», но не забывай, что каждое чувствующее существо имеет право сказать «я есть».

Вы уверены?

Приходится согласиться, что эта фраза вызывает меньше сомнений без «есть».

Даже если так, кто этот «я»?

Такого существа нет.

Тогда кто «есть» я?

«Кто» — определяет объект. А как таковой ты лишь видимость.

Но вы сказали, что каждое чувствующее существо может сказать «я»?

Да, так и есть. Ноуменально оно может сказать «я» и больше вообще ничего, поскольку добавление любой части речи сделает его объектом, каковым он не является.

Значит, вы существуете?

Разумеется, нет. Никакого «вы» не существует. Только я.

Но и я тоже могу это сказать?

Конечно, конечно.

На секунду мне показалось, что я понял.

Ты понимаешь, но твое обусловленное объективирование захлопывает дверь, как только она открывается.

Она откроется, если я буду стучаться?

Нет, если стучаться будет «ты». Только если «Я» буду стучаться. Не откроется, пока ты будешь смотреть наружу из воображаемого феноменального центра, пытаясь сделать что-то как личность. Но как «Я», запомни, ты ноуменален.

IV. БАНАН ДЛЯ ОБЕЗЬЯНЫ

Нет никакой разницы между несведущим и просветленным.

Хуанбо

Как вы думаете, мудрец Гуань Юй просветленный?

Если ты сам просветленный, тогда да.

Но я даже не претендую!

А он претендует?

Этого я не знаю. Почему вы спрашиваете?

Если претендует, значит не просветленный.

Почему?

Потому что тогда был бы некий кто-то, который претендует.

Но разве он не знает?

Если есть кто-то, чтобы знать, то он не может *знать*.

Но он же должен быть кем-то, чтобы быть просветленным!

Никакой «кто-то» никогда не был просветленным.

Это все равно что сказать, что никто никогда не был просветленным!

Конечно, не был. Как «кто-то» может стать «просветленным»? Феномен может вообразить, что он просветлен или все что угодно еще, подобно тому как персонаж сновидения делает это во сне, в котором он сновидится. Но когда спящий просыпается, персонажи сна просто исчезают.

Но все говорят о просветленных мудрецах!

Если бы это была единственная чушь, которую говорят люди, насколько все было бы проще!

Неужели даже Будда никогда не был просветленным?

Даже Будда. По-моему, он это довольно часто повторял, но мало кто обращал внимание на его слова, зато часто читают то, что ему приписывается.

Он говорил, что не обрел ничего.

Именно так. Как и никто другой — ни один другой «кто-то», если хочешь.

Но ведь он отрицал обретение, а не просветленное состояние?

И это тоже, но это вторично. Если бы он ограничился только этим, это звучало бы неадекватно, а он вряд ли мог такое сделать.

Почему неадекватно?

Мой дорогой друг! Такое высказывание предполагает обособленное индивидуальное «я», обретающее или не обретающее некое «состояние ума». Доктрина, приписываемая Будде, указывает на то, что нет ни обособленного индивидуального «я», ни какого-либо «состояния» или любой другой концептуальной условности.

Ты что, никогда не читал «Алмазную сутру»? Если она для тебя слишком многословна, попробуй «Сутру Сердца». Они обе категоричны в данном аспекте, и буддийские сообщества каждый день повторяют «Сутру Сердца», иногда дважды в день.

Вы имеете в виду, что нет «меня», чтобы стать просветленным, что никакой феномен не может быть просветленным?

Можно подумать, что ты приписываешь мне какое-то новое учение!

И не существует такого «состояния», как «просветление»?

А как оно может существовать? Это так элементарно, что дальше некуда!

Но тогда что такое «просветление»?

Ты когда-нибудь видел ребенка с игрушкой? Или собаку с костью? Это как банан для обезьяны.

Но оно так много значит для буддистов — оно представляет их высшую цель.

Такова функция побрякушек — сфокусировать интерес и внимание.

Для них это значит гораздо больше.

Да, это символ, концептуальное изложение того, что они есть и что узнают, когда освободятся от своей воображаемой привязанности к феноменализму.

Если вы лишите их этого, они пропадут.

Напротив, пока оно у них есть, они никогда не найдутся.

Кто говорил такое?

Хуйхай «Великая Жемчужина» говорил это и многие другие до и после него.

Это преграда?

Окончательная и абсолютная преграда. Согласно Хуйхаю, это последнее препятствие.

И что оно собой представляет?

Оно представляет собой все, что они есть, когда больше нет никаких «их», чтобы быть чем-то!

Просто еще одна бесполезная и мешающая концепция?

Возможно, более опасная, чем большинство, чем любая другая. Если феномен может быть «просветленным», тогда «просветление» должно быть феноменально, как опьянение или любое другое психосоматическое состояние. Если

оно не феноменально — а все, что это слово может означать метафизически, не феноменально, — тогда нет никакого индивидуального «я», чтобы его испытывать.

Получается, что вся эта идея — полнейшая ерунда!

Детям нужны игрушки. Взрослым они нужны меньше. А зрелые не могут быть зрелыми, если вообще нуждаются в них.

Значит, можно смеяться всякий раз, когда вроде бы взрослые люди серьезно говорят о «просветлении»?

Они могут понимать, что оно не есть и не неесть, как любое другое понятие, и при этом говорить о нем, потому что таково социальное соглашение. Если они и говорят, они сами могут улыбаться. Это может даже приносить пользу.

Каким образом?

Что, если видение, что не может быть никакого «тебя», чтобы быть просветленным, — это средство раскрытия того, на что вечно указывает этот сияющий и соблазнительный символ?

Он может быть хорошим указателем?

Если понять его неправильно, он может оказаться бедствием. Но понятый правильно, он почти попадает в точку!

Значит, поэтому Хуанбо и многие другие говорили, что нет разницы между просветленным и непросветленным?

Однако повторю снова, и снова, и снова: это не «неведение» и «просветление» как объективные концепции, «разные» или «не разные», существующие или не существующие или какие-то еще! Это не то, что видится, а то, что смотрит, лишенное различий, различающего видения.

То есть Хуанбо использовал объект, чтобы указать на его источник?

Они все так делали! Разворачивать каждый прямой указатель наружу на объекты — значит разворачивать каждый прямой указатель прочь от истины! В наше время делать это бессмысленно, поскольку у нас нет наставников, чтобы нянчиться с нами и бить нас. Послание всегда ясно, пока оно не искажено.

Значит, подобные утверждения вводят нас в заблуждение?

Возможно, это делалось намеренно, но безыскусные переводчики, вынужденные выражать все концепции объективно, усугубили ситуацию. Смысл достаточно ясен, как и было задумано, для тех, кто способен понять.

Но тогда он уже должен быть известен?

А он уже известен. То, что вводит в «заблуждение» тех, кто не готов, может оказаться откровением для тех, кто готов.

Глупцам это специально говорили таким образом, чтобы способные могли понять?

Даже сегодня по-прежнему можно увидеть, почему это считалось необходимым.

Но как можно заметить эту разницу?

Спрашивая себя, не смотришь ли ты все еще из феноменального центра, имеющего только воображаемое существование. Если да, тебя введут в заблуждение, если нет — ты сразу все поймешь.

V. ТОРТЫ

Тот чернокожий с крючковатым носом написал мне оскорбительнейшее письмо! Что вы об этом думаете?

Что я думаю? Что как его объект ты должен быть крайне несимпатичным персонажем! Жаль: как объект дамы, которая написала тебе на прошлой неделе, ты был, если я правильно помню, почти святым?

А в качестве моего объекта он — невоспитанный придурок, а она — милый оптимист!

Несомненно. Но следует также помнить одну простую деталь — объекты как таковые

не существуют, кроме как собственные видимости и интерпретации.

То есть они — чистые феномены?

Феномены всегда чистые, насколько я их понимаю.

Что означает, что они есть лишь то, чем видятся?

Именно. Или, говоря точнее, чувственно воспринимаются.

И то, что воспринимается, — это воспринимающий?

Отражение воспринимающего. Что еще можно было бы воспринимать?

Что он несимпатичный персонаж, а я невоспитанный придурок?

Разве каждое заявление не является источником того, что вы взаимно воспринимаете в качестве друг друга?

Вы уверены?

К чему быть уверенным? Спроси себя, как еще вы можете *быть*. Как объекты друг друга можете ли вы быть чем-то внутри себя?

Полагаю, что нет. Но каковы мы как наши собственные объекты?

Не таковы, как в глазах других людей, и обычно гораздо лучше.

А люди вообще понимают это?

Лучше спроси у них. Мне кажется, что «люди» в целом почти не обращают ни на что внимания, сколь бы простым и очевидным оно ни было.

Но что именно вы имеете в виду, когда говорите или подразумеваете, что все воспринимаемое — это «отражение воспринимающего»? Отражение «я» воспринимающего?

Разве бывает такая сущность, отличная от феноменального реагирующего аппарата? Все восприятие — это, очевидно, отражение видимого в том, что обозначается как «чистый ум», обычно сравниваемый с беспредельным зеркалом, отражающим все, не удерживающим ничего и не имеющим познаваемого существования.

Чья это концепция?

Насколько мне известно, первым ее описал Чжуан-цзы, также наставники династии Тан и их последователи свободно употребляли это сравнение. «Зеркальный ум» оказался удобным термином.

А «зеркальный ум» воспринимает «плохо воспитанных придурков»?

«Зеркальный ум», или то, что обозначается этим термином, вообще ничего не воспринимает. Восприятие феноменально, а «плохо воспитанные придурки» или «святые» — концептуальная интерпретация того, что может быть названо психическим комплексом.

Так что же есть на самом деле?

Конечно же, ничего! Вы создаете домыслы и швыряетесь ими друг в друга, как клоуны тортами.

Какими дураками вы нас представляете!

Это тоже торт. «Я и другие» — старейшая и самая распространенная пара клоунов — это архетип всех клоунов и всей клоунады.

Можно сказать, что это все, чем они являются?

Определенно. Что-либо иное будет означать, что вы принимаете их всерьез.

Даже в их кровожадности и преступности, жульничестве, обмане и взаимном уничтожении, зависти, ненависти, злобе и жестокости?

Кто принимает все это всерьез?

Почти все мы.

Клоуны, паяцы, принимающие себя всерьез! Клоуны — известные трагики в частной жизни.

Но жизнь и весела, и трагична.

Снящиеся феномены переживают и кошмары, и приятные сновидения.

Мне все это не нравится! Неужели мы действительно ничто — лишь объекты друг друга и, конечно, свои собственные?

Как *объекты* — чем еще мы можем быть? Я уже задавал этот вопрос раньше, и это единственный ответ на твой вопрос.

Но как субъекты друг друга?

Такой субъект сам в свою очередь является объектом, и как объект он также не существует.

Но должна ведь быть некая абсолютная — скажем — «субъективность»?

Это соответствует логике двойственного мышления. Но тогда эта так называемая «субъективность» сама становится объектом — объектом мысли. Как «необъективность» ты можешь подойти на шаг ближе в указывании на то, что может быть постигнуто лишь интуитивно. Но ближе всего — «отсутствие как объективности, так и необъективности», которое вообще не «вещь».

И там мы застрянем?

Там ты застрянешь — пока будешь настаивать на объективизации как феномен, на смотрении наружу, на том, что ты субъект, ищущий объект. Ты застрянешь, потому что здесь нет никакого объекта, а никакого объекта нет, потому что «здесь» нет и никакого субъекта, и отсутствие обоих — это...?

Ноуменально — их объединение?

Два отсутствия не создают одно присутствие. Из двух нельзя сделать «одно», даже ноуменально.

Тогда что?

Искомое есть искатель, который не что-то. Отсутствие есть присутствие не-присутствия и не-отсутствия. Мы не только объекты друг друга, но и отсутствие всех объектов, в котором все они проявляются!

И мы — то объективное отсутствие, которое есть все, что есть.

Мы также — каждый объект, который кажется существующим, поскольку вся видимость есть наша видимость, и ноуменально все феноменальное — это мы.

Я чувствую какую-то тайную радость, слушая это!

Ерунда, ты не просто слушаешь. Ты чувствуешь

тайную радость, говоря это, потому что когда ты начинаешь говорить это, ты становишься этим.

Как это происходит?

Может быть, на мгновение ты покидаешь выдуманный феноменальный центр, из которого по привычке действуешь и, в качестве Я, находишь ноуменальный центр, который старые наставники называют твоей «истинной природой»?

VI. ВОПРОС

Тот человек выглядит озабоченным.

Спроси его, кто может заботиться о чем бы то ни было.

Или не заботиться о чем бы то ни было?

Конечно.

Он решит, что это ужасно глупый вопрос.

Так и есть.

Невероятно дурацкий. Кто это вообще может быть? Чудно́е заявление. Мужчина рассмеется, девчонка захихикает.

Кто смеется, кто хихикает?

Вы имеете в виду, кто тот умник, который задает этот вопрос или пытается на него ответить?

Кто знает или не знает, кто это может быть? Или кто может быть, чтобы заботиться или не заботиться о чем бы то ни было?

Это уж точно не обо мне!

Очевидно. Но кто знает то, что знаешь ты?

Я.

Конечно! Это и есть ответ.

VII. БОДХИСАТТВЫ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

Невозможно ничего сделать для этой несчастной женщины! Я изо всех сил пытался ей помочь, но не могу.

Как, интересно, ты себе представляешь, что один феномен может помочь другому?

***

Похоже, ты онемел от изумления! Разве это не очевидно?

Точно! Но... но... все же... что все мы пытаемся сделать? Даже должны пытаться сделать? Бодхисаттвы, например.

Бодхисаттвы не пытаются ничего сделать. Им

это не нужно. Если бы пытались — не смогли бы.

Вы имеете в виду, что, не пытаясь, можно сделать больше?

По крайней мере, если ты — бодхисаттва.

Но я не претендую на звание бодхисаттвы!

А они что, претендуют?

Ну, если судить по тому, как их описывают, можно заключить, что да. Но, возможно, на самом деле они и не думали.

Неплохо бы отличать истину, хранимую в сутрах, от передачи самих сутр людьми, которые их не до конца понимают. Это одна из причин, без сомнения, почему Учитель сказал однажды обеспокоенному монаху: «Не позволяй этой сутре опрокинуть тебя, лучше опрокинь ее сам!»

То есть?

Пойми это как Учитель, произносящий это, а не как ученик, ищущий какой-то скрытый смысл.

Но если мы не знаем, что именно имел в виду Учитель?

Мы знаем.

Как бодхисаттвы помогали «всем живым существам»?

Помогали? Разве их работа уже завершена?

А разве они еще остались?

А почему нет?

Ну кто, например?

Например, мой собеседник, с которым я сейчас разговариваю.

Вы про меня?

Нет, не про «тебя». Даже Будда «говорил пятьдесят лет и ни слова не слетело с его уст».

Вы имеете в виду, что я мог бы когда-нибудь стать бодхисаттвой?

Никогда.

Почему?

Потому что нет такой «вещи», никогда не было и никогда не будет. Это просто название, символ, а не объект. Оно предполагает *праджническое* функционирование, а не феномен.

И это функционирование может действовать через этот феномен?

Можешь назвать хоть одну причину, почему нет?

Да — степень моего невежества и некомпетентности.

Даже твоя темнота не без проблесков!

Вот вы могли бы это сделать, но...

Возможно — если бы этот «вы» был, но до сих пор я и следа его не обнаружил!

Я тоже!

Это не мешает никакому из феноменов функционировать праджнически. Напротив.

Значит, даже мы можем передавать праджню?

Не существует никакой *праджни*, которую можно было бы передавать. Но чистое функционирование, о котором мы говорим, тем не менее, также наше.

Значит, иногда мы можем вести себя как бодхисаттвы?

Нет никаких «бодхисаттв», но то, что мы выдаем за эти объекты, может действовать через феномены, которые мы считаем «нами».

Прекрасная мысль! Помогает почувствовать себя чем-то большим!

Уже недостаточно чувствовать себя просто лягушкой или букашкой? Спроси биолога.

В смысле они тоже могут?

Почему же нет?

А есть какое-нибудь подтверждение этому?

Подтверждение! Как можно желать подтверждения очевидному! Я что, должен нарушить сон очаровательной коровы Раманы — Лакшми — снова? Она была полностью «просветленной» — если использовать общепринятый жаргон — согласно Рамане, для которого это было в порядке вещей и даже не заслуживало комментариев.

Так Лакшми была бодхисаттвой!

Если ты именно это подразумеваешь под этим словом.

И мы все можем помочь способом бодхисаттв — не пытаясь помочь?

Возможно, иногда даже вопреки попыткам помочь.

Просто... просто существованием?

Нет, лучше не-существованием, поскольку «существование» означает «быть определенным»,

как указал японский философ Нисида[51], а все живые «существа» определены окружением — социумом, модой и общей обусловленностью.

Поскольку «существование» подразумевает себя-и-других?

Да, и ни одно из них не существует.

Без «себя» можно помогать «другим»?

Без «себя» не может быть «других».

И что?

Чистые необъектные отношения.

Если быть другими — им это поможет?

Нет, если быть другими, они перестают быть «другими».

И это помощь?

Это Спасение.

51 Нисида Китаро (1870–1945) — выдающийся японский философ, основатель киотской школы философии, соединивший идеи западной философии и дзэн-буддизма. Его основные концепции — это «логика басё» (недвойственная логика) и понятие абсолютного ничто. — *Прим. перев.*

VIII. ВИДЕНИЕ

Какой неприятный тип, настолько же противный, насколько его брат очаровательный. Вы не находите?

Как я могу? Каждое из этих суждений, соответственно, — кокос и букет, брошенные в разные образы в твоем собственном аспекте ума — полностью твое создание, не связанное с феноменами, к которым ты привязываешь эти образы.

Образы в уме?

«Я» и «другие», функционирование двойственного разделения. Именно этот процесс, осуждаемый всеми направлениями адвайты и называемый на их языке «ложными мыслями», «разделением» и т. д., — это тот самый механизм «закрепощения», от которого следует избавляться любыми способами для восстановления присущей свободы.

На нашем языке — объективизация чисто субъективной концепции?

Поставить чучело и забросать его чем-нибудь. Превратить чистый ум в метатель кокосов!

Тогда что есть эти двое?

Без разделения, без суждений?

Да.

Помнишь слова Хуйнэна к Хуйшуню, иногда называемому Хуймином, пробудившие его? «Не думая о „хорошем“ или „плохом“ (или „не таком хорошем“, как замечательно уточнил Пол Репс в своей версии „Врат без ворот“), вспомни, чем ты был до того, как родился». Это было истинное видение, адвайта — недвойственное — видение, прямое видение без умозаключений или толкования, и оно открыло врата без ворот.

Я слышал, что «мондо»[52]*, которое вы процитировали, пробудило многих людей, но оно не отвечает на мой вопрос.*

Ты упустил суть: Хуйнэн заставил своего преследователя перестать объективировать, перестать давать концептуальные суждения о вещах как объектах, и повернул его внимание назад к субъективному источнику. Фактически он сказал: «Перестань концептуализировать и будь тем, чем ты всегда был!»

И этого было достаточно?

Воспринимание без умозаключений, видение феноменальной вселенной как она есть, без суждений — это восприятие «таковости», «есть-ности»: субъект такого объекта сам не становится объектом.

52 Внезапный вопрос, коан. — *Прим. перев.*

Необъектное воспринимание, не становящееся личностной объективизацией?

Думаю, так можно сказать.

Сказать непросто!

Сказанное не важно, видения достаточно — из источника!

Но что ты видишь?

«Ты» не видишь. Нет ни «тебя» ни «других», ни «одного» ни «двух», ни «субъекта» ни «объекта». Только видение таковости как таковой.

Просто видение, которое есть видящий и видимое?

Который не есть ни видящий, ни видимое.

Который есть…?

Чистые необъектные отношения.

Необъектные отношения между чем?

«Отношения» между феноменами, между взаимно-снящимися объектами, но само видение ноуменально.

Но что могут сделать взаимноснящиеся объекты?

Ничего, их взаимность также снится.

Тогда...

Вот почему это истинное видение — нет ни субъекта, ни объекта, ни я, ни других.

В том смысле, что ложное, или обусловленное видение исключается?

Где «ложное, или обусловленное видение» — концептуальное препятствие.

Кажется, я почти понял! Расскажите мне еще.

Этого достаточно. Рассказывание, даже когда оно возможно, только затрудняет постижение сути.

Поскольку постижение сути есть внутреннее видение.

Внутреннее видение отсекается внешним видением. В отсутствие внешнего видения оно присутствует.

Но что присутствует?

Источник всего видения. Только он присутствует. Внутреннее видение не означает смотреть в одном направлении вместо другого, «внутрь» вместо «вовне» из одного и того же центра, как обычно полагают. Это видение *изнутри*, а не *снаружи*, видение из источника, который есть ноумен, а не из проявленного, которое есть феномен.

Так на самом деле это должно быть не «внутренним видением» и «внешним видением», а «изнутри-видением» и «снаружи-видением»?

Недостаточно элегантно и все еще неточно, но, несомненно, менее запутанно! Первое — это целостное видение, второе — разделенное видение. Это суть, поскольку пространственное различение не может быть точным.

Это важно?

А как же! Воспринимание — это все. «Видение, видение, видение», — как восклицал Руми, и он имел в виду не феноменальное наблюдение объектов субъектами, а ноуменальное внутреннее видение, лишенное обоих!

IX. НЕОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Что вы имеете в виду под выражением «необъектные отношения»?

Больше не видеть «тебя» как объект.

Где «ты» — объект, видимый субъектом?

Да.

Разве не должен объект отплатить взаимностью, также перестав видеть свой субъект как объект?

«Ты» — также субъект объекта, который перестал видеть тебя как объект.

Но разве могут «необъектные отношения» быть односторонними, не взаимными?

В случае с учителем это так, но отношения возможны, поскольку отсутствует лишь один субъект и, следовательно, лишь один объект.

Так как это делается?

Это не делается, это случается.

Случается?

Кажется, что случается: «отношения» — которые больше таковыми не являются, разве что феноменально — уже существуют.

Тогда как кажется, что они случаются?

Это то, что остается во время отсутствия обычно преобладающего понятия отождествленности.

Субъект утрачивается как таковой?

Хорошо!

И берет с собой свой объект?

Отлично!

Но затем что?

Если феномен под названием «ты» также испытывает отсутствие отождествленности, то необъектная связь тотальна.

Тогда они одно?

Нет, тогда нет ни одного.

И это и есть тотальная… гармония?

Ты сегодня в ударе!

А что бывает, если один только феномен на мгновение освобождается от отождествленности?

Боюсь, что я не знаю.

Пожалуйста, подумайте! Мне кажется, это важно.

Вероятно, это недооценка: на самом деле это ноуменально. По всей видимости, отождествленность, которая не отвечает вследствие отсутствия, остается как присутствие целостного ума.

И это остается незамеченным?

Возможно, или отмечается как нечто непримечательное.

Хотя на самом деле излучается свет, сияние?

Феноменально — не обязательно.

Такое часто случается?

Спроси какого-нибудь учителя. Сомневаюсь, что он часто теряет отождествленность , когда его непосредственный объект не в состоянии отвечать.

Но разве может кто-то кроме учителей сделать такое?

Я уже говорил тебе — это не действие.

Тогда может это случиться с кем-то помимо учителей?

Конечно, может! Это состояние, которое всегда присутствует.

А вы испытывали это?

Не чаще тебя.

То есть никогда!

Ерунда! Ты просто не замечал этого, вот и все!

Пожалуй, теперь, когда вы сказали это... я вспоминаю, как удивлялся...

Конечно, конечно.

Но я хочу сделать это!

Ты не можешь.

И что?

Оно присутствует. Ты узнаешь его.

Но может ли оно остаться надолго?

Сомневаюсь, что оно подчиняется времени.

Но ведь его феноменальную длительность можно измерить?

Попробуй представить секундомер кибернетическому электронному калькулятору с подробной инструкцией, как использовать его в нужный момент.

Бред! Скажите, хотя бы, воспринимаема ли эта длительность?

Конечно!

Это счастье?

Мне не нравится это слово.

Радость?

Лучше, но не совсем верно.

Сияние?

Вот видишь — ты знаешь!

X. СЛОВА, КОТОРЫЕ ОЗНАЧАЮТ ТО, ЧТО ГОВОРЯТ

Почему столько слов используются неправильно в метафизике?

Слова — это объективизация субъекта, и если восприятие субъекта двойственно, он воспринимает объект, а слова описывают его. Тогда он заблуждается.

От этого нет лекарства — разве что воспринимать напрямую! Но можно ли выразить словами то, что воспринимается напрямую?

Выразить — да, описать — нет.

Слова в наше время неправильно используются и в других областях! Почему так?

Не знаю, но все изобрели жаргон, особенно политики.

Вы имеете в виду фантастическую лексику коммунистов?

Это, несомненно, выдающийся пример.

Как когда они называют все другие страны «империалистическими», хотя единственная империя — их собственная?

Не только коммунисты. Проекция «себя» на «других» — это азы психологии. Но та лекси-

ка, о которой ты говоришь, основана на оскорблении, использовании слов как оружия, чтобы выражать ненависть. Это также — проекция.

Разве так она не уничтожает саму себя?

Она будоражит тех, кто ее использует. А «другие» только смеются, насколько я знаю.

И этот процесс возведен в высокое искусство!

Неправильное использование слов — никакое не искусство, тем более не «высокое». Напротив, это наихудший вид неведения. К тому же, как ты только что заметил, словесные стрелы, напитанные ядом, не достигают врага, а бумерангом возвращаются к стрелкам.

И те, кто выпустил их, отравляются ненавистью?

Это самый опасный яд и, как многие яды, он вызывает зависимость, порождает искусственный гнев и провоцирует отравившегося на драку.

А каковы следствия неправильного использования слов в метафизике?

Механизм такой же, как тот, что мы только что описали, но результат — усиление неведения.

И что же делать?

Использовать слова корректно — вот что следует делать. И не только в метафизике.

Вы обнажили абсурдность «просветления» и других подобных часто использующихся слов, заставляющих людей думать, что феноменальный объект как таковой может трансформироваться во что-то отличное от того, чем он кажется. Это сбивает людей с пути и мешает им увидеть верное направление. Но вы не объяснили мне, как люди могут поверить в то, что они не существуют.

Но они и не должны верить — ни в это, ни во что-либо еще.

Почему?

Потому что нет отождествленности, чтобы верить, что она — не она!

Вы имеете в виду, что если кто-то верит в это, он все еще остается отождествленностью, потому что именно он верит в это?

Именно.

Что же тогда он может знать?

Он может осознать, что то, чем он является, — это не то, чем он кажется феноменально. Осознавание не зависит от рамок отождествленности, только знание столь ограниченно.

Различие в терминах очень тонкое!

Да, китайцы использовали отрицание, оно лучше. Но между собой мы можем говорить утвердительными терминами, ведь так?

Вы имели в виду «не-знание»?

Это не знание и не не-знание, а отсутствие обоих.

Но вы не объясняете, как такое может быть. Видимо, это невозможно объяснить.

Почему же невозможно?

Разве нет вещей, которые невозможно объяснить?

Сомневаюсь. Я уже говорил, что все можно выразить, но не определить.

Ладно, тогда вещей, которые не следует объяснять?

Я считаю, что таких тоже нет. Окончательное понимание невозможно передать словами, но каждый элемент, ведущий к такому пониманию, можно и нужно объяснять — тем, чье облако непонимания истончилось настолько, что сквозь него начал проглядывать свет.

Создавая просвет?

Да.

Тогда почему вы не говорите мне, как воспринять, что я не существую?

Потому что нет того, кто может воспринять, что не существует.

Простите! Я имею в виду, почему вы не говорите мне, как понять, что я не то, чем кажусь феноменально?

Разве это не очевидно? Лучше ты сам скажи мне.

Но я не знаю!

Ерунда, конечно знаешь! Я буду задавать тебе наивные вопросы — так, как это делают обычные люди. Например, почему *ты* говоришь, что я не то, чем кажусь феноменально?[53]

Скажите мне сначала, кем вы себя считаете?

Собой, конечно!

И что же это?

Я? Вот здесь — это я.

И почему вы так думаете?

Все видят меня, и я себя вижу, по крайней мере, часть себя, и всего себя — в зеркале.

53 Далее роли говорящих меняются. Отвечающий становится вопрошающим, но курсив принадлежит прежнему собеседнику.

Но это всего лишь объект, объект других людей и ваш собственный, воспринимаемый органами чувств и интерпретируемый психикой на базе мнемонических образов.

А что не так в том, что я объект?

Ничего, кроме... кроме того, что объект — всего лишь понятие, идея, концепция, образ в сознании.

Ты имеешь в виду, что это все, чем я являюсь?

Дайте подумать... как объект — да, конечно, это все, чем вы являетесь. Умозрительностью.

Но я все еще являюсь собой!

Да, полагаю, что так и есть — в некотором смысле.

Почему «в некотором смысле»? В большом смысле! И как!

Да, конечно, в очень большом смысле, но не как «личность».

Ты имеешь в виду, что эта «личность» — всего лишь объект?

Именно так. Это все, чем она является. Лишь понятие, идея, образ в уме — чисто теоретический.

Значит, то, что я есть, — это... я?

Да, всегда. Как и то, что я есть, и любое другое живое существо, которое может чувствовать «я», — то есть чувствующее существо.

И в некотором смысле я есть все?

Все есть я, но не как объект.

Почему так?

Но вы же можете это увидеть? Любой объект — это лишь что-то воспринимаемое, то есть само по себе это ничто! Только я могу быть: все остальное воспринимается и не может быть чем-то, отличным от я.

Включая то, чем ты кажешься как объект?

Да, конечно, и это тоже.

Как такое может быть? А как же субъект-объект?

Субъект-объект — это просто объект, который является не чем иным, как своим субъектом, и субъект, который является не чем иным, как своим объектом!

Так что я за пределами субъекта-объекта?

Конечно, конечно! Я есть чистая ноуменальность! Никакая не вещь.

Так вот что я есть, когда я понимаю, что не являюсь тем, чем кажусь феноменально! Ты

объяснил это так ясно, что я склонен думать, что я понял.

Если вы склонны думать — значит, вы не поняли! Такое понимание невозможно для личности!

Хорошо, хорошо! Я — не личность, которая понимает что-то. Понимание, что нет никого, чтобы понимать, и ничего, что понимать, и есть понимание того, что я есть! Прекрасно, а ты?

Я? Боже милостивый, я и забыл о себе! И о том, что мы поменялись ролями. Это действительно все, что есть? Но ведь это довольно просто!

И очевидно. Ты знал это, как я и говорил, но ты не осознавал это.

XI. КЕМ БЫЛ БУДДА?

Вы часто говорите о Будде, но кем был Будда?

Какая разница?

Может, и никакой, но для некоторых людей это важно, как и для меня.

Откуда мне знать, кем был Будда?

Неужели никто не знает?

Многие воображают, что знают, но обычно это просто традиция, которой их учат.

Разве эта традиция не заслуживает доверия?

Не более чем любая другая того же возраста и положения.

Вы имеете в виду, что она окутана мифами и не кажется истинной?

Неизбежно.

Почему?

Его слова были записаны лишь спустя четыре столетия после его смерти, к тому же на языке, отличном от того, на котором он говорил.

То есть он не мог их говорить?

Наверняка не так, как их записали.

А какие из них наиболее близки к оригиналу?

Это пусть эксперты решают. Ему приписывается так много слов, что если бы он действительно говорил их все, он, несомненно, умер бы от ларингита на ранней стадии их произнесения.

Вы циник!

Чепуха. Они противоречат друг другу. И некоторые по внутренним признакам могут довольно точно датироваться сравнительно поздними периодами развития этого учения.

Я думал, что они точно соответствуют разным периодам жизни Будды согласно тем людям, которым он передавал свое учение.

Так и есть. Такая систематизация говорит об огромном труде, который может удовлетворить простодушных, но у ученых вызовет лишь широкую улыбку.

Тогда скажите мне, кем был Будда и чему он в действительности учил.

Зачем ты задаешь мне такой вопрос? Откуда, интересно, я могу это знать? Я не только не эксперт, но даже и не исследователь.

Я знаю. Тем не менее у вас могут быть какие-то предположения об этом.

Никаких! Я могу только указать на то, что и так очевидно для всех, кто хоть что-то знает об этом деле.

И что это?

Кем еще может быть Будда, как не последним из шести или семи аббатов, или патриархов, непальской «церкви», выступающей против брахманов?

Была такая линия аббатов, или патриархов?

Я слышал, что они достаточно хорошо записаны и задокументированы в Непале.

И каково было их учение?

Думаю, можно заключить, что оно было законспектировано и блестяще развито Шакьямуни.

Вы только что указали, что сутры сильно разнятся и противоречат друг другу. Могли эти сутры принадлежать его предшественникам?

Такая гипотеза, насколько мне известно, никогда не возникала. Предположение, что различные категории сутр представляют разные аспекты учения, разработанные и передаваемые разными патриархами, или «Буддами», но приписываемые Шакьямуни, без сомнения достойно рассмотрения. Это, однако, не меняет того факта, что некоторые из них — более поздние компиляции.

Некоторые независимые традиции могли сохраняться независимыми общинами — последователями разных патриархов, каждая из которых затем была доработана перед записью.

Я склонен согласиться. Их независимое происхождение могло быть утеряно намеренно.

Тогда какая из них древнейшая?

Я могу лишь предположить. Наверняка это самая простая, наиболее понятная и самая этичная — учение, представляемое сейчас палийскими записями, в которых, без сомнения,

оно дорабатывалось столетиями перед превращением в сутры. А сам Шакьямуни говорил на языке магадхи[54].

Значит, сутры махаяны — более поздние работы?

Ты говоришь, как истинный тхеравадин! Если мое мнение чего-то стоит — в чем я лично сомневаюсь — нет ничего невозможного, даже невероятного, в том, что Будда или кто-либо другой из патриархов передал эзотерическое учение избранным ученикам, учение или неучение, которое всегда стояло обособленно и впоследствии вновь всплыло как махаяна. Но даже если это был сам Шакьямуни, разве не возможно, что он тоже его унаследовал? Если он был на самом деле членом семьи раджи, он, скорее всего, был «патриархом» более по рождению, чем по призванию. Однако в его случае призвание также имело место.

Почему мы ничего не слышали об этой линии непальских патриархов, или аббатов?

Слышали, но как о линии доисторических «Будд», тянувшейся через невероятное число эонов.

54 Магадхи, или магадхи пракрит (Magadhi Prakrit) — один из языков Древней Индии, распространенный во времена заката санскрита на территории современной Восточной Индии, Бангладеш и Непала. На языке магадхи говорили в царстве Магадха, процветавшем во времена Будды Гаутамы. — *Прим. перев.*

Вы имеете в виду, что на самом деле это была просто линия аббатов?

Факты говорят мне о том, что исторически это были именно они.

И завершает линию Шакьямуни?

Как я уже говорил, я не изучал серьезно этот вопрос, но думаю, что завершает ее Майтрейя, который должен был быть избран «Буддой», но не преуспел и был вместо этого увековечен как грядущий Будда.

Вы действительно не знаете, было ли тому документальное подтверждение?

Я действительно не знаю. Я только знаю, что какое-то подтверждение есть и что ступа исторического Шакьямуни была найдена, раскопана и на ней сделана надпись.

Почему я об этом ничего не слышал?

Разве ты не слышал? Это достаточно широко известно. Возможно, это замалчивалось, как и все, что противоречит мифу, хотя нет ничего постыдного в этой надписи, просто она касается достойного человека, а не божества.

Вы все это от меня скрывали!

Вовсе нет. Разве необходимо оскорблять веру других людей, даже если ты достаточно ква-

лифицирован для этого, и уж тем более если, как я, — недостаточно?

Но ведь с исторической точки зрения это представляет большой интерес!

Я согласен. Поэтому когда ты спросил, я рассказал то немногое, что знаю.

Мне кажется, это скорее усилило мое восхищение буддизмом, а не наоборот.

По-моему, так и должно быть. Завеса мифа лишь бросает тень на учение, поскольку современные люди не верят в невероятное.

То есть чем вероятнее учение с исторической точки зрения, тем большей силой оно должно обладать?

Таково мое мнение.

И ваш рассказ очень вероятен, ведь так?

Лично я думаю, что это *trop vraisemblable pour ne pas être vrai*[55], более того — «se non è vero è ben trovato[56]!»

Теперь, когда вы на это указали, мне это кажется очевидным. Буддизм от этого только выиграет, к тому же это не противоречит облику Будды, оставленному им в ранних сутрах, и не портит его!

55 Слишком вероятно, чтобы не быть истиной (франц.). — *Прим. перев.*

56 Если это и не правда, то хорошо придумано (ит.). — *Прим. перев.*

Нам остается только оставить прояснение этого вопроса ученым — все в свое время. Мало кто из них захочет вызвать раздражение приверженцев религиозных предрассудков.

Все равно что разозлить пчелиный рой! Их винить не за что. Но они не помешают нам верить в это.

Ничто не заставит меня верить в это! Или во что-либо еще. Вера бесполезна, поскольку нет того, кто мог бы верить. Я просто предполагаю, что исторический инстинкт говорит о том, что эта версия происхождения буддизма благоухает истиной. Вера — наиглупейшая вещь на свете, откровенно осуждаемая Буддой!

Любая «вера» глупа?

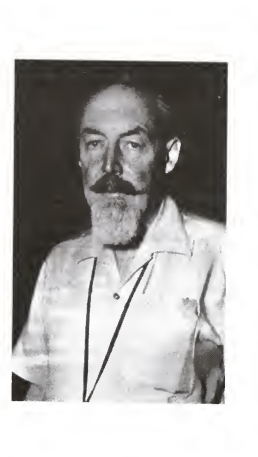
Конечно, нет. Это слово означает «доверие авторитету», но что такое «авторитет»?

Возможно, это зависит от того, чей это авторитет? От чьего авторитета это зависит?

В основном от авторитета традиции и предрассудков. Только знание есть доверие, а такое доверие — это бытие. Такое «бытие» — это совсем другой вид веры, достойный того, чтобы его лелеять.

И этот вид и есть авторитет?

Разве не может каждый решить сам за себя?

Об авторе

Вэй У Вэй — псевдоним человека, написавшего в период с 1958 по 1974 гг. серию бесценных книг, разъясняющих все тонкости учений недвойственности — не только адвайты, но и буддизма (чань и дзэн), и даосизма. Глубоко философские и поэтичные, эти книги оставляют неизгладимое впечатление на всех, кто берет их в руки.

Настоящее имя этого неординарного человека — Терренс Грей (1895–1986). Он родился в Англии в семье богатых ирландских аристократов. Учился в самых престижных заведениях Англии — Итоне и Кембридже, но с учебой у него не заладилось — Итон он покинул через два года, а его учебу в Кембридже прервала война.

Тем не менее, его личность невероятно многогранна — он был ученым и писателем, исследователем, египтологом, историком, публицистом, писал пьесы для театра, был театральным режиссером, продюсером и директором, виноделом, владельцем скаковых лошадей, путешественником и мистиком.

Он был дважды женат, оба раза на дочерях русских аристократов. Первая жена была из семьи Римских-Корсаковых, вторая была принцессой Грузии. Его конь по имени Заратустра выиграл Золотой Кубок, победив на королевских скачках в Аскоте. Созданный им экспериментальный театр в Кембридже под названием Festival Theatre стал знаменит на всю Европу и перевернул британские представления о театре. Несколько раз он приезжал в Россию и написал несколько книг о «новом советском театре». Некоторое время он жил в Мексике, изучая культуру ацтеков, и, вернувшись в Англию, взял себе псевдоним Кецалькоатль. Затем он все бросил и уехал во Францию. Потом он путешествовал, был в Индии, Китае, на Тайване, в Японии. Об этом периоде его жизни известно крайне мало. Достоверно известно лишь, что он несколько раз посещал Раманашрам в Тируваннамалае и встречался с Раманой Махарши.

Именно в этот период он начал писать под псевдонимом Вэй У Вэй. Под этим именем он выпустил семь книг, а восьмую — последнюю — написал уже под псевдонимом О. О. О. (ноль в кубе, как он сам выразился).

Этот удивительный человек всю жизнь пытался быть невидимым, скрываясь за псевдонимами и отказываясь фотографироваться, и в то же время жил такой яркой жизнью, что его невозможно было не заметить.

Как писал о нем Поль Брантон (английский журналист, путешественник и ученик Раманы Махарши): «Вэй У Вэй стал просветленным мгновенно и без учителя, подобно Рамане Махарши».

«Неискушенно мудрые» — последняя книга Вэй У Вэя. В ней — указатели на нашу истинную природу в форме диалогов обычных и необычных животных. Читатель может узнать себя в этих коротких и иногда

веселых набросках и извлечь пользу из того, что ему откроется.
Издательство «Ганга», 2008 г.

В планах издательства выпуск и других книг Вэй У Вэя.

Серия недвойственности

Вэй У Вэй
Открытая тайна

Перевод с английского: Наталья Горина

Редактор Константин Кравчук
Редактор китайских имен и терминов
Вероника Виногродская

Корректор Юлия Жаркова
Дизайн обложки: Анна Руднева
Верстка: Инна Горцевич

При оформлении обложки использованы:
каллиграфия Чжана Сюя (675–750),
фрагмент «Сутры Сердца» (скоропись),
и фрагмент картины Ни Цзаня (1301–1374)
«Рыболовные угодья во время осеннего прояснения»
(Юй чжуан цю цзи ту)

ООО «Издательство Ганга»
www.ganga.ru
117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501
E-mail: ganga@ganga.ru.

Подписано в печать 12.12.2011. Формат 84 x 108/32
Гарнитура Charter OSC. Печать офсетная
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 1200 экз. Заказ № 7248

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru; e-mail: order@gipp.kirov.ru

Одна из самых полюбившихся книг Вэй У Вэя, «Открытая тайна», раскрывает нам истинную природу «я», а также времени, пространства и самого просветления. Эта работа включает обширный комментарий «Сутры Сердца», рассматриваемой буддистами как квинтэссенция мудрости Будды. Автор интенсивно изучал восточную и западную философию и метафизику, а также эзотерические учения основных религий. В своих работах он превращает суть этого знания в уникальную по элегантности прозу — полную юмора, метафор, глубины и его сущностного понимания открытой тайны жизни.

Когда я впервые прочел «Открытую тайну», я не смог понять ее смысл, но мне повезло осознать, что эта книга — настоящее сокровище.

Рамеш Балсекар

Вэй У Вэй стал просветленным мастером мгновенно и без учителя, подобно Рамане Махарши.

Пол Брантон

ISBN 978-5-98882-168-7

9 785988 821687